

**КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЕ
СИЛЫ
В ВЕНГЕРСКИХ
ОКТЯБРЬСКИХ
СОБЫТИЯХ**

III

**ELLENFORRADALMI ERŐK
A MAGYAR
OKTÓBERI ESEMÉNYEKBEN**

III

**KIADJA
A MAGYAR NÉPKÖZTÁRSASÁG MINISZTERTANÁCSA
TÁJÉKOZTATÁSI HIVATALA**

BUDAPEST, 1957

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЕ СИЛЫ В ВЕНГЕРСКИХ ОКТЯБРЬСКИХ СОБЫТИЯХ

ИЗДАНО ИНФОРМАЦИОННЫМ БЮРО
СОВЕТА МИНИСТРОВ
ВЕНГЕРСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Перевод с венгерского

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва, 1957

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В июне 1957 года в Будапеште вышла в свет третья часть «Белой книги» — «Контрреволюционные силы в венгерских октябрьских событиях», изданная Информационным бюро Совета министров Венгерской Народной Республики.

В третьей части «Белой книги» собраны дополнительные материалы о контрреволюционном путче в Венгрии, не вошедшие в первые два выпуска (показания очевидцев, протоколы допросов и т. д.).

Третья часть «Белой книги» еще раз показывает, что фашистский путч был организован заговорщиками внутри страны и имел широкую поддержку некоторых империалистических государств.

Издательство иностранной литературы публикует полный перевод третьей части «Белой книги».

Введение

Настоящее издание представляет собой третью часть «Белой книги» — «Контрреволюционные силы в венгерских октябрьских событиях». Она дополняет уже опубликованные первые две части, показавшие преимущественно террористические действия контрреволюционных мятежников.

Первые две части «Белой книги» помогли рассеять как в Венгрии, так и за границей ложь, получившую широкое распространение, и показать контрреволюцию во всей ее неприглядности. «Белая книга» осветила контрреволюционные события, опираясь на достоверные факты и документы. Вот почему элементы, поддерживающие контрреволюцию как внутри страны, так и за рубежом и стремящиеся убедить мир в том, что контрреволюционный мятеж в Венгрии был не контрреволюцией, а «революцией», «освободительной борьбой», с понятной враждебностью встретили ее появление.

Союз венгерских писателей (распущен в апреле 1957 года министерством внутренних дел, после того, как было установлено, что определенная группа его членов использовала Союз в качестве орудия нападения на общественный строй Венгерской Народной Республики) в ноябре 1956 года направил письмо так называемому «центральному рабочему совету» Большого Будапешта. В письме подчеркивалось, что Союзу писателей «принадлежала значительная роль в идеологической подготовке 23 октября», и одновременно указывалось:

«В нынешних условиях мы считаем внушающей тревогу любую деятельность, подобную подготовке «Белой книги» и т. д.»

Одна из контрреволюционных газет — «Мадьяр курир», — выходящая в Мюнхене на венгерском языке, «с целью информации венгерских беженцев» в номере от 15 декабря 1956 года писала, что «с помощью так называемой «Белой книги» пыта-

ются исказить тот факт, что имело место всеобщее восстание венгерского народа и освободительная борьба».

Но для того, чтобы показать контрреволюционную сущность мятежа и доказать, что так называемая «освободительная борьба» была направлена против свободы трудового народа, против социалистического строя, нет необходимости в каком бы то ни было искажении фактов, хотя бы потому, что тот же «Мадьяр курир» представляет для этого более чем достаточно доказательств. Вот что писала эта газета в передовой статье:

«Мы сожгли насыщенные ложью выпуски «Сабад неп», собранные за одиннадцать лет. Мы разгромили. помещения партийных организаций. Мы истребили часть палачей из пресловутых органов госбезопасности. Нигде не оставили ни одной красной звезды. Уничтожили все, что напоминало о проклятой памяти прошедших одиннадцати лет. Эти действия со всей очевидностью значе- нуют и вместе с тем символизируют нашу революцию».

Вот как оценивают сами «революционеры» «борьбу за свободу». Они кичатся тем, что начали так же, как Гитлер: разгромом помещений компартии, сожжением на кострах газет и книг, срыванием пятиконечных звезд, кровавым антикоммунистическим террором. Они гордятся своими чудовищными преступлениями. «Мы истребили часть», — бахвалятся они, и в этих словах сквозит мысль, что, если бы у них было больше времени, они убили бы гораздо больше людей, а не только сотни и тысячи. Слово «истребить» — в Мюнхене его применяют не впервые — предвещало, к каким масштабам террора готовилась контрреволюция: к уничтожению, истреблению целых слоев народа.

Приводим выдержку из того же мюнхенского «Мадьяр курир»:

«Наше восстание и столь непомерные жертвы явились следствием нашего исторического призвания: мы приняли на себя, как не раз делали это за период нашего тысячелетнего существования, защиту Запада от натиска варварства с Востока».

Это также достаточно ясное признание факта, за что шла борьба: за свободу или против свободы. Более того, это — признание, насколько чуждое венгерским национальным интересам дело маскировалось «национальной» фразеологией контрреволюции. «За защиту Запада», за капиталистический строй гнала контрреволюция под огонь наряду с реакционерами и преступниками отдельные группы введенной в заблуждение молодежи.

Одиннадцать лет, даже воспоминание о «проклятой памяти» которых хотели уничтожить, были годами, прошедшими со времени нилашистско-фашистского террористического режима. От высказываний «поборников свободы» из «Мадьяр курир» веет тоской по прежнему капиталистическо-фашистскому строю.

Мы привели лишь один из многочисленных примеров, подтверждающих, что сами «борцы за свободу» октябрьско-ноябрьского периода считали кровавой, смертоносной, антинародной контрреволюцией то, что под прикрытием лживых лозунгов разразилось в Венгрии между 23 октября и 4 ноября. Но только они называли ее по-другому.

Материалы третьей части нашего издания проливают свет на то, как органически, наподобие шестеренок, слились в одну диверсионная деятельность западных шпионских организаций в Венгрии и действия венгерской эмиграции на Западе. Однако они, а вместе с ними фашисты и отдельные сторонники капиталистического строя в Венгрии, были бы не в состоянии развязать контрреволюцию, если бы у них не было союзников в командном составе вооруженных сил и в рядах Венгерской партии трудящихся, в ее руководстве. Контрреволюционным силам помогло то обстоятельство, что в руководстве партии, армии и полиции имело место предательство.

Среди предателей большую роль сыграли начальник будапештской полиции Шандор Копачи и перешедший на сторону контрреволюции полковник Пал Малетер. Но особенно важную роль сыграл Имре Надь, который оказался в партийном руководстве и выполнял функции главы правительства.

Поведение Имре Надя создало чрезвычайно тяжелое положение для венгерской народной демократии. В ночь на 23 октября Имре Надь стал председателем народно-демократического правительства и членом Политбюро Венгерской партии трудящихся. Вначале он выступил как защитник народно-демократического строя. Ночью 23 октября Центральный комитет Венгерской партии трудящихся постановил принять решительные меры для восстановления порядка и защиты народной республики. Было решено вооружить рабочих, ввести в действие полицию, установить чрезвычайное положение и пригласить советские войска. Имре Надь, принимавший участие в заседании, одобрил все решения. Это успокоило многих коммунистов, массы сторонников народно-демократического строя. Успокоило потому, что они полагали, что назначение нового главы правительства не ослабляет народно-демократический строй, а, напротив, усиливает его. Эти массы были введены в заблуждение демагогией Имре Надя и его группы. Они поверили, будто Имре Надь борется против ошибок и недостатков существующего ре-

жима. Массы многого не поняли в первые дни контрреволюции, вследствие чего с их стороны и было проявлено недовольство. Они не понимали, почему их не призывают на борьбу против контрреволюционных отрядов, почему чрезвычайное положение остается лишь на бумаге. Но то обстоятельство, что председатель Совета министров — «коммунист», успокаивало их.

Однако Имре Надь в качестве главы правительства препятствовал применению чрезвычайного судопроизводства, мешал борьбе венгерских и советских вооруженных сил против контрреволюционных банд. Он способствовал освобождению лиц, арестованных в ходе вооруженной борьбы, что дало им возможность вновь выступить с оружием в руках против государственной власти. На третий день вооруженного мятежа казалось, что вот-вот удастся восстановить порядок. Тогда Имре Надь неожиданно вверг в смятение отряды, поддерживавшие порядок: он без их ведома отменил комендантский час и распорядился возобновить работу. Таким образом он использовал хлынувшее на улицу население в качестве прикрытия для продолжения вооруженных действий контрреволюции и для разжигания новых кровавых провокаций. Следствием этого явилась кровавая провокация перед зданием Парламента.

Имре Надь воспрепятствовал осуществлению выработанного в министерстве обороны плана разгрома одного из главных очагов контрреволюции — группы мятежников, засевшей в районе переуллка Корвин. Выступление против этой группы должно было начаться в 6 часов утра 28 октября, но за полчаса до начала операции Имре Надь заявил по телефону военным руководителям: «Если атака начнется, я подам в отставку».

Имре Надь защищал контрреволюционные группы, не хотел их подавлять, а стремился к сговору с ними. В то время как верные народной демократии вооруженные силы вели ожесточенную борьбу с контрреволюционерами, Имре Надь, этот псевдокоммунист, вел переговоры, стремился договориться с ними, признавал их как некую власть.

Весь мир облетело и потрясло известие о налете на здание Городского комитета партии на площади Республики и о массовом истреблении защитников здания горкома. Однако Имре Надь непосредственно после нападения на Горком партии и массового линчевания вступил в «дружеские переговоры» с главарями массового убийства на площади Республики и в первую очередь с пресловутым Йожефом Дудашом. Об этих переговорах было опубликовано следующее официальное сообщение:

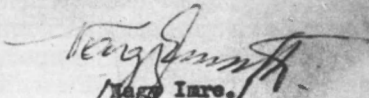
«30 октября 1956 года в 6 часов вечера начались переговоры между председателем Совета министров Имре

N y i l a t k o z a t.

A forradalmi harcokban résztvett egységek megbizottaiból, a Honvédség és Rendőrség képviselőiből, a megalakulás alatt álló munkás és ifjúsági fegyveres egységek képviselőiből alakuló Forradalmi Karhatalmi Bizottság előkészítő bizottságának a mai napon történt megalakulását a Magyar Népköztársaság Minisztertanácsa nevében tudomásul veszem és megerősítem. A Forradalmi Karhatalmi Bizottság szervezze meg a forradalmi harcokban résztvett egységek, a Honvédség és Rendőrség, a munkás- és ifjúsági osztagokból alakuló új karhatalmat. Ennek segítségével is teremtsen meg Hazánk belső békéjének helyreállítását és a október 28-án és 30-án elhangzott kormányprogrammok végrehajtásának feltételeit.

A Forradalmi Karhatalmi Bizottság az általános titkos választásokkal létrehozandó új kormány hivatalbalépéséig működjék.

B u d a p e s t, 1956. október 30.

Nagy Imre.
a Magyar Népköztársaság
Minisztertanácsának Elnöke.

Документ предательства. Имре Надь поручает вооруженным силам контр-революции обеспечение „внутреннего мира“ в стране.

Надем и представителями вооруженных сил борцов за свободу, членами Национального революционного комитета, а также представителями революционной интеллигенции и студенчества. Переговоры с представителями вооруженных сил восставших борцов за свободу на основании предложений, представленных председателем Национального революционного комитета Йожефом Дудашом, протекают в благоприятной атмосфере. Предложения повстанцев председатель Совета министров Имре Надь внесет на рассмотрение правительства».

Имре Надь не только внес эти предложения, но и представлял в правительстве точку зрения главаря банды белых террористов Дудаша. А то, что он представлял ее неплохо, доказывают его дальнейшие мероприятия. В тот же день было опубликовано заявление Имре Надя об образовании подготовительного комитета по созданию «революционного комитета вооруженных сил».

Это заявление передало в руки контрреволюционных групп власть над вооруженными силами, открыло перед ними арсеналы, до того героически защищавшиеся солдатами.

Из материалов публикуемой книги явствует также, что Имре Надь вместе со своей группой держал постоянную связь с контрреволюционными мятежниками и на деле играл в правительстве роль троянского коня, расчищавшего путь контрреволюции.

2 ноября Имре Надь устранил из правительства министров-коммунистов; передал принадлежавшие партии здания, автомашины, деньги и прочее имущество другим партиям; предоставил редакцию и типографию партийной газеты фашистской банде Дудаша. (Тогда же он предоставил помещение и типографию социал-демократической партии, а партии мелких сельских хозяев передал несколько сот тысяч форинтов.) Имре Надь ни единым словом не протестовал против истребления коммунистов на площади Республики, не протестовал против массовых арестов коммунистов, но зато он распорядился выпустить на свободу всех осужденных фашистов, военных преступников и иных врагов народной демократии. Как председатель Совета министров, он провозгласил «многопартийную систему» и в то же время содействовал разгрому по всей стране организаций компартии. Его оппортунизм перерос в предательство. Он доказал до того, что дал разрешение на создание буржуазных партий, ликвидировал Венгерскую партию трудящихся, пытался незаконно расторгнуть Варшавский договор и превратить Венгрию в театр военных действий, призвав на помощь войска Запада.

Материалы настоящего издания дают новые доказательства того, что контрреволюция в период с 23 октября по 3 ноября активизировала в Венгрии всех приверженцев и последователей прежнего реакционного строя. Глава «Провинциальные «революционные комитеты» вместе с тем показывает, почему трудовое крестьянство сумело быстро распознать, что осуществляется

F o l j e k z s é s

A Szociáldemokrata Párt képviselői azt a kívánságukat terjesztették a Miniszterelnök Úr elé, hogy a Genti-utca 4.szám alatti régi pártiházukat a benne lévő nyomdával, eszközcsédeséggel és a Népszava napilappal ismét birtokba vehessék.

A Miniszterelnök Úr ezen kívánságára, hogy a párt a kossuthi kormányban részt vegyen, a Szociáldemokrata Párt képviselői közölték, hogy erre mára szükség van a *párt* ~~szociáldemokrata pártjának~~ után fogják megadni.

B u d a p e s t, 1956. október 30.

Имре Надь, собственноручно завизировав их, одобряет требования организаторов создававшейся социал-демократической партии, передает им типографию и здание редакции, являвшиеся собственностью профсоюзов. Через несколько дней Имре Надь распорядился раздать типографии и имущество Венгерской партии трудящихся.

контрреволюция, ставящая своей целью восстановление прежнего эксплуататорского строя. В большинстве деревень на передний план выдвинулись и заняли места в различных так называемых «революционных комитетах» пресловутые и ненавистные представители прежнего эксплуататорского строя.

Глава о мятежниках из переулкa Корвин проливает свет на то, какую значительную роль в контрреволюционных действиях сыграли выпущенные на свободу преступники: политическое подполье объединилось с преступным миром. Контрреволюция нуждалась в уголовниках, которые в своей бессовестности и подлости готовы на любое преступление. Кровавый белый террор, в котором уголовные преступники сыграли большую роль, явился важным средством контрреволюции в деле устрашения масс.

Публикуемые в третьей части «Белой книги» подробные описания вооруженных выступлений 23 октября проливают дополнительный свет на картину того, что контрреволюционный мятеж был организован, развертывался по плану и возглавлялся опытными людьми.

В этой книге помещены некоторые фотокопии документов о создании новых партий и заявлений о выходе в свет новых газет. Правда, эти партии, выраставшие как грибы на почве контрреволюции, пытались при помощи трескучих фраз скрыть свои подлинные цели, но их контрреволюционная сущность и стремление к реставрации капиталистического строя нет-нет да и обнаруживали себя в программах.

Почти каждая партия называла себя «демократической», однако такие пункты их программ, как «неприкосновенность частной собственности», уже сигнализировали о том, что на деле эти партии являлись врагами национализации, социализации, что они намерены были возратить капиталистам и помещикам их собственность.

Наряду с другими появилась «народная демократическая партия», объявившая себя партией кардинала Миндсенти. Западнберлинская газета «Дер шпигель» писала 7 ноября 1956 года об этой партии:

«В четверг пополудни, то есть через 24 часа после того, как Миндсенти въехал в город, христианские демократы Венгрии на заседании, состоявшемся в кардинальском дворце на улице Ури, разработали свою пропагандистскую программу. Главным их лозунгом было: «Мы — партия кардинала».

Председатель партии д-р Лайош Элиаш заявил:

«Мы хотим быть не клерикальной, а венгерской национальной партией, корни которой уходят в тысячелетние христианские традиции страны».

А шеф печати партии д-р Гедёни добавил:

«Это вторая Октябрьская революция, ответ на петроградскую коммунистическую революцию 1917 года».

Итак, это была ярко выраженная контрреволюционная программа, такая же, с какой осенью 1919 года выступили фашисты Хорти, поддержанные войсками Антанты.

Кабинет Имре Надя на своем заседании вынес решение о поддержке этой «народной демократической партии».

Среди более или менее маскировавшихся контрреволюционных партий появился «всевенгерский блок беспартийных». В его

Они ненавидели его, как Гитлер и Геринг. На фотографии повешенный бюст Димитрова.

Против „сталинизма“ — таков был один из главных лозунгов сторонников Имре Надя и организаторов демонстрации 23 октября. Но в Дьере, как сообщил „Лайф“, контрреволюционеры сразу же сняли портрет Ленина.

программе, подписанной организатором «блока» Иштваном Асталом (Будапешт, XI район, проспект Бела Бартока, 115), содержится и такой пункт:

«Взять под полицейский надзор всех партизан, которые после роспуска органов госбезопасности остались на свободе, потому что двенадцать лет назад они принимали самое активное участие в создании советской диктатуры у нас на родине, в осуществлении безрассудных насилий и произвола. Помимо этого, необходимо издать декрет о немедленном роспуске Союза партизан».

Как известно, члены Союза партизан боролись против фашизма. Двенадцать лет назад они помогли свергнуть господство Хорти и Салаши — венгерских приспешников Гитлера.

Приведенная выше программа «всевенгерского блока беспартийных» показывает также, что контрреволюция вызвала к жизни, поощрила и предоставила активную роль фашизму, который хотел уничтожить, потопив в крови, антифашистов — подлинных борцов за свободу венгерского народа — и возродить самый мрачный период истории Венгрии — фашистское рабство.

Провинциальные „революционные комитеты“

При вести о будапештских событиях эксплуататорские и прочие реакционные элементы зашевелились также в деревнях и городах и открыто выступили со своими требованиями. В большинстве мест при полном нарушении демократии «избрали» «революционные» комитеты. В «выборах» принимали участие главным образом реакционные элементы сельского населения, которые на публичных уличных митингах путем открытого голосования, вернее путем выкриков с мест, выдвигали своих ставленников. Большинство членов комитетов и особенно заправилы выдвигались не из числа трудящихся крестьян, составляющих подавляющую часть населения, а из рядов кулаков, бывших жандармов, хортистских офицеров, начальников сельских управ, судей, вступивших в сговор с уголовными элементами. Таким образом, независимо от мнения и воли подавляющего большинства населения верх брали разнузданные контрреволюционные элементы. Эти реакционные группки сколотили из подобных им подонков «национальную гвардию» и держали в страхе трудящихся сел и городов. Они объявляли себя то поборниками «подлинной демократии», то откровенными фашистами. Их бесчинства, совершенные с помощью оружия, создали обстановку террора.

Трудящиеся сел и городов были поражены, видя, как хорошо им известные враги — кулаки, жандармы, хортистские исправники, начальники местных управ и им подобные элементы — захватывают власть в свои руки.

Антисоветская демагогия в деревнях не оказалась столь действенной, как в городах, ибо трудящиеся крестьяне знали, что землю бывших помещиков они получили при поддержке Советской Армии.

Факт возвращения к власти элементов, господствовавших при старом режиме, все явственнее показывал трудящимся крестьянам, что провозглашенная различными «национальными комитетами» «новая жизнь» означала по сути дела реставра-

цию прежней капиталистической системы. Крестьяне-бедняки, рабочие и простые люди уже через несколько дней испытали на себе, что означала «свобода», провозглашенная этими «комитетами». Она означала свободу угнетения трудового народа.

Во многих местах они уже видели на практике первые террористические акты, видели, как бросали в тюрьмы сотни коммунистов и готовились к массовым казням арестованных. Они видели, как тотчас же стали возвращать кулакам и помещикам земли, насильно разгоняли хорошо работавшие и добившиеся успехов производственные кооперативы, ни во что не ставя мнение членов кооперативов, как восстанавливали старые порядки, существовавшие до 1945 года.

Вот почему у основной массы жителей сел и провинциальных городов не вызывало сомнений то, что между 23 октября и 4 ноября 1956 года в Венгрии разразилась контрреволюция, ставившая своей целью свержение народной демократии, власти пролетариата, восстановление господства прежних эксплуататорских классов.

В этом кроется объяснение того общеизвестного факта, что массы трудящихся крестьян, несмотря на националистическую демагогию, не приняли активного участия в вооруженной борьбе на стороне контрреволюции. Более того, во многих местах, вопреки известиям о победе «революции» в Будапеште, крестьяне энергично выступали против контрреволюционных «национальных комитетов».

Мы отобрали из сотен протоколов, отчетов, документов поддержки, которые лучше всего характеризуют складывавшуюся общую обстановку в стране.

ОБЛАСТЬ БОРШОД

В состав территориальных и сельских рабочих советов, возникших в первые дни октябрьских событий, входили, за некоторыми исключениями, честные трудящиеся крестьяне, в том числе и коммунисты. Но с 27—28 октября состав рабочих советов изменился. Во всех селах стали появляться бывшие помещики, кулаки, исправники, жандармы, и под их руководством возникали новые территориальные и сельские рабочие советы.

В *Мезёкёвешде* председателем нового районного рабочего совета стал адвокат д-р Лайош Мижеи. Его отец владел 150 кадастровыми хольдами земли и хутором, расположенным между Ясберенем и Ясфеньсару. В Мезечате рабочий совет возглавил Дюла Дутка, имевший 70 кадастровых хольдов земли и всего лишь около года назад возвратившийся с Запада. В Бога-

В Мишкольце убийцы-контрреволюционеры на памятнике советским героям повесили подполковника полиции Дюлу Гати и торгового агента Лайоша Фрейманна. Последнего — за то, что он поднял голос протеста против убийств.

че председателем совета стал бывший исправник, в Земпленагарде — владделец 100 хольдов земли д-р Бела Барати, в Мезекерестеше — владделец 127 хольдов земли кулак Калман Гомба. В Кишрожваде главным заправилой оказался бывший жандарм Шандор Вег. Когда в Болдогкеваралье избирали заместителем председателя районного рабочего совета «витязя» Элемера Арваи, то он, рассказывая свою биографию, заявил:

«Я — офицер, окончил Военную академию Людовика при режиме Хорти. Неоднократно подвергался наказаниям за подстрекательство против партии и народной демократии. Двенадцать лет назад я спрятал оружие: несколько винтовок и один автомат. Теперь я достал их».

В Мезёчате «рабочий совет» распорядился, чтобы работники партийного комитета с 5 часов вечера до 8 часов утра не выходили из своих квартир, никого не принимали, ни с кем не разговаривали. У дверей их квартир день и ночь стояли часовые, вооруженные автоматами.

2 ноября один из работников обкома партии совершил поездку по селам района с целью создания организаций ВСРП. Как только об этом узнали, его немедленно арестовали и под вооруженной охраной направили в Мишкольц.

ОБЛАСТЬ ВЕСПРЕМ

Район Шюмеги

В «революционный комитет» вошли бывшие хортистские офицеры, кулаки, нилашисты и бывшие жандармы. Их первым шагом явилось создание «национальной гвардии». Эту задачу возложили на капитана бывшего хортистского генерального штаба Бела Кохански. Он был инициатором ареста 4 ноября коммунистических руководителей района и других коммунистов. Они составили список коммунистов, затем вооруженным отрядам приказали арестовать их и заключить в полицейские камеры.

Еще до этого, 31 октября, «районный революционный комитет» уволил руководителей исполкома районного совета — всего четырнадцать функционеров, в том числе двенадцать коммунистов.

Между 27 и 31 октября «комитет» создал «революционные комитеты» во всех селах района. Их состав был сходен с составом шюмегского районного и сельского «революционных комитетов». Так, например, в Охида председателем «комитета» стал кулак Вёдеч...

2 ноября председателей сельских «комитетов» вызвали на

районное совещание. Участковый врач из Капаланфа д-р Йожеф Можари, председатель сельского «революционного комитета», предложил принять следующую резолюцию:

1. Полицию, как неблагонадежную, необходимо немедленно разоружить и создать вооруженные силы из бывших жандармов.
2. Коммунистических руководителей арестовать, поскольку они «полностью неблагонадежны».
3. Коммунистов — цитируется дословно — «необходимо перерезать».

Можари заявил, что не доверяет и областному «революционному комитету», так как в нем имеются коммунисты. Он предложил «проверить» членов областного «революционного комитета» и не принимать к сведению распоряжений этого комитета до тех пор, пока в нем будут находиться коммунисты.

Первым шагом «революционных комитетов» в селах было включение в «черные списки» коммунистов и прогрессивно настроенных людей. В отдельных селах в списки было внесено по 100—150 человек...

Промышленный район Айка

28 октября состоялось собрание, на котором избирался айкский «революционный совет». Среди собравшихся оказались неизвестные лица, которых раньше в Айке никогда не видели. На собрании тон задавали бывшие нилашисты, жандармы, фашисты и им подобные элементы. Председателю Отечественного народного фронта даже не дали слова. Руководство «выборами» взяли в свои руки хулиганы и избрали «революционный совет» по своему вкусу. Кулак и торгаш Калман Сайли заявил:

«Мы вовсе не нуждаемся в коммунистах, их время уже прошло, они достаточно погорланили за двенадцать лет, теперь настало наше время!»

Председателем «совета» стал Геза Секер, буфетчик трактира при вокзале, бывший бронебойщик дивизии Хуняди. Через несколько дней его сместили, а позже он сбежал за границу. После него председателем избрали сына кулака из Керта Йожефа Вега.

Деятельность «национальной гвардии» сводилась преимущественно к проведению под руководством бывшего нилашиста Кароя Петервари ночных обысков на квартирах коммунистов и других прогрессивно настроенных людей.

Своим произволом они держали население в страхе. За исключением хлебопекарен и электростанции, они повсюду при-

остановили работу. Честных трудящихся запугивали. Так, например, известному всей стране стахановцу-забойщику Ференцу Хорвату неоднократно угрожали, что убьют его, если он осмелится спуститься в шахту.

Йожеф Делени выступал с ирредентистскими и шовинистическими речами около памятника Кошуту. Реформатский священник Варга поздравлял Делени с его выступлением. Он возражал лишь против того, что Делени не сказал, что «коммунистов нужно уничтожить всех до одного».

ОБЛАСТЬ БАЧ—КИШКУН

В последние дни октября в Кечкемете возникли местные организации различных партий. Представители социал-демократической партии, партии мелких сельских хозяев, крестьянской партии образовали «областной революционный комитет» и сместили исполком областного совета. Они потребовали ареста работников госбезопасности и коммунистов. Арест работников госбезопасности был произведен «национальной гвардией» и завершен к 3 ноября. Казнить арестованных и арестовать остальных коммунистов уже не успели, так как 4 ноября в 4 часа утра в город вошли части Советской Армии.

Кишкёрёшский район

31 октября был создан «районный национальный комитет». Его председателем стал д-р Йожеф Хорват, заместителем председателя — Иштван Вальтер, житель Часартёлтеша, сын кулака, владевшего 80 хольдами земли, и бывшего торговца строительным лесом. Они приняли резолюцию протеста против состава «областного национального комитета». Иштван Вальтер обходил села, создавая «национальные комитеты» и подстрекая сельских жителей против коммунистов. Он сколачивал местную организацию партии мелких сельских хозяев, учредительное собрание которой назначил на 4 ноября.

Боча. 28 октября группа, состоявшая приблизительно из пятидесяти человек, под руководством Белы Лушчинского (отец которого был жандармским полковником) захватила здание местного совета. Они хотели арестовать председателя исполкома, но тому удалось бежать через окно. Все находившиеся в здании совета документы сожгли, мебель поломали. В «национальный комитет» не включили ни рабочих, ни крестьян.

Часартёлтеш. 26 октября предводительствуемые Иштваном Вальтером бандиты разрушили памятник советским воинам. 27 октября Вальтер созвал общее собрание членов производ-

ственного кооператива «Новая борозда» и приказал им немедленно распустить производственный кооператив, так как землю, мол, нужно возвратить бывшим владельцам. 31 октября в Часартёлтеше появился неизвестный человек, заставивший титуловать себя господином генерал-полковником. Он заявил, что вернется в село вместе со своими людьми и тогда покажет, как нужно наводить порядок.

Шолтсентимре. Уголовный преступник по фамилии Губани и несколько его сообщников проникли в помещение местного совета, взломали письменные столы, выбросили документы и поломали пишущую машинку. Более трезвомыслящие и честные люди решительно выступили против погромщиков и выгнали их из здания совета. Тогда они направились к винной лавке, говоря о том, что «разделаются» с секретарем парторганизации, председателем совета и другими коммунистами. Однако группы, образованные из молодежи и других честных людей, воспрепятствовали осуществлению этих планов.

Бывший председатель местной организации партии мелких сельских хозяев Пал Веконь сформировал у себя на квартире «национальный комитет», состоявший исключительно из кулаков, и взял в свои руки руководство селом. По его распоряжению были взломаны двери помещения организации Союза трудящейся молодежи, разбиты призывы, полученные молодежным коллективом самодеятельности на конкурсах, изорвана красная драпировка. Жители села с возмущением заявляли:

«Мы приняли участие в демонстрации не для того, чтобы нами правили кулаки и бывшие помещики и чтобы нам вновь пришлось ходить на поденщину за нищенскую плату».

Веконь установил настоящую диктатуру. Что он задумывал, нужно было выполнять незамедлительно, немедленно. Людей, стоявших в очереди перед лавками, он всячески поносил, обзывал скотами. В ответ на это толпа возмущенно отвечала:

«За двенадцать лет коммунисты ни разу не оскорбляли, не называли народ скотом!»

Бывший сельский казначей Йозеф Ковач вновь занял свою прежнюю должность в помещении сельской управы. Он накричал на уборщицу, заявив, что каждое утро будет в белых перчатках проверять, есть ли пыль на мебели. Лайош Кёрёш приказал сельскому курьеру «копать репу на его усадьбе, поскольку почты для развозки мало». Йозеф Маккош тоже искал поденщиков для осенних полевых работ, поскольку, как он выразился, «сам он теперь из-за служебной занятости работать не будет». Основным пунктом повестки дня первого заседания «национального комитета» было возвращение национализированных домов и земельных владений, подвергшихся разделу. На

помещение парторганизации претендовал Йожеф Ковач, на здание детского сада — Йожеф Маккош, а центральную усадьбу производственного кооператива «Мир» хотел забрать Лайош Кёрёш. Подобные же решения были вынесены и в интересах других кулаков.

ОБЛАСТЬ ПЕШТ

Монор. Председателем монорского районного «национального комитета» стал Ласло Сенте, бывший генерал-губернатор области *Фейер*, осужденный за причастность к антигосударственному заговору, который возглавлял Ференц Надь. Заместителем председателя и секретарем стал бывший *хортистский начальник сельской управы* в Моноре Ференц Бараньи, а в число членов комитета входили *бывший управляющий имением, брат хортистского генерала Шандор Лендьел, нилашистский организатор Ференц Лилик, кулак Имре Фюзи, нилашистский адвокат д-р Антал Карбах.*

Командиром «национальной гвардии» стал *хортистский гусарский капитан Янош Мароти*, руководителем подотдела по делам политических преступлений «национальной гвардии» — *бывший жандармский ротмистр Ференц Матьяш*. Подручными Матьяша стали *бывший младший лейтенант жандармерии, офицер контрразведки Йожеф Валлнер, бывшие жандармские унтер-офицеры Пал Ковач и Шандор Давид, бывший лейтенант жандармерии Габор Бара.* «Районный национальный комитет» *возвратил бывшему владельцу Ференцу Ковачу щеточную фабрику в Моноре.*

Для руководства местной администрацией села Монора «избрали» следующих лиц: *бывшего нилашистского депутата адвоката д-ра Пала Рахата и хортистского уездного начальника Яноша Дожу.*

После 4 ноября председателем «рабочего совета» *зерновой фабрики в Моноре* стал бывший генерал-губернатор Ласло Сенте.

Надьката. Бывший *хортистский начальник местной управы* Мартон Ульрих создал временный районный «национальный комитет». На учредительном собрании «национального комитета» он заявил:

«Нужно полностью порвать с прежней системой и реорганизовать администрацию, придав ей такую форму, в какой она существовала до 1945 года» (из протокола учредительного собрания).

По предложению д-ра Эндре Варга было решено «создать гетто для коммунистов».

Эрд. Бывший хортистский уездный начальник Нандор Геваи организовал сельский «национальный комитет». На повестку дня был поставлен вопрос о возвращении бывшим владельцам национализированных домов, кинотеатров и мельницы. В рядах «национальной гвардии» состояли хортистский офицер Тибор Лиглингер и младший офицер жандармерии Йожеф Татар.

Тапиошуй. Во главе «революционного совета» села стали следующие лица: имевший судимость кулак Йожеф Кардиш (председатель), хортистский старший лейтенант Лайош Кайди, владелец винокуренного завода Ласло Шинкович, бывший жандарм Шандор Фаркаш.

Дунабогдань. «Национальной гвардией» руководил бывший младший жандармский офицер Ференц Д. Надь. Утром 4 ноября «гвардейцы» арестовали двенадцать коммунистов.

Почмедер. Арестом коммунистов руководил бывший нилашиистский организатор Ласло Голницц.

Помаз. Был создан военно-полевой суд. 4 ноября предполагалось учинить массовую расправу и вынести смертные приговоры арестованным коммунистам. Арестованных спасли советские части.

ОБЛАСТЬ ХАЙДУ

Местные комитеты в области называли «социалистическими революционными комитетами». Возглавляли их преимущественно кулаки и адвокаты.

Хайдубёсёрмень. В помещение производственного кооператива «Красная звезда» явился бывший собственник, кулак Радачи и призвал крестьян распустить кооператив. Он потребовал, чтобы принадлежавший ему дом был немедленно освобожден. Один из членов «революционного комитета», Бела Фазекаш, открыто говорил о том, как он будет вести хозяйство на возвращенной ему земле. На вопрос Имре Хадьмаши — честного бедняка, одного из членов «революционного комитета», — а что же будет с ним и ему подобными безземельными крестьянами, Фазекаш заявил: «Не бойтесь, мне и моим друзьям вы понадобятся как рабочая сила».

Полгар. Местные горлопаны заранее подготовили список членов «комитета». Однако массы отвергли этот произвольно составленный список, ссылаясь на то, что «в нем мало трудящихся крестьян и много кулаков». В ответ на это один из членов «комитета», Иштван Харкер (в прошлом директор банка), ответил так: «Достаточно того, что я вхожу в комитет. Это стоит десятых крестьян». Когда большинство высказалось за новые выборы, местные контрреволюционеры Иштван Фаркаш и Лукач Добош пригрозили собравшимся, что приведут из Мишколь-

да вооруженный отряд. Так был создан «комитет», состоявший из кулаков. Его председателем стал Йожеф Ковач, хортистский капитан, окружной инструктор допризывников, который в 1944 году, выслуживаясь перед немцами, выдал им молодежь округа.

ОБЛАСТЬ ЧОНГРАД

В *Мадьярчанаде* утром 29 октября была приостановлена работа и по радио сообщено о созыве массового митинга. На этот митинг, подготовленный д-ром Йожефом Бреннером, собрались главным образом правые элементы, кулаки, уцелевшие фашисты, люмпен-пролетарии. Треть собравшихся оставалась пассивными наблюдателями. Митинг начался с того, что руководителей Народного фронта заставили сложить полномочия и отстранили от дела.

Руководство захватил в свои руки д-р Бреннер. Он произнес антигосударственную и антипартийную речь, а затем заставил признать комитет, состоявший из кулаков, реакционеров и нескольких введенных в заблуждение трудящихся. Председателем комитета назначили кулака.

«Национальный комитет» объявил советы и исполкомы незаконными и антинародными. Во главе администрации был поставлен реакционер — бывший уездный начальник.

В течение ночи разрушили надгробный памятник советским героям, выбили окна в помещении партийной организации. 31 октября взяли на учет коммунистов и потребовали привлечь к ответственности бывших работников государственного и партийного аппарата.

ОБЛАСТЬ ЗАЛА

В городах и селах области контрреволюция проявилась в неприкрытой форме.

В *Заласентиване* членами «революционного совета» были следующие лица: бывший уездный начальник кулак Енё Матаи, имевший несколько судимостей Калман Пем, жандарм Йожеф Сёке, судимый за мошенничество Ференц Гашпар и один из главных акционеров бывшего «Экспортного предприятия Зала» Иштван Сукич.

В *Заласентгроте* контрреволюцию возглавил бывший лейтенант жандармерии Йожеф Легради, племянник Миндсенти. Он позвонил по телефону в Сомбатхей и Вашвар, чтобы там арестовали коммунистов. Вечером 26 октября в Заласентгроте разрушили памятник советским воинам, взломали двери конторы заготовок и таможенной инспекции, а документы выбросили на

Больного старшего лейтенанта пограничных войск Йозефа Штефко контрреволюционеры выволокли из больницы на улицу, избили, а затем повесили за ноги.

улицу. Мятезники ворвались также в помещение райкома партии, взломали шкафы и разбросали документы.

Председателем заласентгротского районного «революционного комитета» стал один из депутатов от бывшей партии Баранковича Ференц Хорват. Его заместителем избрали уже упоминавшегося лейтенанта жандармерии Йожефа Легради. Членами комитета стали: бывший начальник сельской управы Калман Фюлеп, его отец — владелец молотилки и его жена — дочь помещика Доложара; член охранных отрядов нилашистской партии Енё Немет; д-р Иштван Ковач, тесть которого, кулак, владел 40 хольдами земли; бывший кадровый унтер-офицер «витязь» Дежё Патаки; бывший работник нилашистской партии Ференц Молнар; жандарм Йожеф Кишш; начальник бывшего жандармского поста в Целлдёмелке Йожеф Молнар; бывший член охранных отрядов нилашистской партии Эде Кришто; бывший начальник сельской управы Иштван Саван, подготовивший список лиц, подлежащих аресту; бывший помещик, шурин королевского генерального прокурора Ласло Жилински.

В *Паче* члены «революционного комитета» вербовались из отборных фашистов. В него вошли бывшие жандармы Ференц Вараяи и Лайош Кёсбер, владелец мельницы Иштван Тот, имевшие судимость фашисты Дьёрдь Гергей, Иштван Папп и Йожеф Торма. Эти лица взяли на себя управление селом. Бежавший из вацкой каторжной тюрьмы Андраш Балашша, прибыв в село, дезорганизовал производственный кооператив. Он заявил: «Здесь все принадлежит мне. Члены производственного кооператива должны уйти отсюда». Фашисты составили список лиц, подлежащих казни, в который были внесены фамилии коммунистов и беспартийных крестьян.

В *Сентпетеруре* выпущенный из тюрьмы Дёрдь Молнар обратился по радио со следующим заявлением: «Воздайте хвалу Иисусу Христу,— явился ваш избавитель Дёрдь Молнар». Затем, собрав несколько человек, он обошел село, громко крича, что еще сегодня покончит с коммунистами. Молнар и его сообщники избили бригадира производственного кооператива Иштвана Херцега, членов кооператива Ласло Пайжа и Яноша Эке, председателей производственных кооперативов Иштвана Надя и Яноша Месароша. Находившуюся на шестом месяце беременности жену Ласло Болдичара избили так, что это привело к преждевременным родам. В селе образовалась местная организация партии мелких сельских хозяев, программу которой нилашист Йожеф Тамаш изложил так:

1. Нужно восстановить отношения земельной собственности, существовавшие десять лет назад.
2. Следует сменить всех сельских руководителей.
3. Коммунистов «надо истребить».

В *Алибанфа* — *Петёхенье* бывший монах-иезуит Дёрдь Корпаци заявил, что он сам соберет партийные билеты, а затем решит, кого следует повесить.

В *Хахоте* во время контрреволюционной демонстрации выкрикивались такие лозунги: «Нет, нет, никогда!», «Все возвратить!», «Смерть евреям!», «Веревку на шею коммунистам!» Демонстрацию организовали нилашисты Карой Дил и Лайош Шмилняк.

Летенье. Под руководством бывшего местного нилашистского «*фюрера*» Лайоша Алберта и его имевшего судимость сына 27 октября было организовано нападение на райком партии. Председателем «революционного совета» поставили нотариуса Лайоша Эршека. Должность командира «национальной гвардии» выполнял бывший жандарм Йожеф Шашвари. Были арестованы: референт местного совета Балинт Талоши; середняк Иштван Мишкович, коммунист с 1919 года, не раз сидевший в тюрьме в годы хортистского режима; директор машинно-тракторной станции Енё Андял и секретарь сельской парторганизации Шандор Киш.

Залаудварнок. Руководить «борьбой за свободу» здесь также было поручено жандармам. Председателем «революционного совета» стал бывший ротмистр жандармерии Янош Фелхёши. Документы сельского совета были сожжены. Фелхёши подготовил список коммунистов, подчеркнув, что перечисленные в нем лица будут казнены. Сообщниками Фелхёши были Янош Киш и Лайош Шебештьен, в прошлом унтер-офицеры жандармерии.

ОБЛАСТЬ САБОЛЧ-САТМАР

Фехердьярматский район. Председатель районного «революционного совета» подчеркивал, что они, мол, не хотят буржуазного общественного строя, однако была принята резолюция, согласно которой в районе *должно было быть восстановлено положение*, существовавшее в 1945 году. В решении говорилось, что впредь до особых указаний землю — до 200 гектаров нужно *возвратить прежним владельцам*; в государственные учреждения и в административный аппарат нужно вернуть тех «надежных людей», которые занимали соответствующие должности в 1945 году и ранее. Для руководства районом было создано два органа: один для осуществления политического руководства и другой как орган районного административного управления. В качестве руководителя президиума политического органа был избран бывший депутат от партии мелких сельских хозяев Дюла Надь. Политическое руководство района состояло на 95 процентов из представителей интеллигенции, в числе которых было три священника. Всех руководящих работников административного

аппарата сняли с должностей, а на их места были посажены представители старого режима. Председателем районной управы был назначен помещик из Туньогматольча, бывший уездный начальник д-р Карой Иллеш.

Эперйешке. Движение в этом селе организовал реформатский священник Ратком Ласло, ссылавшийся на то, что «селу Эперйешке также нельзя оставаться вне революции». Он создал из своих людей «революционный совет», который направил делегацию в сельский совет с требованием, чтобы «при новых порядках коммунисты не занимали никаких постов» и чтобы члены совета освободили помещение. В состав комитета входили Берталан Халас, кулак, владелец 80 хольдов земли, Лайош Варга, бывший председатель местной организации партии мелких сельских хозяев, а также присужденный к тюремному заключению за растрату 100 тысяч форинтов Бела Катко.

ОБЛАСТЬ СОЛЬНОК

Ясберень. Уже состав «революционного комитета» ясно показал, кто хотел захватить власть: д-р Пал Надь, Пал Балла, в прошлом ясбереньский торговец лесом, зять бывшего помещика и владельца кирпичного завода, д-р Шандор Алтордаи — начальник хортистской полиции, Янош Шимон — зять кулака, владевшего 45 хольдами земли, Бела Имре, осужденный в 1949 году за растрату, и д-р Андраш Пустаи.

В те дни собравшиеся перед городским советом трудящиеся-землекопы говорили между собой: «Видать, кулацкие элементы уже захватили совет в свои руки». Д-р Пал Надь в присутствии многих лиц заявил, что в течение двадцати четырех часов весь аппарат городского совета будет изгнан, потому что у него, мол, имеются свои люди. 27 октября были отстранены председатель, его заместитель и секретарь.

В Ясберене бывший нотариус д-р Гедечи включил в список для ареста шестьдесят человек. Впрочем, об этом своем намерении они довели до всеобщего сведения в специальном обращении к городскому населению, сделанном в виде плаката. На заседании «революционного совета» рабочие помешали тому, чтобы этот список был утвержден голосованием.

В состав ясбереньской «национальной гвардии» входил бывший жандарм Ференц Барток, жена которого уже выглядела ему его старый жандармский мундир.

Тёрёксентмиклош. Председателем «революционного рабочего совета» был старший унтер-офицер хортистской жандармерии Лайош Геллерфи, а членами корчмарь Ференц Киш, кулак, владевший 40 хольдами земли, и хортистский лейтенант Михай

Терек. Они удалили из городского совета десять коммунистов и начали разгонять производственные кооперативы. В производственном кооперативе имени Дожа их планы сорвались, так как крестьяне запротестовали, заявив:

«Если мы уйдем из кооператива, то нам придется потом идти к вам копать землю за четверть урожая».

В *Кунчорбе* судья по уголовным делам д-р Ласло Селе, в прошлом разжалованный за превышение власти старший лейтенант, захватил руководство «революционным советом» в свои руки. Он поддерживал постоянную связь с бывшими жандармами и кулаками, подстрекал против коммунистов, требовал немедленного смещения и ареста всех руководящих работников — коммунистов.

С ним тесно сотрудничал бывший хортистский унтер-офицер Гергей Патаки. Все они требовали безотлагательного роспуска и ликвидации производственных кооперативов, немедленного возвращения прежним собственникам земель, домов и хозяйственного инвентаря, находившихся в собственности государства и производственных кооперативов. В районном «революционном совете» Патаки выступил с требованием, чтобы руководители-коммунисты немедленно покинули зал и тотчас же были арестованы.

Тисаугар. «Революцией» в селе верховодил сельский реформатский священник Гержон Ловас. Добившись своего избрания в «революционный совет», он заявил: «По моему мнению, коммунисты не должны входить в «революционный совет». Он предложил избрать в совет бывшего ишпана Лайоша Манна и бывшего начальника сельской управы Гезу Овари. Ловас дал указание транслировать только передачи боршодской, дьёрской и западных радиостанций.

Тисасентимре. Учитель Андор Киш возвратился в село из Будапешта 26 октября. Он распускал слухи, что с оружием в руках боролся в Будапеште за свободу; утверждал, будто коммунисты и работники госбезопасности убивают молодежь и рабочих Будапешта, что в Будапеште якобы уже имеется около 50 тысяч убитых. 28 октября он добился своего избрания председателем сельского «революционного совета». Подавляющее большинство членов «революционного совета» были кулаки. Они начали расхищать кооперативное имущество и приняли решение, чтобы производственные кооперативы возместили ущерб, понесенный кулаками. Они распорядились передать кулаку Ласло Варге здание правления производственного кооператива имени Имре Фехера и выплатить ему 50 тысяч форинтов за пользование зданием, причем 15 тысяч форинтов из этой суммы были с кооператива взысканы. Кулак

Шандор Фалабу требовал, чтобы производственный кооператив имени Имре Фехера возвратил ему всю его землю. «Революционный совет» составил список самых боевых коммунистов и руководителей с целью повесить их. *В списке подлежащих казни фигурировало 38 фамилий.*

В селе *Надьиван* коммунисты сохранили присутствие духа, не испугались контрреволюции и не сдавались. Вечером 24 октября они организовали рабочую охрану и с помощью конного патруля обеспечили в округе спокойствие в ночное время. Около местного памятника советским воинам была выставлена специальная вооруженная охрана.

28 октября сельский священник и кулак Янош Чёке, владелец 100 хольдов земли, созвали «народное собрание», на которое пришли главным образом кулаки и их родственники. Кулак Чёке яростно поносил коммунистов. «Убирайтесь отсюда, грязные коммунисты, палачи Ракоши, мы не будем вести с вами переговоров!»— кричал он. На товарища Калмана Вадаса старшего Чёке набросился с криком, требуя, чтобы тот немедленно убрался с собрания. В ответ на это Калман Вадас вышел на середину круга, плюнул в глаза кулаку и вместе с присутствовавшими там коммунистами покинул собрание. После этого командовать собранием стал священник. Он предложил избрать «революционный совет». Председателем «избрали» Яноша Чёке, секретарем — Тамаша Чонтоша, бывшего депутата от партии Баранковича. Поп призвал участников собрания разрушить памятник павшим советским героям. Однако сделать это никто не решился, поскольку около памятника стояла вооруженная охрана производственного кооператива «Красная звезда».

После собрания коммунисты села и производственного кооператива направились на квартиру кулака Яноша Чёке и заставили его отказаться от поста председателя. Чёке дважды подписал заявление об отказе от своих полномочий, хотя его зять Дьюла Орос упорно уговаривал тестя:

«Не отказывайтесь от поста, отец, вот я поеду на мотоцикле в Тисафюред и улажу все это дело».

Утром 29 октября около семидесяти коммунистов производственного кооператива «Красная звезда» направились к сельскому совету, так как узнали, что там заседает «революционный совет», собиравшийся вновь водворить на пост председателя кулака Яноша Чёке, которого коммунисты накануне вечером вынудили подать в отставку. Члены «революционного совета», струсив, заставили Чёке уйти с поста и тут же избрали в состав «революционного совета» шесть коммунистов. Таким образом, коммунисты, проявив стойкость, сумели постоять за себя, и контрреволюция в селе развернуться не смогла.

ОБЛАСТЬ БЕКЕШ

Дюлавари. Вечером 27 октября на митинге был избран «революционный совет» из тридцати членов. Его председателем сделали Яноша Петраша, в прошлом сельского старосту. Поскольку Петраш был простым крестьянином, то на другой день его сместили и на его место выдвинули хортистского майора «витязя» Михая Молнара, владевшего 50 кадастровыми хольдами земли.

Перед помещением сельской парторганизации сожгли все партийные документы и красные знамена. Вместе с документами хотели *сжечь живьем* коммуниста Лайоша Ковача, но те из присутствовавших, кто не совсем потерял голову, воспрепятствовали этому. Кулак Миклош Эрдеди пригрозил Ковачу, что, если тот вновь осмелится создать парторганизацию, он избьет его до смерти.

Группа мятежников намеревалась разогнать производственный кооператив «Наследие освободителей» (ныне кооператив имени Кошута), а имущество его растащить. Однако когда мятежники услышали, что трудящиеся — члены кооператива вооружились топорами, косами и оружием и намерены защищать свой кооператив, то они труслили и отказались от своих планов.

В *Баттонье* 28 октября был создан «революционный совет» из следующих «борцов за свободу»: бывшего уездного начальника Андора Лехоци; бывшего уездного начальника Йожефа Золтаи; осужденного в прошлом за создание вооруженной организации Миклоша Чосора; имевшего судимость учителя Яноша Грунчика; бывшего жандарма некоего Гергея; хортистского старшего лейтенанта Лайоша Виндиша; преподавателя д-ра Яноша Енеи и им подобных. Они арестовали тринадцать человек.

Элек. Контрреволюционеры собрали вокруг себя реакционные элементы села. Среди них особую роль играли: хортистский прапорщик Иштван Сюч; хортистский офицер Адам Барабаш; кулак Иштван Киш; хортистский капитан Янош Шайтош и нилашистский главарь Мартон Хас. Ими был составлен список из тридцати пяти коммунистов, подлежащих казни. Руководители местного совета и хозяйственные руководители были смещены.

Мезёберень. 27 октября в Мезёберене появилась грузовая машина, битком набитая молодыми людьми. Они захватили помещение совета и напечатали на ротаторе листовки, содержавшие контрреволюционные лозунги и требования. Железнодорожник Ференц Текеи организовал выборы «революцион-

ного совета». 28 октября состоялись «выборы» самозванцев, которые сами выдвинули свои кандидатуры. Среди них были бывшие жандармы, хортистские офицеры, лица, неоднократно имевшие судимость, кулаки и хулиганы.

Секретаря сельской партийной организации Ласлонэ Кюрти схватили и, угрожая оружием, пытались заставить ее перейти на сторону мятежников. Поскольку Кюрти на это не пошла, мятежники подвергли допросу даже тех, кто поддерживал в селе близкие отношения с ней или когда-либо разговаривал.

ОБЛАСТЬ ХЕВЕШ

В кооперативном селе *Мезётаркань* рабочий совет «избран» 27 октября. При этом заранее объявили, что члены кооператива и коммунисты не могут избирать и быть избранными.

28 октября вооруженная банда примерно в двадцать человек принялась разгонять кооперативы, заявив, что «кооперативы распущены». Секретаря парторганизации Иштванне Халас избили, а вечером избили до полусмерти председателя совета Андраша Бирини на его квартире.

Председатель совета так описывает происшедшее:

«...Около 8 часов вечера, выкрикивая бранные слова, мятежники потребовали, чтобы я открыл, иначе, мол, они будут стрелять и взломают дверь. Я тут же сказал жене, чтобы она немедленно открыла, так как в противном случае пуля может попасть в сына. Я уже одевался, когда дверь открылась и в комнату первым вошел отпрыск местного кулака. Руку он держал в заднем кармане брюк. За ним вошли Карой Сабо и Рудольф Сечко и приказали: «Дядя Андраш, следуйте за нами!»

Я попросил их, чтобы мне по крайней мере разрешили надеть сапоги. Тогда они схватили меня за руки, крикнув: «Никаких сапог!» У одного из них были две рейки, и он несколько раз ударил меня по голове. Меня тащили до кухонной двери и били куда попало. Стоявший за дверью с пистолетом в руке Ласло Чех помог вытащить меня во двор, где я опознал Лайоша Халаса, впоследствии сбежавшего на Запад. Меня тащили до ворот, продолжая избивать; там я свалился. Стянув с меня рубашку, они выволокли меня на улицу и оттащили к канаве. Там я опознал Рудольфа Сечко, который бил меня ногами и сломал мне два ребра, и Ласло Чеха, пнувшего меня ногой в левый бок. В это время я уже не мог и слова произнести. Они бросили меня, полагая, что со мной «покончено».

В селе Домосло 29 октября местные реакционеры устроили демонстрацию. Сын кулака Енё Секренеш, бывший унтер-офицер жандармерии Бела Полонкаи и три бывших жандарма

В ужасе смотрят жители на зверскую расправу, чинимую террористами.

разоружили демократическую охрану и назначили самих себя «национальной гвардией».

Янош Северени, имевший судимость, вместе с несколькими сообщниками при молчаливой поддержке «национальных гвардейцев» вытащил на улицу книги Дома культуры, завернутые в красное знамя, и сжег их.

29 октября они протащили через все село секретаря парт-организации, причем Секренеш запретил даже употреблять слово «товарищ».

В Эгере в областном кооперативном центре МЕСЕВ сторонники старого режима выступили с открытым забралом. Они создали «рабочий совет» без коммунистов и рабочих. Председатель «рабочего совета» главный бухгалтер Орос заявил, что организация Венгерской партии трудящихся не может функционировать и что партийным органам запрещается поддерживать связь с бывшими коммунистами МЕСЕВ. Одновременно с этим он распорядился сжечь все библиотечные книги, за исключением специальных, что и было сделано. Орос принял в МЕСЕВ Режё Коппая, человека, имевшего судимость, выписал ему задним числом 4 тысячи форинтов и добился предоставления своему другу, бывшему главному бухгалтеру Миклошу Гомбешу, 7 тысяч форинтов. Был создан «реабилитационный комитет» МЕСЕВ, членами которого стали известные реакционеры, такие, как Йожеф Гал, отец которого является одним из руководителей венгерских эмигрантов в Америке, и сын помещика д-р Фаркаш.

ОБЛАСТЬ ТОЛНА

Пакше — единственное село в области, где произошло столкновение, в результате которого несколько человек было ранено (осколками ручной гранаты ранило солдата, двух полицейских и двенадцать гражданских лиц). Это столкновение явилось следствием провокации: из толпы человек в сто пятьдесят кто-то бросил в солдат и полицейских ручную гранату. В ряде сел (Заводе, Палфе, Далманде, Калазно, Алшопеле, Неметкере) произошли незначительные нарушения порядка: отдельные группы устраивали демонстрации, сжигали книги, выбивали окна в помещениях советов, парторганизаций и в квартирах некоторых государственных служащих.

К нарушению порядка подстрекали передачи радицентра «Свободная Европа», а также лица, прибывавшие из Будапешта, Дунапентеле и других городов.

В каждом селе были избраны «революционные» или «национальные» советы или комитеты. Кое-где в эти органы избирали и руководителей советов, а также известных членов

партии. В Киштормаше, например, единодушно, под аплодисменты, избрали председателем «национального комитета» председателя исполкома Яноша Божо, который, однако, отказался от этого поста, заявив, что это несовместимо с должностью председателя совета.

Однако во многих селах в «комитеты» попали представители старого мира. В Пакше председателем «национального комитета» стал помещик, бывший депутат хортистского парламента Антал Клейн. В своем выступлении он, между прочим, заявил: «Нужно уничтожить коммунистов всех до одного». И когда организатор партии мелких сельских хозяев Юрмёши осмелился сказать, что он не желает режима помещиков, его хотели прогнать с собрания. Один из кандидатов на этом «собрании по выборам» так рекомендовал себя: «За последние двенадцать лет я восемь лет просидел в тюрьме». Другой отрекомендовался так: «Я двадцать лет был жандармом...»

Формирующуюся «национальную гвардию» возглавили бывшие хортистские офицеры или жандармы. В селе Бёлчке, например, командиром стал бывший хортистский полицейский Балаж Ковач; в «гвардию» вошли и бывшие жандармы Йожеф Вег и Янош Гере. В этом же селе бывших уездных начальников Гезу Зайзона и Хенрика Каршаи пригласили на прежние их должности.

Представителей старого мира поддерживало меньшинство, состоявшее из хулиганов, пьяниц и других разложившихся элементов. Так, в селе Дьёре из 350 избирателей на собрании по выборам «национального комитета» присутствовало 80—90 человек. В Далманде возглавлял «революцию» бывший унтер-офицер сверхсрочной службы, известный пьяница Янош Ковач. В голосовании приняли участие около 200 человек, из которых 50 человек даже не были местными жителями (в Далманде всего 1400 избирателей). Разумеется, председателем «революционного совета» избрали бывшего хортистского офицера «Дёнци» Новака, который временно не мог приступить к исполнению обязанностей, так как был занят ликвидацией производственного кооператива.

В *Регёйе* председателем «революционного совета» стал Дюла Давид, бывший прапорщик хортистской армии. Давид приказал арестовать и допросить секретаря парторганизации Яноша Фаркаша.

* * *

В различных районах страны события разворачивались по-разному, но несомненным фактом является то, что честные, добронамеренные люди после замешательства первых дней

Убитый полицейский, на труп которого бросили
герб Народной Республики.

разобрались в обстановке и, как правило, держались в стороне от «революции». Они осудили злодеяния белотеррористических бандитов и во многих местах воспрепятствовали их бесчинствам. Из документов явствует со всей очевидностью, что во главе контрреволюции почти повсюду стояли бывшие эксплуататоры и их приспешники, бывшие жандармы и хортистские офицеры, которые вместе с сельским отребьем, грабителями и бандитами грабили и убивали.

Подрывная работа иностранных агентов

В венгерских октябрьских контрреволюционных событиях большую роль сыграли пропагандистские и шпионские организации, содержащиеся Соединенными Штатами Америки на территории Западной Германии и Австрии. Во второй части нашего издания мы частично уже рассказывали об их подрывной работе. В этой главе мы приводим новые данные, дополняя то, что уже было сообщено о деятельности шпионов и других контрреволюционных агентов в Венгрии, финансируемых американцами.

По официальным данным, в первой половине 1955 года было задержано шпионов на тридцать процентов больше, чем за соответствующий период предыдущего года. Число лиц, арестованных за антигосударственную деятельность, возросло в два раза. За подобную деятельность в первой половине 1955 года среди прочих было арестовано 13 бывших капиталистов, 121 кулак, 69 бывших фашистов — членов нилашистской партии.

* * *

Органы министерства внутренних дел арестовали Шандора Вишнеи, одного из сотрудников шпионской организации Гелена. Вишнеи, признавший, что он завербовал для шпионской работы более двадцати человек, подробно рассказал, каким образом вербуются шпионы из венгерских эмигрантов и беженцев и как добывают у них данные, интересующие шпионские организации. Мы публикуем выдержки из показаний Вишнеи:

Протокол

допроса Шандора Вишнеи

Будапешт, 14 декабря 1956 года

Вопрос. 9 декабря 1956 года вы перешли австрийскую границу и проникли на территорию Венгрии. С какой целью вы сделали это?

Вишнеи. В назначенном месте я должен был встретиться с моими агентами, которых я завербовал для того, чтобы они

В дни контрреволюции Венгрию заполнили иностранные агенты, прибывшие с Запада на автомашинах. Они открыто поощряли контрреволюционеров.

собирали данные военного характера о советских войсках и вообще о положении Венгрии.

Вопрос. К какой разведывательной организации вы принадлежите?

Вишнеи. Я являюсь официальным сотрудником шпионской организации Гелена. На австро-венгерскую границу я прибыл из Мюнхена для выполнения шпионских заданий.

Вопрос. Расскажите, при каких обстоятельствах и когда стали вы сотрудником шпионской организации Гелена?

Вишнеи. Я происхожу из семьи служащего. В армии Хорти в 1938 году дослужился до звания старшего лейтенанта. После 1945 года начал службу в новой армии, сначала в звании старшего лейтенанта, а затем — капитана; позже попал на двухгодичные интендантские курсы. Недовольный существующим строем, позднее вместе с другом, старшим лейтенантом Ковачем, решил бежать на Запад. 4 июня 1947 года мы бежали в Австрию. В Австрии меня допросил один из сотрудников шпионской организации Си-Ай-Си, которому я рассказал об известных мне секретных военных сведениях, в том числе сообщил данные об интендантских курсах, о расположении воинских частей и складов и т. д.

10 июля 1948 года по моей просьбе американцы перевели меня в Зальцбург, где я встретился со своим старым знакомым подполковником Дердем Коллени, бывшим офицером генерального штаба. Коллени предложил мне работать в шпионской организации. На мой вопрос, для чьей шпионской организации нужно работать, он ответил, что для американской. Я согласился на предложение Коллени. Постепенно я убедился, что мы работаем не только для американской шпионской организации, но и для немецкой. Осенью 1955 года, когда в соответствии с Мирным договором американские войска ушли из Австрии, Коллени сообщил мне, что аппарат шпионской организации будет находиться в Мюнхене. Он сказал:

«...теперь создается самостоятельная немецкая служба шпионажа; деньги будем получать только от немцев. Нашим начальником будет генерал Гелен...»

При таких обстоятельствах я стал сотрудником организации Гелена».

ВЕНГЕРСКИЙ ОТДЕЛ ГЕЛЕНА

После ареста 26 января 1957 года Вишнеи публично признался в своей шпионской деятельности перед венгерскими и иностранными журналистами. Ниже публикуются отдельные выдержки из его признания.

«Западногерманская разведывательная организация Гелена полностью находится под руководством американских разведывательных органов. Ее работу финансировало, а также финансирует и в настоящее время американское правительство. Ее деятельность направлялась через американских офицеров связи. В 1948—1949 годах таким лицом был американский капитан Бромберг. Позже его сменили мистер Рингер, Келли и Фишер, которые одновременно руководили зальцбургскими отделениями Си-Ай-Си и МИС¹ по линии разведывательной работы в Венгрии.

В западногерманской разведывательной организации Гелена имеется венгерский отдел, занимающийся организацией шпионской деятельности против Венгерской Народной Республики и подрывной работы, направленной на свержение народно-демократического строя. Руководителем этого отдела является подполковник Коллени, который в целях маскировки создал в Бад-Рейхенхалле, в трех километрах от австрийской границы, научно-техническое бюро. В венгерском отделе работают: бывший хортистский полковник Ласло Сита, бывший хортистский подполковник и нилашистский министр иностранных дел Енё Андреански, бывший хортистский капитан Фридеш Лацко, бывший нилашистский офицер Отмар Мауль, бывший нилашистский руководитель потребительско-сбытовой кооперации «Муравей» Ференц Фаркаш...

Американские разведывательные органы, работающие в Зальцбурге, а также наша разведывательная группа допрашивали венгерских беженцев, вербовали из их среды весьма значительное число агентов и засылали их в Венгрию для разведывательной и диверсионной работы, направленной против Венгерской Народной Республики.

Для ведения разведывательной работы американцы использовали учрежденные «венгерским комитетом» «венгерские бюро», которые в сущности являются секретными бюро американских разведывательных организаций. Мне достоверно известно, что до осени 1955 года американская Си-Ай-Си поддерживала самую тесную связь с тогдашним руководителем зальбургского «венгерского бюро» бывшим хортистским полковником Михаем Надем, который использовал венгерских беженцев в интересах Си-Ай-Си. Руководитель «венгерского бюро» в Мюнхене бывший хортистский полковник барон Понграц и поныне сотрудничает с американской разведывательной органи-

¹ Си-Ай-Си (Каунтер интеллидженс корпс) — американская гражданская и военная разведывательная и контрразведывательная организация. МИС (Миллитери интеллидженс сервис) — американская военная служба разведки.

Leichen von AVOs (ungarische Gestapo)
vor erobertem AVO-Gebäude und Ge-
fängnis am Köztársasag-Platz

Erich Lessing, Magnum-Photos

Западная пропаганда действовала рука об руку с контрреволюционерами, она подстрекала и лгала. Фотография венской газеты „Ди прессе“ Фрица Мольдена и корреспондента газеты Поганя Гезы Эугена, иллюстрирующая сообщение, озаглавленное: „Борьба за свободу в Венгрии“. На фотографии видно здание Будапештского Горкома партии после налета. Подпись гласит: „Трупы работников госбезопасности (венгерского гестапо) на площади Республики перед зданием и тюрьмой госбезопасности“.

зацией в Мюнхене, содействуя тому, чтобы венгерские беженцы оказались в ее руках. Осенью 1955 года полковник Коллени сказал мне, что *действующий в Нью-Йорке «венгерский комитет» ежемесячно получает 10 тысяч долларов от американского правительства. Эта сумма расходуется на цели американской разведки.*

Американцы и в настоящее время беспрепятственно ведут разведывательную работу в Западной Германии. Венгерские беженцы размещены в Западной Германии в лагере Валка, около Мюнхена. В течение 1956 года я неоднократно собственными глазами видел, как американцы там свободно разгуливали. Они использовали, когда им было угодно, венгерских беженцев для разведывательных целей.

В течение ряда лет моей задачей было допрашивать венгерских беженцев, собирать через них шпионские сведения, вербовать агентов из их среды и засылать их в Венгрию.

Подысканием агентов в лагере венгерских беженцев занимался с помощью имевшейся там агентуры венгерского благотворительного общества «Каритас» мой бывший сотрудник Ференц Фаркаш. Пользуясь стесненным положением беженцев, многих из них склоняли к агентурной работе. Им обещали за это различные материальные блага. Завербованных агентов я в течение одной-двух недель обучал приемам и методам разведки, в частности шпионажу среди венгров и русских, переходу через границу. Я инструктировал их также относительно того, какую работу они должны вести среди населения. Среди обученных мною агентов были такие, которые с успехом совершали одну-две поездки, но затем проваливались. Так, например, одну поездку удачно совершил Иштван Доронка. Он успешно провел военную разведку в нескольких задунайских городах, имеющих важное военное значение для венгров и русских, и начертил схему расположения казарм и аэродромов. Во время второй поездки его арестовали органы госбезопасности».

В ПЕРИОД КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Вишней рассказал также, что в период, предшествовавший контрреволюционному мятежу, западные шпионские организации всю развернули открытый шпионаж.

«В период, предшествовавший октябрьским событиям, все сотрудники венгерского отдела организации Гелена систематически посещали западногерманские и австрийские лагеря и организации, прикрывавшиеся благотворительной деятельностью. Они вели среди венгерских бе-

женцев пропаганду и призывали их к свержению народно-демократического строя в Венгрии. Одновременно с этим велась вербовка агентов и засылка их в Венгрию для подстрекательства населения против Венгерской Народной Республики. Аналогичную активную работу вели и другие венгерские эмигрантские организации...».

После того как разразилась контрреволюция, шпионские организации изменили методы работы в соответствии с новыми условиями.

«...После того как вспыхнула контрреволюция, сотрудники разведывательной организации Гелена все время находились на австро-венгерской границе. Прибывавших в Австрию беженцев они уговаривали возвратиться в Венгрию и бороться за свержение Венгерской Народной Республики. Кроме того, венгерских беженцев в широких масштабах вербовали и забрасывали в Венгрию с разведывательными заданиями.

В этой работе принимал участие не только я, но и сам Коллени и остальные сотрудники разведывательной службы. *1 ноября 1956 года агенты Коллени были направлены из Австрии в Будапешт к генерал-майору Беле Кираю, одному из главарей вооруженных сил контрреволюции, главнокомандующему национальной гвардии.* Со слов Коллени я знаю, что он хорошо знаком с Белой Кираем еще со времени службы в хортистской армии.

Чтобы мы могли вести работу в большей безопасности, нас снабдили фальшивыми журналистскими удостоверениями, согласно которым мы якобы работали в одном мюнхенском газетном издательстве. С самого начала событий и до 9 декабря 1956 года я почти непрерывно находился на австро-венгерской границе и развернул там свою работу. В мое распоряжение была предоставлена автомашина.

Я собственными глазами видел, как на всех участках австро-венгерской границы от Сентготхарда до Хедешхалома несколько групп, вооруженных западногерманской разведывательной организацией Гелена, переходило границу, чтобы бороться в Венгрии...

Вечером 27 октября 1956 года в Венгерском клубе в Вене состоялся слет, в котором приняли участие также пятьдесят молодых венгерских беженцев. Они заявили, что готовы поддержать венгерских повстанцев оружием. Эта группа, руководимая бывшим нилашистом Ференцем Фаркашем, прибыла из Зальцбурга в Вену. 29 октября я

встретился на австрийской границе с Фаркашем. Во время беседы он рассказал, что в ночь на 28 или на 29 октября упомянутая группа в пятьдесят человек с оружием в руках при его содействии перешла границу около Хедешхалома, чтобы руководить борьбой повстанческих групп в Будапеште...»

* * *

Показания младшего лейтенанта пограничных войск *Имре Молнара* также проливают свет на работу западных шпионских организаций. Молнар, бросив свой пост, бежал в Австрию, где согласился заниматься шпионажем против своей родины. Его неоднократно забрасывали в Венгрию. Затем, в конце 1956 года, он был пойман венгерскими органами пограничной охраны.

Приводим некоторые выдержки из протокола допроса *Имре Молнара*.

Протокол
допроса *Имре Молнара*
Будапешт, 8 января 1957 года

Вопрос. С какими западными разведывательными организациями вы были связаны в Австрии?

Молнар. В Вене, в лагере IX района, я познакомился с венгерским беженцем Бараяни, который являлся агентом одного английского майора и приводил к нему на допрос вновь прибывающих беженцев. Бараяни сообщил мне, что английский майор знает обо мне и хочет со мной поговорить. Бараяни сказал также, что там можно подзаработать. Встреча состоялась в середине августа 1956 года. Вместе с Бараяни мы встретились на бульваре Ринг с адъютантом майора, который повел нас к своему шефу. Этот адъютант был одновременно и переводчиком. В ходе беседы майор попросил, чтобы я описал организационную структуру органов госбезопасности, написал имена дьярских офицеров и все, что я знаю о работе пограничной охраны, а также перечислил имена знакомых мне в Венгрии надежных людей. Его просьбу я выполнил.

Вопрос. В чем выражалась ваша связь с радиоцентром «Свободная Европа»?

Молнар. В конце сентября 1956 года я впервые посетил венское отделение радиоцентра «Свободная Европа», где получил деньги за сведения, относящиеся к Венгрии. С этого времени я систематически ходил туда. В венском отделении радиоцентра «Свободная Европа» я был приблизительно десять раз. Занимался там мною один бывший помещик по имени Виктор.

Зверски убитый и повешенный за ноги полицейский, над которым надругались.

Мне известно, что *сотрудник комитета «Свободная Европа» Миклош Сабо по указанию Ференца Надя между 28 октября и 2 ноября посетил Дьёр и Мошонмадьаровар*. В его задачу входила подготовка в Венгрии переговоров Ференца Надя с официальным венгерским революционным комитетом. Сабо получил и деньги, чтобы в случае необходимости подкупить компетентных лиц. Ференц Надь предполагал, что он будет представлять венгерское правительство в ООН».

В своих дальнейших показаниях Имре Молнар останавливается также на роли венгерских эмигрантских организаций. В Австрии его посетил Иштван Такач, уполномоченный «Союза венгерских боевых друзей» (СВБД), которому — после того как тот удостоверил свою личность и подтвердил, что он действительно является сторонником СВБД — Молнар рассказал об организационном построении органов госбезопасности и все, что ему было известно о снятии инженерно-технических заграждений на границе. Контрреволюционные события побуждали СВБД активизировать свою деятельность. Согласно дан-

ным протокола от 9 января, Имре Молнар рассказал об этом следующее:

«Приблизительно 25—26 октября 1956 года меня посетил Такач. Он был весьма взволнован и попросил, чтобы я свел его с моими бывшими начальниками; ему-де хотелось бы установить с ними контакт, так как они намерены переслать оружие для восставших венгров. Главным образом такое оружие, говорил Такач, в котором теперь сильно нуждаются в Венгрии: бронебойное и другое подобное оружие, при помощи которого можно успешно бороться против танков. Такач сообщил, что в случае необходимости они смогли бы поддержать восставших венгров большим количеством оружия и людских сил. Замечу, что я не выполнил просьбы Такача свести его с моими бывшими начальниками, ибо тогда еще не осмеливался ехать в Венгрию. Полагаю, что оружие было переправлено в Венгрию другим путем».

Позже Имре Молнар также побывал в Венгрии по делу Ференца Надя. Его и бывшего старшего лейтенанта хортистской армии Иштвана Иглоди направил туда уже упоминавшийся сотрудник комитета «Свободная Европа» Миклош Сабо. В их задачу входило установить связь с дьёрским «революционным комитетом» и подготовить создание временного правительства Ференца Надя.

«Перед отправкой,— показал Имре Молнар,— Сабо обратил наше внимание на то, чтобы мы говорили, что Ференц Надь хочет того же, что и венгерские революционеры».

Позже Имре Молнар рассказал:

«В начале ноября мы вместе с Иштваном Иглоди отправились выполнять свое задание. К месту перехода границы в Хедешхаломе нас доставил один швейцарский торговец».

* * *

Арестованный шпион *Карой Тот* в своих показаниях также свидетельствует о том, что иностранные агенты помогали контрреволюционерам. Карой Тот бежал в 1948 году на Запад, где вступил в «Союз венгерских боевых друзей», который, по его собственному признанию, направлял его в следующие шпионские школы:

В 1951—1952 годах в Фридрихсхафене его обучали картографии, способу перехода границ и обращению с оружием;

в 1953 году в Клагенфурте — специальности радиста;
в 1953 году в Виллахе — тактике и способам вербовки.
До 1956 года Кароя Тота неоднократно забрасывали в Венгрию, где он вербовал агентов.

В конце октября 1956 года Карой Тот и его сообщники, снабженные удостоверениями австрийских журналистов, прибыли на машинах Красного Креста в Венгрию.

* * *

Бела Кохут вместе с пятью сообщниками перешел австрийскую границу 3 октября 1956 года. Поддержку им оказало грацское отделение радиоцентра «Свободная Европа». 28 октября в Граце на кладбище была организована церемония возложения венков, на которую собралось около двухсот венгров. После этой церемонии все проследовали в отель «Парк», где некий полковник д-р Балла познакомил присутствовавших с положением в Венгрии.

«Д-р Балла сообщил,— говорит Бела Кохут,— что в Венгрии происходит борьба. Обращаясь к молодежи, он сказал, что пусть она возвращается домой не поодиночке, а организованно, с оружием и руководителем, ибо таким образом она принесет большую пользу. Мой товарищ Ференц Март выступил, заявив, что мы не будем ждать, пусть дадут нам деньги, чтобы мы могли отправиться домой. В тот же вечер какой-то низкорослый полный человек вручил каждому из нас по 50 шиллингов, и мы уехали на автобусе. Границу перешли около Рабахидвега. Мы решили примкнуть к восставшим, как только приедем домой».

Кохут и его сообщники 30 октября прибыли в Будапешт и 31 октября явились для «несения службы» в здание газеты «Сабад неп», где находилась банда Дудаша.

БЫВШИЙ ВЗВОДНЫЙ ИЗ ПЕРЕУЛКА КОРВИН

После разгрома контрреволюции западные шпионские организации начали вербовать агентов из рядов сбежавших участников контрреволюционного мятежа. В этом отношении характерным является случай, происшедший с арестованным *Петером Реннером*.

Петер Реннер признал, что в период контрреволюции он был взводным в переулке Корвин, а позже действовал как «офицер разведки». 26 ноября 1956 года он бежал в

Австрию. В Вене Реннер встретился с бывшим командиром группы в переулке Корвина Гергеем Понграцем и бывшим председателем южнобудапештского «революционного комитета» Лайошем Варфалви. Во время встреч они договорились создать в Венгрии контрреволюционные группы и работать над подготовкой нового контрреволюционного мятежа. С этой целью еще в Вене была установлена связь с бывшим преподавателем университета Иштваном Янковичем и Йожефом Сенткути, которые также занимались сколачиванием контрреволюционных групп. Обе группы объединились.

Реннер рассказал также, что на совещании в Страсбурге Янкович встретился с Белой Кираем, перед которым отчитался о своей работе. Кирай был согласен с ним и просил регулярно информировать его о делах. Реннер и Сенткути подготовили план работы в Венгрии, который был одобрен Белой Кираем. Планом предусматривались контрабандная заброска подстрекательских листовок, газет, оружия, радиопередатчиков и приемников, установление связей с МЕФЕС¹ и рабочими советами и, кроме того, вербовка надежных лиц и развязывание в дальнейшем вооруженного контрреволюционного мятежа. Ниже приводятся выдержки из показания Петера Реннера.

Из протокола от 28 февраля 1957 года

«Вопрос. С каким заданием перешли вы венгеро-австрийскую границу?

Ответ. Задачи, которые я должен был выполнить в Венгрии, мы последовательно обсудили вдвоем после 10 января 1957 года сначала на квартире у Сенткути, а затем у меня. Сущность договоренности сводилась к тому, чтобы создать на территории страны нелегальные организации и группы, задачей которых явится распространение непрерывно получаемых от нас контрреволюционных листовок и развертывание пропаганды, а также хранение оружия, которое мы будем посылать в большом количестве, и использование его в подходящий момент...

...далее, нужно было найти и завербовать такого человека, который умеет обращаться с радиопередатчиком, доставить ему этот передатчик, чтобы он мог поддерживать связь с радиостанцией, действующей в Швейцарии. Установить связь с Союзом писателей. Передавать статьи и сообщения для выходящей на Западе газеты «Немзетёр». Наладить в Венгрии работу рота-

¹ МЕФЕС — студенческая организация. — *Прим. ред.*

тора для выпуска листовок, чтобы мы могли выпускать их и внутри страны.

Вопрос. Кто осведомлен относительно того, с каким заданием вы прибыли в страну?

Ответ. О моей нелегальной поездке и о заданиях известно Йожефу Сенткути, Иштвану Янковичу и Беле Кираю. Янкович обсудил с Белой Кираем наш план, и последний согласился с ним. Мы договорились, что после выполнения задания встретимся вчетвером, обсудим достигнутые результаты и наметим новые мероприятия».

Из протокола от 5 марта 1957 года

«*Ответ.* В середине января 1957 года Янкович направил ко мне в Вену Калмана Селла, студента университета из Швейцарии, венгра по происхождению, который представился как уполномоченный Швейцарского союза студентов и предложил мне радиопередатчик для связи. Янкович сообщил Калману Селлу в Швейцарии, что они намерены создать контрреволюционные организации. Ко мне он пришел уже как к уполномоченному Беле Кирая в Вене, одному из инициаторов создания контрреволюционных организаций.

Мы условились с Калманом Селлом о встрече, на которую пришли также венгерская студентка Ева Барна и швейцарский студент Вальтер Ренслер. Позже Барна и Ренслер ушли. Селл же рассказал о радиопередатчике, который предлагают швейцарцы, и обещал нам оказывать материальную поддержку. Он сказал, что для нас будет куплен ротатор, который мы сможем использовать для печатания листовок в Венгрии. А до тех пор, пока в Венгрию не прибьет печатная машина, они будут помогать нам в нелегальной доставке контрреволюционных листовок. С этой целью он позже познакомит меня с одним из представителей Швейцарского союза студентов, Мензелем Вальтером, который как уполномоченный Красного Креста от Швейцарского союза студентов неоднократно ездил в Венгрию и, используя свои легальные поездки, мог бы провозить туда до десяти килограммов листовок за одну-две поездки».

Из протокола от 18 марта 1957 года

«Согласно плану, разработанному в Вене, я должен был установить связь с пятью рабочими советами Будапешта.

11 февраля 1957 года я посетил на квартире Ласло Кочиша, члена рабочего совета Северного транспортно-ремонтного предприятия, и сообщил ему, что я нелегально прибыл в Венгрию по

Forced out of AVN building by Red Army who
have captured it, a security policeman being riddled
in the doorway, his bow arm and his eyes still
open, while a pistol recoils his ribs.

Это фото опубликовано в специальном выпуске „Лайф“. На снимке здание Горкома на площади Республики. Но журнал в целях фальсификации сообщает, что это здание Министерства государственной безопасности, и поясняет, что „патриот изрешетил“ человека, вытащенного из здания.

поручению революционного комитета. Из числа руководителей комитета я упомянул имена Белы Кирая и Анны Кетли. От имени революционного комитета я призвал его организовать по месту работы распространение антиправительственных листовок, которые мы доставим в страну нелегальным путем из Австрии. Кочиш не дал определенного ответа.

Приблизительно 17 февраля я поручил Тибору Эрдеи установить связь с членом рабочего совета завода имени Белоянниса Шандором Бали и договориться с ним о встрече. Эрдеи выполнил задание. Встреча состоялась 20 февраля около эспрессо «Ледяная хижина», откуда мы направились в ресторан гостиницы Геллерт. На беседе присутствовал также Эрдеи. Я сообщил Бали, что прибыл в страну нелегально по поручению революционного комитета, и посоветовал ему вести себя и в дальнейшем так, чтобы не потерять доверия трудящихся. Мы намеревались использовать Бали для осуществления акций более крупного масштаба, для организации забастовок и демонстраций».

Из письменных показаний от 12 марта 1957 года

«Рассказанное о моих связях с Швейцарским союзом студентов следует дополнить тем, что я вел переговоры с одним студентом по имени Ханс Гертел. (Калман Селл сообщил мне, что у Ханса имеются большие связи также в высших кругах за рубежом.) Ханс Гертел предложил мне автомашину и на другой день познакомил меня с Боби. Он сообщил мне, что Боби в любое время вместе с машиной будет в моем распоряжении и что Боби поддерживает с ним связь по телексу (по телетайпу). Мы условились, какими кличками будем пользоваться, и о пароле для лица, которое придет от него в качестве доверенного.

Приблизительно 23 января Боби сообщил, что Ханс телеграфировал о том, что меня посетит его друг Курт Шнейдель, который сообщит пароль, и что я могу говорить с ним открыто. Спустя два дня явился Курт Шнейдель. Назвав пароль, он сообщил, что является уполномоченным Западногерманского университетского союза и Венгерского общества друзей в Западной Германии. Он предложил обучить несколько тысяч человек обращению с новейшим бронебойным оружием и в случае надобности — летному делу. Я сказал, что без ведома Кирая не могу дать ответ на это предложение.

Тем временем через Янковича от Кирая прибыло указание составить подробный план намеченных мероприятий и немедленно выслать ему все материалы. Это задание было выполнено.

Примерно 2 февраля Сенткути сообщил мне, что с ним вступил в контакт начальник английской секретной службы в Вене и предложил финансировать три курьерских поездки (в каждой поездке — по два курьера).

Примерно 4 февраля появился Курт Шнейдель и сообщил, что он может организовать обучение 5 тысяч человек обращению с бронебойным оружием и 50—100 человек — летному делу. Кроме того, он достал деньги для приобретения около двухсот бесшумных пистолетов. Он сообщил также, что слышал, будто десять бесшумных пистолетов уже были переправлены в Венгрию. Затем он сообщил, что его посетил один высокопоставленный офицер американской секретной службы и спросил, с кем из венгров он поддерживает связь. Он ответил, что связан с уполномоченным генерал-майором Кирая. После этого американец, чтобы удостовериться в правдивости сообщений, проверил наши имена, внесенные в его шпионскую книжку.

Примерно 6 февраля явился старший лейтенант генерального штаба Дечи, личный адъютант Кирая. Кирай передал через него, что он добился в Америке всего, чего хотел. На этой неделе сенат ратифицирует соглашения. Кирай просил, чтобы через десять дней, к его возвращению, ему представили исчерпывающую сводку о достигнутых результатах, точные данные о видах и количестве оружия, которое должно быть отправлено в Венгрию. Одновременно он сообщил, что уже в марте мы получим необходимые средства. К 1 марта создадут централизованное руководство, будет действовать несколько групп, которые придадут нам. В конце марта Кирай приедет для переговоров в Европу и будет лично руководить организационной работой.

Старший лейтенант Дечи сообщил мне также, что почту, адресованную мною Кираю, он сможет отправить с дипломатическим курьером миссии США и что он договорится с миссией, чтобы я мог использовать этот канал и после его отъезда.

После этого я сообщил Дечи, что поеду в Венгрию, а донесения смогу представить только дней через шестнадцать.

Вечером 9 февраля я прибыл в Венгрию.

Петер Реннер».

* * *

После 9 февраля 1957 года Петер Реннер выполнил задания, взятые на себя в Австрии; завербовал руководителей групп для нового вооруженного мятежа, нашел места для хранения прибывающих с Запада листовок и прочих пропагандистских материалов, оружия, радиопередаточного и радиоприемного оборудования, а также организовал их распределение. По дороге в Австрию, куда он ехал, чтобы представить доклад своим хозяевам, Реннер был на границе арестован.

Роль западной венгерской эмиграции

Находящиеся на Западе правые политические деятели сыграли значительную роль в октябрьских событиях и в их подготовке. Через враждебные радиостанции, в первую очередь через радио «Свободная Европа» и «Голос Америки», они посылали тактические и принципиальные указания. Тесные нити связывают западную венгерскую эмиграцию и с западными шпионскими организациями.

Ниже мы намерены только лишь на основании материалов западной печати, выходящей на венгерском языке, показать, как они действовали и какую позицию они занимали.

ЧТО ОНИ ГОВОРЯТ О САМИХ СЕБЕ И ДРУГ О ДРУГЕ

Венгерская эмиграция за границей имеет и имела уже перед октябрьскими событиями множество групп с различными политическими оттенками. Эти группы большей частью травят, «чернят» друг друга. Эмигрантский журналист Дюла Борбанди в одной из своих статей констатирует:

«Большинство эмигрантов придерживается тех же взглядов на международную обстановку, что и правительство страны их пребывания. Сложились эмигрантские политические взгляды проамериканского, проанглийского, профранцузского и пронемецкого направлений». (Журнал «Латохатар» за март-апрель 1956 года.)

Как видно, взглядов провенгерского направления вовсе нет! Это доказывает, в частности, девиз на английском языке: «Америкэн ин спирит — Хангериан ин лэнгвидж» («По духу — американская, по языку — венгерская») — на газете «Фюггстленшег», выходящей в американском городе Трентон (впрочем, это старая эмигрантская газета, основанная несколько десятилетий назад). Мало что меняет более умеренный вариант этого

девиза, публикуемый газетой на венгерском языке: «Американская по духу венгерская газета».

Новоиспеченной эмигрантской газетой является, например, «Немзетёр» — «Газета венгерских писателей — борцов за свободу за границей», издающаяся в городе Мюнхене. Но как на первом, так и на втором номере ссылка на публикацию газеты в Мюнхене забита, а вместо этого с помощью простого каучукового штампера пытаются доказать, что газета готовится в Риме. В другом же месте редакция газеты в качестве своего временного адреса указала лондонский адрес. Выходящая также в Мюнхене «Уй Хунгария» — «Независимая еженедельная газета свободных венгров» — в номере от 11 января в статье под заголовком «Чистую воду в стакан» пишет о газете «Немзетёр», что в лице ее вдохновителей, по-видимому,

«мы имеем бездушных политических торгашей и корыстолюбцев, и прямой обязанностью каждого венгра является как можно скорее привлечь их к суду!»

В Нью-Йорке выходит «политический и общественный еженедельник» «Аз Эмбер». В номере от 15 декабря еженедельник резко выступает против отдельных эмигрантских групп:

«Здесь, за границей,— пишет газета,— все еще мечутся рыцари старого сгнившего строя, ведя от имени венгерского народа свою преступную и вредную игру. В официальных представительных организациях все еще фигурируют те отставшие от поступи времени политики, о которых венгерский народ не хочет и слышать. Они все еще являются теми, кто через свои тщательно налаженные связи оказывают влияние на благонамеренные, но неправильно информированные американские учреждения».

В этой же статье еженедельник выступает и против нилашистского крыла эмиграции:

«Нилашистского движения нигде уже больше не существует, кроме как в венгерских кругах за границей».

В свою очередь издающаяся в Брюсселе «Факья» — «Центральный орган независимого венгерского социалистического движения», — квалифицирующая себя левой газетой, пишет об «Аз Эмбере»:

«Аз Эмбер» является газетой бывших фабрикантов и крупных торговцев».

В журнале «Латохатар» еще до октябрьских событий шла продолжительная дискуссия о политической ориентации вен-

герской эмиграции. В рамках дискуссии Дюла Борбанди следующим образом порицает отдельные группы эмиграции:

«Не будем удивляться, что... и многие благонамеренные отечественные и иностранные наблюдатели считают эмигрантов реакционерами, более того — фашистами, у которых нет иных планов, кроме как вернуть себе после возвращения на родину свое прежнее имущество и власть, учинить суд над теми, кто находится в стране, и перестроить отечество на свой лад». (Номер журнала за март-апрель 1956 года.)

Брюссельский «Социалистический обозреватель» в январско-февральском номере за 1957 год нападает на группу Ференца Надя — Имре Ковача и их единомышленников:

«Мы знаем, что в эмиграции Ференц Надь и компания, Имре Ковач и их сторонники проделали адскую работу. Они и не подумали хотя бы для видимости убедить, что венгерская демократия является для них кровным делом. Если бы это было так, то они ни минуты бы не сидели в Нью-Йорке в организации «Фри Юроп комити» [комитет «Свободная Европа». — *Составит.*] вместе с теми, кто представлял демократию хортистского толка».

ОБЩАЯ ЦЕЛЬ—РЕСТАВРАЦИЯ КАПИТАЛИЗМА

Хотя между эмигрантскими органами печати и группками имеют место большие расхождения во взглядах, взаимная ревность, грызня, интриги друг против друга, все они сходятся на том, что в Венгрии они хотели бы установить капиталистическую систему западного образца. Большие споры они ведут лишь относительно разновидностей, оттенков этой системы, в связи с чем между ними имеются принципиальные или тактические расхождения во взглядах. Существует группа, настаивающая на установлении фашистской диктатуры гитлеровско-салашистского толка. Разумеется, нилашистский орган «Ут еш Цел» даже не скрывает этого своего стремления. На обложке ноябрьского номера журнала можно видеть королевскую корону и прочие королевские регалии, а на первой же странице рядом с портретом фашистского главаря Салаши можно прочесть принадлежащее ему изречение. Одна из статей заканчивается следующими словами:

«В эти дни мы особенно должны воздать должное тому мужу, который шел впереди нас и с решимостью, презревшей смерть, открыл путь для своей нации. Пусть будет воздано должное Ференцу Салаши».

На улице Вац. На костре горят произведения Маркса, Пушкина, Ленина и Достоевского, пластинки с мелодиями Чайковского, Баха и Шуберта.

В этом же номере газеты хозяева журнала бахвалятся тем, что испанское франкистское фалангистское движение

«рассматривает хунгаристское движение как братское движение и считает необходимым установить между обоими движениями тесную связь. Фаланга с большим пониманием и сочувствием следит за деятельностью хунгаристского движения, осуществляемой в интересах освобождения Венгрии, и с искренним уважением относится к личности и идеям руководителя нации мученика Ференца Салаши».

Программу возвращения на путь буржуазной демократии западного образца излагает журнал «Латохатар». Небезызвестный политический деятель правого толка Имре Ковач пишет в январско-февральском номере журнала за 1956 год:

«Мы не можем больше откладывать. Мы должны открыто объявить о своей позиции относительно коллективного сельского хозяйства и социалистической промышленности. Мы не можем сказать, что все нужно возвра-

щать, ибо в значительной части своей они уже являются подлинно общественной собственностью. Мы должны попытаться произвести переустройство с помощью какого-нибудь видимого раздела земли... Экспроприированные помещики и фабриканты безусловно имеют право на получение возмещения за причиненный им ущерб, размер, способы и формы которого нужно определить таким образом, чтобы не нарушить принцип частной собственности и в то же время не упустить из виду правильный критерий для удовлетворения нужд заинтересованного народа».

И далее:

«Больше свободы, меньше планового хозяйства; не коммунизм, но и не демократия; какая-нибудь форма капитальной страны, вроде той, например, в которую превратилась Швеция, или вроде Англии, какой ее планирует лейбористская партия...»

В майско-августовском номере журнала за 1956 год тот же Имре Ковач следующим образом дополняет свои высказывания:

«Для начала хорошо «больше свободы, меньше планового хозяйства», что со временем могло бы развиваться в государство шведского или английского типа. Оно не завязнет на югославском уровне., а может превратиться в классический западный демократический социализм».

Каков же этот «классический западный демократический социализм», который Имре Ковач представляет нам в качестве идеала? Америку, Англию, Швецию он называет социалистическими странами.

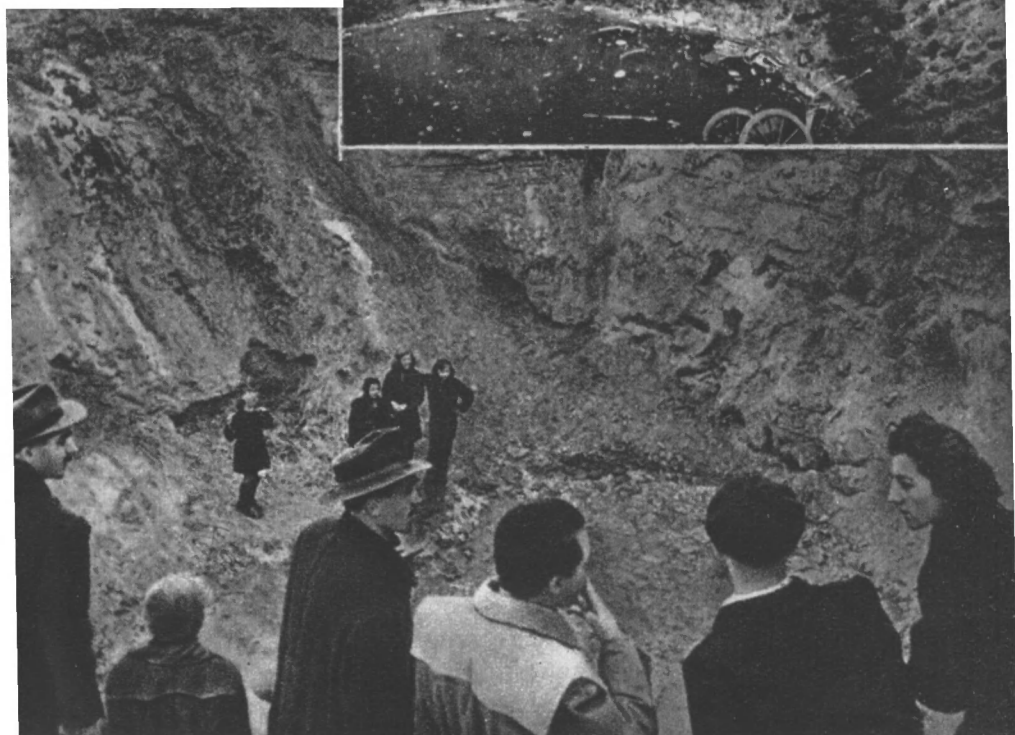
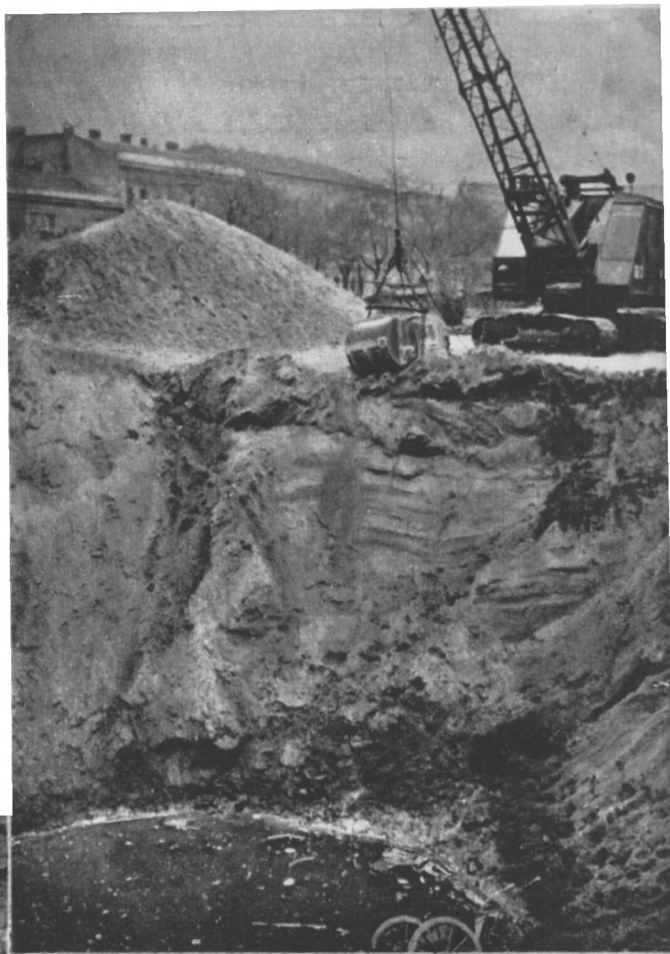
В мартовско-апрельском номере журнала с изложением своих планов выступает Борбанди:

«Хотим мы этого или нет, но мы должны принять к сведению и такие институты и устройство, которые присущи не либеральной демократии западного образца, а социалистическому государству. Такая Венгрия, которая лучше нынешней Венгрии, но и не совсем такая, которую мы хотим в какой-то исторический момент, может стать политической действительностью».

Ференц Надь в майско-августовском номере «Латохатара» идет уже гораздо дальше:

«В Венгрии нужно восстановить систему единоличного хозяйства». Говоря далее о необходимости повышения технического уровня «независимых мелких хо-

рассказами о подземных тюрь-
мах и казематах на площади
республики подстрекали введен-
ных в заблуждение людей про-
тив партии. В течение несколь-
ких дней с помощью экскава-
торов и буровых машин перерыли
всю площадь перед зданием
паркома и, разумеется, ничего
не нашли.

зяйств», он заявляет: «Следует сохранить земельную реформу, но в то же время нужно сделать все для того, чтобы карликовые хозяйства, не обеспечивающие полностью средств к существованию, ликвидировать путем свободной продажи, превратив их в современные, хорошо оснащенные мелкие хозяйства, обеспечивающие высокий жизненный уровень. Владельцев карликовых хозяйств нужно направлять в такие области производства, где вместо нищеты в условиях карликового хозяйства они могут оказаться в буржуазных условиях в западном понимании... Перед венгерским крестьянством нужно открыть путь обуржуазивания в западном понимании этого слова». «...Мы не намерены восстанавливать прежний крупный капитализм. Нужно сохранить национализацию ключевых отраслей промышленности и шахт. Право собственности на остальные предприятия нужно урегулировать путем тщательного взвешивания вклада налогоплательщиков, жертв рабочих и претензий бывших собственников. Поддерживая частную инициативу, нужно способствовать созданию новых мелких и средних предприятий. Нужно поощрять иностранный капитал к предпринимательству и капиталовложению у нас на родине».

«Умеренное» крыло эмигрантского лагеря таким образом также раскрывает свои карты. Оно открыто определяет свою позицию, ибо за осторожной формулировкой ясно вырисовывается план реставрации капиталистической частной собственности. И хотя они и утверждают, что не хотят восстанавливать «крупный» капитализм, но в то же время требуют передачи в частные капиталистические руки «средних» предприятий (где же граница между «крупным» и «средним»?). Крестьянам — владельцам «карликовых» хозяйств, новым хозяевам, советуют оставить землю, а взамен обещают «предоставить им буржуазные условия жизни в западном понимании», прочим же крестьянам обещают «путь обуржуазивания в западном понимании этого слова». Короче говоря, владельцев карликовых хозяйств, мелких крестьян нужно с земли согнать — безразлично куда, а остальные должны превратиться в кулаков.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Беженцы, находящиеся на Западе, строили много планов относительно того, каким образом они должны «ускорить» наступление событий, которые они желают и готовят. Известно, как складывалась обстановка в Венгрии перед октябрем

1956 года. Рассмотрим, как же поддерживала группа развенчанных венгерских политических деятелей на Западе различные подрывные элементы и как она следила за ними.

Имре Ковач подробно останавливается на вопросе о «ведении психологической или политической войны», которые, по его мнению,

«основываются на предположении, что коммунизм в результате чуть ли не закономерно возникающих в нем противоречий, а также планомерного использования «летальных» возможностей, вытекающих из его развития и деятельности, можно настолько ослабить, что Кремлю не останется другого выбора, как вступить в переговоры с Западом и принять его условия. Это особый способ ведения войны, которую называют «психологической», потому что путем искусного комбинирования политического, дипломатического, экономического, культурного и военного давления она, эта война, держит коммунизм в состоянии постоянного беспокойства, распространяется на весь мир и находит свое выражение в координированных действиях пяти континентов». («Латохатар», январь-февраль 1956 года.)

Но принесет ли такой способ ведения войны необходимые результаты? — ставит вопрос Имре Ковач.

«Можем ли мы добиться с помощью психологической войны такого результата, которого очень многие из нас (а также венгры, находящиеся на родине) ожидают от войны? Осознает ли венгерский народ сущность и значение новой политической стратегии? Если да, то склонен ли он к необходимому и дисциплинированному сотрудничеству?» (Там же.)

И, наконец, в связи со всем этим Ковач определяет и задачу самих эмигрантов, указывает, чем они должны помогать тем, кто в Венгрии борется за тождественные цели вместе с ними. По его мнению, этим элементам

«эмигранты могут помочь лучше всего анализом, и тогда со знанием обстановки и методов ведения психологической войны они смогут усилить давление на режим там, где это явится наиболее действенным и успешным». (Там же.)

Ференц Надь более откровенен. Он конкретно ссылается на течения, возникшие среди писателей и в кружке Петёфи. Он находит их настолько значительными, что квалифицирует «события, разыгравшиеся в кружке Петёфи» как имеющие прямотаки «всемирное значение».

«Духовную борьбу за свободу,— пишет он в майско-августовском номере «Латохатар» за 1956 год,— в настоящее время все еще ведут члены коммунистической партии. Большой свободы требуют пока еще внутри самой партии. В отношении персональных изменений это требование ныне проявляется лишь в том, что одних коммунистов хотят заменить другими. Многие эмигранты отстали от событий и полагают, что повторяющиеся бунты писателей или же сильное брожение молодежи кружка Петёфи — это не что иное, как внутренняя междоусобная борьба коммунистов».

Ференц Надь пытался даже «идеологически» обосновать, почему он не считает большой бедой то, что «пока что», «в данный момент» это брожение все еще возглавляют члены партии:

«Нас не тревожит, что ныне эту борьбу еще возглавляют члены партии, ведь Сечени и Вешшелени также пришлось начинать борьбу за реформы внутри своего класса, а в последующем их борьба стала борьбой всего народа и благотворные результаты реформ стали достоянием всего народа».

В своих рассуждениях он не только ссылается на ожидаемый и совершаемый сдвиг вправо, который нужно осуществлять, но заодно дает бежавшим за границу венграм тактические указания. Он особенно следит за тем, чтобы помощь, оказываемая эмигрантами, не выдавала их единомышленников в Венгрии, не ставила их в трудное положение:

«Если кто-либо в эмиграции захочет открыто признать мужество и заслуги лиц, возглавляющих духовный бунт, то, с одной стороны, он может подвергнуть их большой опасности, с другой стороны, сам может оказаться в положении, когда его объявят попутчиком или титовцем. Напротив, негативная позиция может вызвать у самых храбрых мужчин, борющихся на родине, такое ощущение, что живущие в свободном мире венгры не понимают их борьбы или равнодушны к ней, и это может привести к спаду порыва. Более того, они могут отойти. Значит, во что бы то ни стало нужно найти методы разумной поддержки, рассчитанной на продолжительный период.

Прежде всего нужно довести до сведения венгерского народа, что его чаяния и стремления вызывают отклик не только в рядах писателей и просвещенной молодежи, не только в их среде говорят об этом, но и в

среде эмиграции. «Быть может, эмиграция гораздо больше способна наметить будущие задачи, сформулировать окончательные цели борьбы, чем соотечественники, находящиеся в стороне от событий».

И исходя из идеи, что они там, в Мюнхене или Нью-Йорке, лучше могут «сформулировать» «окончательные цели борьбы», Ференц Надь тут же дает и «идеологический» совет, рекомендует выдвинуть требования:

«Самым главным является вопрос о свободе, важнее нет ничего. Свобода только тогда является в самом деле всенародным достоянием нации, если ее не хотят ограничить специфическими или особыми определениями».

Затем, после пространного аргументирования, он подчеркивает, что свобода «без ограничений», естественно, включает и «свободу предпринимательства», стало быть, она не может быть антикапиталистической, социалистической. Цель Ференца Надя очевидна: реставрация буржуазного строя, капитализма.

Интересно рассмотреть, как представляет себе эмигрантская группа Имре Ковача — Борбанди методы перехода к общественно-политическому строю «западного» толка. Какой путь ведет к этому строю «без ограничений», то есть к либерально-буржуазному строю? Все желают, чтобы Венгрия сделала какой-то «промежуточный» шаг. Согласно Имре Ковачу,

«Запад с точки зрения политики дальнего прицела рассматривает успешный титоизм как первый этап демократии».

Дюла Борбанди, излагая возможный ход событий, приходит к выводу, что

«скачкообразное изменение представляется маловероятным. Если переход от сталинистского государственного капитализма к обществу, обеспечивающему права и свободы человека, последует мирным путем, то строй и неполитическая позиция, называемые за неимением лучшего определением титоизмом, явятся определенной фазой этого развития».

Их точку зрения в связи с этим разделяет и вместе с тем критикует нилашистская «Ут еш Цел». «Первый этап», по ее мнению, — это вовсе не этап, на нем нельзя остановиться.

«Трещина, раскалывающая коммунистический лед, не остановится на грани национального коммунизма, ти-

тоизма, коммунистического левого союза, полудемократии, «социалистического и буржуазного радикализма», наполовину национализированного планового хозяйства и наполовину хозяйства, рассчитанного на рыночное обращение, то есть не окажется в неопределенном состоянии, которое можно выразить словами «ни рыба ни мясо!» (Ноябрь 1956 года.)

Журнал «Хадак Утьян» за октябрь откровенно резко дает оценку событиям в Венгрии и излагает «внешние» задачи, которые должны быть осуществлены на Западе:

«Каково же, следовательно,.. призвание эмигранта? Что можно еще сделать ради венгерского народа? Ответ может быть только один: извне помочь тем тайным подспудным течениям, которые незримо бурлят под поверхностью режима».

И этот журнал, вышедший в свет незадолго до 23 октября, намекает о том, что «момент» приближается:

«Если теперь нам нужно бороться против тех, кто возвращается на родину, то может наступить время, когда нам придется бороться за то, чтобы каждый венгр, организованным порядком, готовый к служению стране и науке, возвратился на родину...»

Наряду с многочисленными спорами и грызней, характерными для всех без исключения эмигрантских групп, общим для них является, разумеется, резкий антикоммунизм. В этом вопросе некоторые из них доходят до того, что даже вторую мировую войну объявляют триумфальным и победоносным антисоветским походом, как будто эту войну выиграли по крайней мере венгерские хунгаристы и союзы боевых друзей! Так, например, «Хадак Утьян» в январском номере за 1957 год возводит Будапешт 1944—1945 годов в «символ антибольшевистского сопротивления» и с не меньшим «приукрашиванием» пишет в этой же статье о «разбитых дивизиях» Советского Союза в октябре-ноябре 1956 года. Эта же статья открыто признает, что одни и те же цели преследовались во время битв на Дону в 1944 году и осенью 1956 года в Венгрии:

«Перед нами и сегодня стоит все та же всеобъемлющая цель, какая была на Дону или в боях в Венгрии» (в 1944—1945 годах).

В другом ноябрьском номере эта газета следующим образом прославляет октябрьско-ноябрьские дни в Будапеште:

«Стала явью мечта, за которую и мы сражались на Дону».

Итак, эти западные эмигранты считают контрреволюцию в октябре духовным наследием Гитлера, Хорти и Салаши. Впрочем, это с полным основанием показывает белый террор контрреволюции, ее разнузданный антикоммунизм и антисоветизм.

„АРИСТОКРАТ, БЫВШИЙ ОФИЦЕР ИЛИ БУРЖУЙ...“

Интересно рассмотреть, как эти крайне реакционные газеты и группы оценивали события, происшедшие 23 октября в Венгрии. Это также проливает свет на то, какая «борьба за свободу» велась в Венгрии между 23 октября и 3 ноября.

A Magyar Nemzeti Kormány megállapítja, hogy Mindszenty József bíboros hercegprímás ellen 1949-ben indított eljárás minden törvényes alapot nélkülözött, az akkori rendszer által ellene emelt vádak alaptalannak voltak. Mindesek alapján a Magyar Nemzeti Kormány kijelenti, hogy Mindszenty hercegprímás ellen elrendelt jogfosztó intézkedések érvénytelenek, ennek következtében a hercegprímás minden állampolgári és egyházi jogát helyreállítás nélkül gyakorolhatja.

„Решение“ Имре Надя о реабилитации Миндсенти. Без всякого расследования и законного основания Имре Надь заявил, что Миндсенти был осужден невинно. „Решение“ было зачитано по радио.

Прежде всего стоит рассмотреть, как была оценена роль Имре Надя. Некто Герзе Зойоми, автор статьи, помещенной в «Уй Хунгария» 11 января, называет трех «порядочных венгров»: Имре Надя, Анну Кетли и Йожефа Миндсенти (которого, впрочем, кливлендская «Католикуш мадьярок вашарнапья» прямо называет «величайшим человеком нашей эпохи»).

«Американ мадьяр непсава» в редакционной статье от 10 ноября рассматривает капиталистическо-реставраторские стремления Имре Надя следующим образом:

«Имре Надь... хотел постепенно сделать Венгрию свободной».

В номере этой же газеты от 8 декабря некий беглый венгерский студент опубликовал следующее заявление, достойное внимания:

«А Имре Надя мы толкали, насколько это было возможно, вправо. И тем временем мы дрались».

Более компетентное, чем у студента, высказывание по этому вопросу принадлежит самому Миндсенти, заявление которого для западной печати, сделанное в американской миссии после образования революционного рабоче-крестьянского правительства, было опубликовано 25 ноября газетой «Католикуш мадьярк вашарнапья»:

«Я скорее поддержал бы правительство Имре Надя, чем нынешнее правительство», — заявил он между прочим.

Между венгерскими эмигрантскими газетами на Западе нет разногласий относительно того, что октябрьские события являются чисто контрреволюционными, то есть антикоммунистическими, антисоциалистическими. Вышедший в свет 15 декабря 1956 года первый номер мюнхенской газеты «Мадьяр курир» — «информационного органа венгерских беженцев» — писал, что борьба ведется «против всех разновидностей коммунистического строя». В январском номере «Хадак Утьян» указывалось: «Что касается вопросов марксизма, то для их характеристики достаточно сказать, что в ходе борьбы за свободу питомцы института марксизма-ленинизма (?) тоже сражались против коммунизма и что все программы отвергли антинациональную сущность марксизма — классовую борьбу!»

Это, конечно, не помешало газете в своеобразной манере объявить, будто целью октябрьских событий являлся все-таки социализм, точнее — «Христова мораль и социализм». Так же маскировали свои подлинные цели Гитлер и К°!

Кто же был заинтересован в «социализме» такого рода, в том, чтобы отбросить классовую борьбу? Кто же боролся за эти цели? Ответ и на этот вопрос дает «Америкаи мадьяр непсава» от 8 декабря:

«Аристократ, бывший офицер или буржуй, если он брал в руки оружие, становился боевым товарищем. Таким он и оставался, ибо в чистилище революции стерлись все различия, связанные с происхождением, профессией или общественным положением. Бывший блестящий старший лейтенант гусар Пал Малетер, революционный вождь, является таким же их героем, как и сын бывшего

помещика, или крестьянин-бедняк, или чепельский рабочий-марксист».

Они старались так представить дело, будто бы их контрреволюционные стремления служили интересам «народа». И эти их стремления проявляются не только в том, что они маскировали свои цели социализмом, не только в том, что они клеветали на рабочих, утверждая, будто они вместе с аристократами и буржуями боролись за общую цель. Еще более видно саморазоблачение этой подлости в циничной параллели, которую проводит «Хадак Утьян» в ноябрьском номере за 1956 год:

«Кто встал из могил героев [то есть в октябрьские дни.— *Составит.*], из залитых известью ям, из кладбищенских рвов? Петёфи возвратился с шегешварской равнины или старые людовиковцы июля 1919 года?»

И затем в заключении этой статьи говорится:

«Но когда-нибудь Ты, юная Венгрия Шандора Петёфи, Лайоша Кошута, Бардошши, Густава Яни и новых будапештских героев, неминуемо, как неизбежна смерть, подымешь голову из окровавленных пепелищ».

Так глумились «патриоты» над памятью великих людей венгерской истории: Петёфи и Кошута они валили в одну кучу с людовиковцами — белыми террористами 1919 года, с военным преступником Бардошши и виновником массовых убийств Густавом Яни. Таким образом они признали, какую «революцию» они хотели. Они желали — «революции Бардошши и Яни», то есть добивались установления фашизма.

Изучение прессы позволяет сделать вывод, что дело венгерского народа в некоторых статьях поддерживала в сущности лишь одна-единственная газета старой рабочей эмиграции, издающаяся в Америке и известная своими прогрессивными взглядами,— газета «Америкаи мадьяр со». Маргит Генчи выступила 29 ноября со статьей против материалов, публикуемых в американской печати. Она писала:

«Сбежавшие за границу венгерские реакционеры при большой поддержке иностранцев, жонглируя благонамеренными словами о прощении и призывами венгерского правительства, словно хищные звери, замаскировавшиеся овечьими шкурами, наводнили страну, чтобы завершить свою дьявольскую подрывную работу».

В этой же статье газета подробно напоминает венгерскому читателю в Америке о том, что сделал новый венгерский народно-демократический строй в противовес старому режиму, из-за

которого они должны были покинуть страну с посохом нищего в руках. Заслуживает внимания обширная выдержка из этой прекрасной статьи:

«Этот строй... построил заводы, достойные человека квартиры и школы, где дети бедняков также могли учиться в соответствии со своими способностями. В школах они могли освоить различные ремесла (вместо того, чтобы на четыре-шесть лет поступить в «ученики» к «мастерам», где они в течение трех лет работали в качестве домашней прислуги, таскали воду для стирки, чистили хозяйским детям обувь, нянчили младенцев, выгребали из-под коров навоз и лишь один год учились ремеслу). В современных ремесленных училищах тысячи и тысячи детей изучают современную промышленность. В деревни провели электричество, что тысячами различных способов облегчает жизнь и тяжелый труд. Этот строй дал книги и открыл библиотеки, обучил грамоте взрослых и стариков, чтобы они могли наслаждаться чтением.

Этот строй предоставил право на отдых трудящимся!!! Мог ли раньше думать венгерский рабочий об оплачиваемом отпуске, который он ныне проводит в течение двух недель без всяких забот в таком месте, к которому он ранее не мог даже приблизиться?

Этого ли не достаточно? Может быть и нет, я знаю, что этот строй хотел бы дать больше, но, учитывая, что он существует недавно, а средства ограничены, он мог дать только то, что он дал!

Венгрия только теперь стала венгерской, теперь она принадлежит венгерским трудящимся после не прожитых, но выстраданных тысячи лет, такой она и останется с помощью трезво мыслящих и ясно видящих рабочих».

В этом же номере газеты венгр, живущий в Америке и подписавший статью инициалами С. М., оспаривает утверждения, появившиеся в газете:

«Можно было бы исписать целые страницы, чтобы доказать, кто несет ответственность за кровопролития и разрушения в Венгрии». Он высказывает свое мнение, согласно которому ответственность за это несут «враги трудового народа», «крупный капитал», который «поставил целью свергнуть правительства, склонные к строительству социализма, ввергнуть их народы в пучину угнетения».

«Я не могу согласиться с теми,— пишет он,— кто осуждает и считает преступлением обращение за по-

мощью к советским войскам и их отправку в Венгрию и за все случившееся возлагает ответственность на венгерское и советское правительства».

ЭМИГРАЦИЯ „ПОДНИМАЕТСЯ“

Из сообщений газет явствует также, что венгерские эмигранты на Западе с лихорадочным рвением готовились устремиться в Венгрию. В боевой готовности были и жандармские отряды. Журнал «Хадак Утьян» за октябрь публикует корреспонденцию о празднестве «освящения знамени» «боевых друзей — жандармов» во Франции, во время которого была совершена торжественная месса и ряд жандармских «боевых друзей» выступил с речами.

Общезвестно, что, начиная с Ференца Надя, Хорти и до эрцгерцога Йозефа, поднялась вся венгерская эмигрантская свора. Одни ограничивались заявлениями издаека, другие помчались к границе, а третьи даже перешли ее. Они вовсю развернули свою деятельность и на враждебных радиостанциях.

«Из Мюнхена нилашисты также вели свои радиопередачи,— пишет «Америкаи мадьяр со» 6 декабря,— из Мадрида — столицы фашиста Франко — сторонники Отто подстрекали венгерский народ на братоубийственную борьбу, надеясь, что Отто сможет вернуть себе королевство».

О том, как эмиграция активизировала свою деятельность в октябрьские дни, подробнее всего сообщается в ноябрьском номере журнала «Хадак Утьян»:

«Весть о событиях в Венгрии буквально за несколько часов подняла на ноги всю венгерскую эмиграцию. Отложив в сторону прежние политические разногласия, чуть ли не все венгры земного шара преисполнились одним святым желанием: если можно, с оружием в руках помочь венгерским героям — борцам за свободу, если же это невозможно, всколыхнуть общественное мнение всего мира, используя для этого все связи... Центральный штаб СВБД увеличил число своих членов и создал чрезвычайный руководящий орган под руководством генерал-майора Андраша Зако, который после обсуждения самых неотложных задач создал боевой штаб. ...Когда поступили известия о событиях, многие лица, побуждаемые энтузиазмом, немедленно направились в Австрию, многие застряли на государственных границах или в промежуточных больших городах. Начиная с 28 октября были

получены сообщения о многих сотнях добровольцев — как отдельных лицах, так и целых группах — не только из Европы, но и из-за океана. Эмигрантские землячества не только заверяли венгров в своем сочувствии, но очень многие представители наций, живущих за железным занавесом, заявляли во всех странах о своем желании принять участие в венгерской освободительной борьбе... В СВБД прибыла из-за океана телеграмма о том, что сто канадских боевых друзей и других тамошних венгров-энтузиастов отправляются на самолете в Австрию, чтобы принять участие в борьбе за свободу.

mentette a gazdagodást, a fluvniag nagyságai ko.
viszont Charles Chaplin, a londoni zsidónegyed, Whit
chapell érdeklőtte.

Old reporter

Nemzetünk történelmet formáló szabadságharcának a magyar nemzeti emigrációra gyakorolt kihatással senki sem mérhette le jobban, mint a Hungarista Mozgalom vezetője és lapjának szerkesztője.

Indulást sürgető táviratok s levelek tömegét kaptuk. Kanadából a Hungarista Légió telefonon jelentette: Mergalmunk vezetőjének, hogy bevetésre készen áll és várja az indulási parancsot.

Távollátók alatt Európa majd minden országából Ausztriába érkeztek harcolni akaró magyar csapatok. Szerkesztőségünk éjjel-nappal a külföldről jövő testvéreink rendelkezésére állott.

Ilyen körülmények között lapunkat csak későrel tudtuk megjelentetni, azonban biztossá vagyunk abban, hogy kedves Olvasóink teljes megelégedésével találkozunk.

DT-60 C22

SECRET

KULPOLITIKAI TÁRSASZTATÓK

novemberi világszerte kezdődött

Выходящая на Западе газета „Ут еш Цел“ сообщает своим читателям, что руководитель хунгаристского (нилашистского) движения перешел венгерскую границу.

«Американ мадьяр непсава» (от 8 декабря) сообщает о том, что генерал Зако «с вооруженной свитой» ездил в Дьёр. Газета сообщила, что секретарь главаря партии мелких сельских хозяев, изменника родины Бела Варга, Арпад Ракшани «при получении известия о революции направился в Вену и не без приключений добрался до Будапешта». Фашистско-хунгаристская «Ут еш Цел» в редакционной статье, помещенной в ноябрьском номере, сообщает, что

«руководитель хунгаристского движения в сопровождении одного из членов нашей редакции перешел венгерскую границу, чтобы на месте информироваться об обстановке. За время их отсутствия почти из всех стран Европы в Австрию прибыли группы венгров, желающих участвовать в борьбе. Наша редакция круглосуточно находилась в распоряжении единокровных братьев, прибывших из-за границы».

«Католикуш мадьярок вашарнапья» сообщает о том, что его высокопреподобие господин Йожеф Вечей «за кратковременный период свободы в Венгрии был дома» и вел переговоры с Миндсенти.

Вот что выболтали эти газеты о непосредственном участии фашистов и реакционеров, живущих на Западе, в «борьбе за свободу» в Венгрии. В их намерения входит и в дальнейшем вызывать в стране кровопролития и обречь ее на страдания и поработить. По мнению журнала «Хадак Утьян» за январь,

«ничто не может помешать нам в том, чтобы включиться в освободительную борьбу нашего народа там, тогда и таким образом, как только и когда для этого представится возможность!»

В одной из статей «Ут еш Цел» за ноябрь говорится еще более откровенно:

«Подавляющее большинство перемещенных лиц в любое время готово, если нужно, принять участие в освобождении своей родины и *с оружием в руках*. (Подчеркнуто в подлиннике!)

Для политиканов из венгерской эмиграции на Западе и их покровителей недостаточно было кровопролития. Они полагали, что октябрьский контрреволюционный мятеж повысил их роль, поднял курс их акций. Они охотно приумножили бы свой капитал и дальше, охотно втравили бы тысячи введенных в заблуждение молодых людей в новые кровавые контрреволюционные авантюры.

Роль предателя Белы Кирая

Войска Народной армии уже на первой стадии контрреволюционного нападения, между 23 и 28 октября, смогли бы защитить государственный строй Венгерской Народной Республики, если бы партийное и государственное руководство было более решительным. Настроение частей, расположенных на периферии, было удовлетворительным. Офицеры и солдаты многих войсковых частей докладывали руководству партии и командованию армии о готовности ценой своей жизни отстоять власть рабочего класса от натиска контрреволюции.

Ликвидация вооруженных банд в Будапеште привела до 27 октября к столь реальным результатам, что с помощью решительных военных действий можно было бы полностью ликвидировать вооруженный контрреволюционный мятеж. Но предательство в партии и правительстве, приведшее к заявлению от 28 октября и созданию военных советов дезорганизовали армию. Такое положение обеспечило контрреволюции возможность позаботиться о создании собственных вооруженных сил.

Радиоцентр «Свободная Европа», разобравшись в обстановке и учитывая, что армия до того момента добилась успехов в подавлении контрреволюции, уже 29 октября определил новые целевые установки для контрреволюционеров: добиться портфелей министров обороны и внутренних дел.

Имре Надь охотно поддержал это требование и 31 октября назначил предателя Пала Малетера заместителем министра обороны, а 3 ноября — министром обороны.

Однако для радиоцентра «Свободная Европа» было исключительно важно, чтобы в высшем руководстве вооруженными силами одну из важнейших ключевых позиций занял офицер Бела Кирай, типичный представитель хортистско-фашистского генерального штаба, тем более, что ставленник этого радиоцентра несколько лет тому назад попал в тюрьму за шпионаж как раз в пользу английских империалистов. Это стремление

империалистов и внутренних контрреволюционеров объясняет автобиография Белы Кирая:

«Мой отец был высокопоставленным служащим МАВ¹.

При режиме Хорти он занимался политической деятельностью и до 1943 года был организационным секретарем партии Венгерская жизнь² в области Шомодь. После получения аттестата зрелости в гимназии я добровольно поступил в школу вольноопределяющихся в Капошваре, а затем, после ее окончания, был принят в Академию Людовика. В 1935 году был произведен в лейтенанты. До 1939 года служил в армии, а затем поступил в военную академию, где в 1942 году стал офицером генштаба. В это время попал на советский фронт, в район Дона, где принимал участие во многих боевых операциях; через несколько месяцев возвратился с фронта и стал офицером по материальному снабжению штаба командования 3-го округа Сомбатхея. Отсюда был переведен в оперативный отдел — отдел 1/а — министерства обороны и здесь в качестве начальника подотдела по идеологическим вопросам служил до конца войны. В это же время трижды командировывался на фронт, где принимал участие в крупных боевых операциях в качестве начальника штаба и начальника оперативного отдела. За участие в войне против Советского Союза получил несколько высоких наград, в том числе «рыцарский крест», «офицерский крест» и в связи с этим в марте 1945 года получил звание «витязя». В апреле 1945 года в Задунайшине попал в советский плен, откуда бежал 13 июня 1945 года... Со времени обучения в военной академии... до конца войны поддерживал тесные связи с бывшим нилашистским министром обороны Берегффи. На советском фронте я служил при нем штабным офицером осведомительной службы. В последний раз я служил в непосредственном окружении Берегффи после декабря 1944 года в нилашистском министерстве обороны в качестве начальника подотдела по идеологическим вопросам отдела 1/а. Я неоднократно лично докладывал Берегффи и получал от него указания. Принимал участие в совещаниях по многим важным и значительным вопросам. На эти совещания приглашения, вернее — указания о явке, в большинстве случаев получал от Берегффи.

¹ Венгерские государственные железные дороги. — *Прим. ред.*

² Правящая партия при хортистском режиме. — *Прим. ред.*

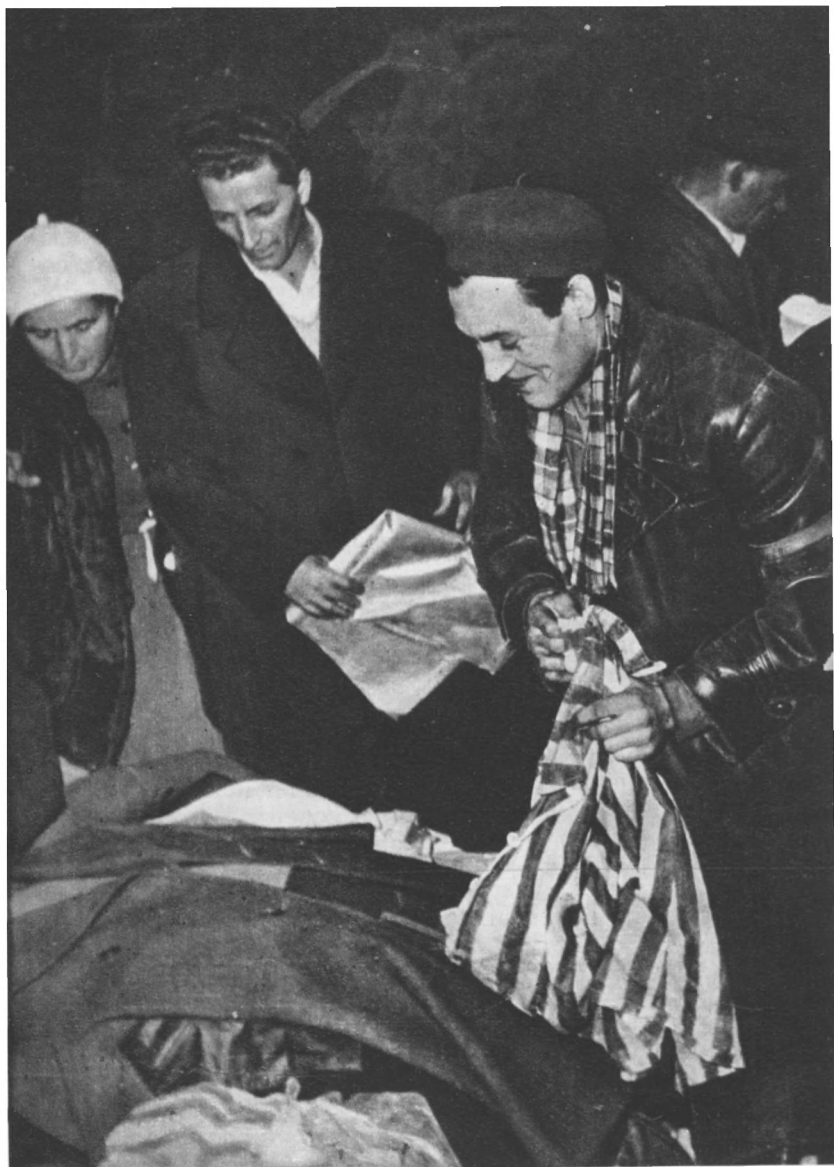
В начале января 1945 года Берегффи вызвал меня к себе и сообщил, что Управление отделения трудовой повинности и командование фортификационными работами нужно перевести в министерство тотальной мобилизации и военных поставок, возглавлявшееся Коварцем. Он дал мне указание организовать этот перевод и заново определить компетенцию отделов сокращенного таким образом аппарата министерства. Во исполнение приказа после подготовки, которая длилась несколько недель и во время которой я примерно четыре раза совещался с Коварцем, мною была осуществлена предписанная реорганизация. Берегффи лично руководил работой по определению компетенции оставшихся отделов, я несколько раз ходил к нему с докладами и наконец, по его указанию, работу завершил. Неоднократно принимал участие в совещаниях у Берегффи по определению компетенции генерала венгерских войск, находившихся в Германии, и командиров дивизии СС «Хуняди». Принимал участие и в решении других вопросов, связанных с выяснением круга их обязанностей...»

Итак, этого выкорыща нилашистского министра обороны Имре Надь назначил руководителем образовавшегося 31 октября так называемого «революционного комитета вооруженных сил», военным комендантом Будапешта. Этот «революционный комитет вооруженных сил» по сути дела безраздельно взял под свое руководство армию и полицию. Тем самым военное руководство перешло в руки контрреволюции.

Одновременно 31 октября на состоявшемся в казармах Килиана совещании делегатов военных советов было объявлено о создании «национальной гвардии». Таким образом руководство армией, полицией и «национальной гвардией» во всей стране было подчинено тому самому «революционному комитету вооруженных сил», во главе которого встал Кирай, а его заместителем — начальник будапештской полиции предатель Шандор Копачи.

Бела Кирай в целях сколачивания «национальной гвардии» стремился взять в свои руки руководство всеми вооруженными группами. Это подтверждается, между прочим, показаниями Б. Б., одного из его бывших офицеров связи:

«С 28 октября по 2 ноября я служил офицером связи от командования оперативной группы при Будапештском управлении полиции. Там помещалась группа Бела Кирая, который руководил революционным комитетом вооруженных сил и занимался организацией националь-

**Освобожденных из тюрьмы уголовных преступников и фашистов
переодевают в гражданское платье.**

ной гвардии. Я имел возможность видеть, как руководители различных групп повстанцев регулярно приходили к нему. Среди них были братья Понграц из так называемой «группы Корвина». К нему приходил руководитель повстанцев некий Шмидт, брюнет, среднего роста, который рассказал, что имел судимость. Затем приходил какой-то молодой человек по имени Ливи, худой брюнет, ростом 160—162 сантиметра, осужденный за попытку изнасилования...»

Один из главарей контрреволюционеров в Буде Эмиль Бутковски приходил к Беле Кираю ежедневно.

Кроме объединения контрреволюционных групп, Бела Кирай стремился вместе с тем поставить во главе отрядов «национальной гвардии» прежде всего хортистских офицеров, сидевших в тюрьме. Об этом свидетельствует, например, его секретарша Ласлоне Балла, рассказавшая следующее:

«Белу Кирая посещали многие бывшие политические заключенные. Значительная часть их приходила даже в арестантской одежде, но многие уже успели переодеться в гражданское. Однако пальто у них не было, они были одеты в короткие грубошерстные куртки. Бела Кирай говорил им, чтобы они постарались как можно скорее переодеться, и многим приказал выдать полицейскую форму, что и было сделано «майором» по имени Фёльдвари, ходившим в полицейской форме. На всех бумагах Фёльдвари подписывался как заместитель Белы Кирая. Таким образом, бывшим заключенным предоставили оружие и одежду. Бела Кирай неодобрительно относился к тому, что бывшие заключенные толпами бродили по зданию полицейского управления, и по его предложению, если не ошибаюсь, на улице Бенцур, 28, было занято помещение, в котором создали «Союз боевых друзей—бывших заключенных». Я неоднократно была свидетельницей, как Бела Кирай с бурной радостью встречал «членов» этого союза и они целовались. Однажды, например, из Дёндёша прибыл старый хортистский офицер, искавший Белу Кирая, и сетовал на то, что в Дёндёше коммунисты взяли в свои руки организацию национальной гвардии, что нетерпимо. Белы Кирая не было на месте и вместо Кирая, от его имени, «майор» Фёльдвари выдал документ, который удостоверял, что *организация национальной гвардии в Дёндёше относится исключительно к компетенции этого бывшего хортистского офицера*. Упомянутый офицер попросил оружие,

которое ему и было выдано. Впрочем оружие в неограниченном количестве раздавали вплоть до полудня 3 ноября».

На основании официальных расписок в получении оружия можно установить, что по распоряжению Бела Кирая только из одного склада по улице Тимот контрреволюционным группам, тогда уже в значительной степени сколоченным из уголовных преступников, за короткое время было выдано 2206 карабинов и винтовок, 3 ручных пулемета, 2 станковых пулемета, 20 пистолетов, 100 ручных гранат и 1339 автоматов, а также неограниченное количество боеприпасов.

Таким организационным мероприятием контрреволюция преследовала, следовательно, цель не только взять теперь уже в свои руки армию и полицию, но и легально обеспечить для вооруженных контрреволюционных групп необходимое материальное и техническое снаряжение и вооружение. Для этого легального обеспечения теперь уже имелись «законные» рамки и основания. Однако офицеры из рабочих, трудящихся крестьян и прогрессивной интеллигенции и на этом втором этапе наступления контрреволюции в основном сберегли запасы оружия. Из периферийных армейских складов подавляющая часть оружия, несмотря на неоднократные приказы Бела Кирая, не попала в руки контрреволюционеров.

Подготовка фашистской диктатуры

В планы контрреволюции входила также задача параллельно с организацией «национальной гвардии», захватом руководства армией и полицией вытеснить из вооруженных сил офицеров рабоче-крестьянского происхождения. Это начали осуществлять с помощью военных советов. Дело в том, что военные советы стремились прежде всего ликвидировать в армии руководящих работников коммунистов путем отстранения большинства замполитов и командиров, заклеив их с этой целью «ракошистами» и «сталинистами». Бела Кирай, Малетер и компания хотели таким образом сколотить в армии «надежный» хортистский офицерский корпус. В связи с этим по приказу Бела Кирая 1 ноября была создана так называемая реабилитационная комиссия, в состав которой входил сам Кирай, а также бывшие хортистские офицеры Керекеши и Жилински. В течение двух дней число явившихся превысило пятьсот человек. Около трехсот из них подали заявления с просьбой о зачислении в армию. Эти заявления можно найти и ныне в министерстве обороны.

Авторы заявлений особо подчеркивали свои служебные заслуги. Кто же были эти господа и каковы были их заслуги? Ознакомимся с некоторыми из них:

Дежё *Надь* — капитан запаса, окончил Академию Людовика. *За военные преступления восемь лет сидел в тюрьме.* Освободился в 1956 году.

Ласло Вида был в 1950 году заключен в лагерь за участие в заговоре в *Сегеде*.

Полковника *Ласло Хегедюша*, осужденного в 1948 году за *антигосударственные преступления*, контрреволюционеры освободили из тюрьмы Марианостра 27 октября 1956 года.

Некоторые бывшие хортистские офицеры, как например *Жилински*, *Тихамер Комъяти*, получили назначения по личному указанию *Белы Кирая*. Среди подавших заявления встречались и такие, которые просили временно зачислить их на действительную военную службу ввиду чрезвычайных обстоятельств. Вот одно из таких заявлений:

«Господин военный министр!

Могучее движение венгерского народа, которое призывает каждого венгра взять оружие, повелительно требует, чтобы мы все выполняли наш долг на постах, лучше всего отвечающих нашим знаниям и квалификации. Это обязывает меня предложить мои знания и труд господину министру обороны.

Д-р Артур Мурани,
советник отдела министерства
в отставке».

«В качестве представителя временного административного совета партии мелких сельских хозяев прошу полностью меня реабилитировать», — пишет бывший генерал-майор *Шандор Балли*. *Шандора Балли* «реабилитировали», зачислили в штат министерства обороны и установили ему оклад.

Таким же образом объявился *жаданьский и тёрёксентмиклошский дворянин генерал-лейтенант Пал Алмашии*, которого наметили на должность начальника организационного и мобилизационного отдела армии. Свои услуги предложил *Малетеру* и военный преступник генерал-лейтенант *Ласло Кути*, отбывание пятнадцатилетнего тюремного наказания которого прервала контрреволюция в октябре.

Таким путем контрреволюция хотела обеспечить создание вооруженных сил фашистской диктатуры, которая заменила бы правительство *Имре Надя*. По сути дела контрреволюцио-

неры вновь прибегли к методам, которые они применяли в 1919 году, когда представители эксплуататорского класса — офицеры-людовиковцы с помощью империалистов свергли власть пролетариата.

*Бела Кирай по совету американцев организует
„народное восстание“*

4 ноября советские войска приступили к ликвидации в Будапеште вооруженных контрреволюционных отрядов. Один из работников штаба Белы Кирая, подполковник И. М., так описывает события:

«На рассвете 4 ноября, около 3 часов, в помещении главного управления полиции неожиданно появился Кирай и, вызвав к себе доверенных лиц, информировал их о начале выступления советских войск. Затем он приказал перевести штаб под прикрытием охраны на Яношхедь. Кирай возложил на меня задачу обеспечить силами взвода переезд штаба. Я сел в одну машину с Белой Кираем; в этой машине занял также место некто Винце, мужчина лет тридцати-тридцати пяти, с бородой, в очках, явно доверенный Кирая. Достигнув проспекта Красной Армии, Кирай остановил колонну и вместе с Винце вышел из машины; я хотел пойти с ними, но он приказал мне остаться. Они направились к находящемуся там жилому дому сотрудников американской миссии и вернулись минут через тридцать-сорок. Колонна направилась к казарме пограничников в районе Фацанош. Через шесть часов начали прибывать офицеры и гражданские лица, среди них и те, кто прежде были подчиненными Кирая. Кирай явно становился все более встревоженным. Винце вновь предложил просить у американцев предоставления политического убежища. Оценив обстановку, Кирай согласился с тем, что при сложившемся соотношении сил сопротивление бесполезно. Затем вместе с Винце он направился в американскую миссию. Около 11 часов Кирай и Винце возвратились и вопреки своей прежней оценке обстановки пытались убедить присутствовавших в необходимости вывода из Будапешта находившихся там вооруженных сил. Он предложил создать из них партизанские отряды, продолжать борьбу и организовать всеобщее народное восстание».

Венгерская армия, как известно, и не думала организовывать по американскому совету и под руководством Кирая

«народное восстание», хотя Бела Кирай и развернул в этом направлении свою деятельность. Об этом свидетельствует донесение заместителя командира чиллеберцской зенитной батареи старшего лейтенанта Яноша Ваша:

«6 или 7 ноября ко мне на квартиру пришел высокий седеющий человек, одетый в гражданское, в сопровождении рыжебородого человека небольшого роста, в очках в тонкой золотой оправе (у последнего вместо правой ноги, кажется, был протез). Высокий седеющий человек заявил, что он генерал-майор Бела Кирай, и подтвердил это, предъявив удостоверение личности. Он искал меня как командира зенитной батареи. Вместе с рыжебородым, который, по словам Бела Кирая, также был генерал, мы пошли ко мне на квартиру. Кирай приказал мне вести артиллерийский огонь по советским войскам. Это означало, что я должен был обстреливать Будапешт. Когда я стал протестовать, он пригрозил пристрелить меня. Я сослался на то, что могу выполнять приказ только своего непосредственного командира, к тому же являюсь командиром батареи противовоздушной обороны и моя задача — отражать нападение вражеских самолетов. Я сослался также на то, что в районе расположения батареи живут семьи, что рядом с нами находится Центральный физический научно-исследовательский институт с миллионными ценностями и что мы своей авантюрой поставили бы все это под угрозу. Кирай потребовал отвести его к моему старшему командиру капитану Тетени. Поскольку Кирай пригрозил застрелить меня, я отправился с ним на боевую позицию. По дороге он сказал, что пришлет повстанцев, которых нужно обучить обращению с орудиями. В расположении батареи он также уговаривал солдат выступить против советских войск. Затем он заявил мне, что, если я убегу и меня поймают, он лично застрелит меня. После его ухода я дал указание привести орудия в небоеспособное состояние, вынудив ударники».

Отдав приказ сражаться до последней капли крови, Бела Кирай исчез, а затем сбежал на Запад.

Специальный комитет ООН по так называемому «венгерскому вопросу» счел необходимым заслушать доклад Бела Кирая о его деятельности в Венгрии. Американский журнал «Лайф» в номере от 18 февраля поместил этот доклад, из которого также явствует, что Кирай и его сторонники — реакционные офицеры хотели изгнать из рядов вооруженных сил офи-

церов — выходцев из рядов рабочих — и полностью поставить вооруженные силы Венгрии под руководство реакционеров. Вот что говорится по этому вопросу в докладе Белы Кирая:

«В течение суток мы выработали свою программу. Как министерство обороны, руководившее армией, так и министерство внутренних дел, осуществлявшее надзор за полицией и пограничными войсками, находились в руках ракошистов, то есть ненадежных людей, поэтому нам пришлось создать революционный комитет для руководства обоими органами... комитет обеспечил бы дисциплину в армии и полиции, и, таким образом, национальная гвардия была бы наготове на случай русского нападения...»

Свои предложения Кирай немедленно представил тогдашнему председателю Совета министров Имре Надю, который поддерживал реакционный план «чистки» венгерских вооруженных сил:

«Уже находясь в большой приемной, я показал наши предложения, изложенные в письменной форме. Имре Надь сел в кресло рядом с государственным министром Золтаном Тилди. Он писал, опершись на подлокотник кресла. Надь предложил заменить несколько слов, а затем, согласившись с предложениями, подписал их. Мы с гордостью вышли из большой приемной, ибо нас официально уполномочили контролировать оба министерства, создать национальную гвардию и обеспечить порядок.

По возвращении в ставку главного командования, я получил донесения о имевших место отдельных столкновениях, а также о том, что организация национальной гвардии начинает уже разворачиваться... На другой день, 30 октября, около полудня, я направился для переговоров к министру обороны Карою Янза. Я заявил ему, что свое назначение главнокомандующим в Будапеште приму только в случае выполнения двух условий: во-первых, пусть у меня будет свой офицерский корпус; во-вторых, пусть возвратят на прежние посты сорок генералов и других высокопоставленных офицеров, которых Ракоши выгнал из армии. Кроме того, я попросил очистить министерство от сторонников Ракоши...

Новый офицерский состав мне предоставили почти немедленно».

Мы знаем, что венгерская народная власть сменила руко-

водящий офицерский состав старой хортистско-фашистской армии и поставила на его место верных народу офицеров, командиров. Имя Ракоши Бела Кирай упомянул только для того, чтобы навести тень на плетень, завуалировать тот факт, что его требованием являлось возвращение в венгерские вооруженные силы прежнего хортистско-фашистского руководства.

Таким образом, Бела Кирай, которому Имре Надь хотел предоставить столь важную роль, являлся типичным представителем тех сил, связанных тысячами нитей с фашистским режимом Хорти, которые хотели заменить венгерский народно-демократический строй не «просто» капиталистическим строем, а стремились возродить этот режим.

„Повстанцы“ из переулка Корвин

(На основании свидетельства Ласло Ивана-Ковача, Габора Дилинко, Иштвана Штиллера старшего и рассказов ряда очевидцев, находившихся в переулке Кишфалуди)

ЗАХВАТ ПЕРЕУЛКА КОРВИН

В историю контрреволюции под названием *переулок Корвин* вошла изогнутая полукольцом улица около кинотеатра «Корвин». Подлинное название улицы — *переулок Кишфалуди*.

В среду 24 октября, приблизительно в 4 часа утра, несколько вооруженных молодых людей забрались на крышу дома на углу переулка Кишфалуди и Большого бульварного кольца. Они притаились возле труб и стреляли в прохожих на Большом бульварном кольце. Кто же были эти люди и чего они хотели? Это осталось невыясненным. Точно известно только то, что они были первыми «повстанцами» из переулка Корвин.

Затем вооруженные люди удалились, но через несколько часов на их место пришли другие. Вероятно, среди них нашелся и военный специалист, который тут же пришел к следующему выводу: *«Переулок Корвин можно хорошо оборонять и против танков! Улица узкая, отсюда удобно нападать на бронетранспортеры, имеется несколько выходов и в случае беды можно легко скрыться. Сюда нужно перевести главное командование!»*

Тем самым судьба переулка Корвин (Кишфалуди) была решена.

Вскоре был определен и *командный пункт*: переулок Кишфалуди, 4, второй этаж, 2, в квартире врача д-ра Дюлы Крамо-

Ференц Пейгер Палхаз, один из подручных Дудаша; бывший жандарм, а затем хортистский старший лейтенант. После 1945 года четыре раза подвергался наказаниям за уголовные преступления. В конце октября был заместителем Дудаша и возглавлял группу, занимавшуюся арестами и истязаниями коммунистов. Кроме того, сыграл главную роль в ограблении универмага «Корвин», откуда было похищено товаров почти на 7 миллионов форинтов. После разгрома контрреволюции был арестован за тайную контрреволюционную деятельность.

лина, главного врача больницы по улице Шандора Петерфи. Один из главарей немедленно издал приказ: *«В доме надо снять все телефонные аппараты! Телефон может остаться только здесь! Но и по этому аппарату никто не должен разговаривать без разрешения командира!»* Шестиэтажный дом был таким образом отрезан от внешнего мира.

В доме № 4 по переулку Кишфалуди находилось рабочее общежитие винторезного завода. Здесь обосновались и устроили свой командный пункт первые вооруженные мятежники.

СОЗДАНИЕ ГРУППЫ ПЕРЕУЛКА КОРВИН

Командиром группы с 26 октября был двадцатисемилетний кладовщик Ласло Иван-Ковач. 1 ноября избрали нового командира. Вожаком стал сын бывшего судьи, члена кассационного суда, Гергей Понграц, который непосредственно подчинялся верховному командованию Малетера и Белы Кирая.

Иван-Ковач пришел в переулок Корвин еще 24 октября полудни, после того как солдаты армии разоружили его в Национальном музее. На другой день, 25 октября, по его словам, в переулке Корвин было около сорока человек. Командиром в то время был некто Ласло Сабо, который, однако, на несколько дней покинул группу. Своим командиром мятежники признавали Ивана-Ковача.

Утром 25 октября положение мятежников, находившихся в переулке Корвин, казалось безнадежным. Многие «повстанцы» побросали оружие; большинство тех, кто дрался ночью 23 октября, прекратили борьбу и разошлись по домам. Дело в том, что на заре 25 октября командование вооруженных сил строго запретило выходить на улицу. Еще до семи часов утра по радио неоднократно предупреждали: кто выйдет на улицу, подвергнет себя опасности быть застреленным. Вооруженные силы объявили об этом потому, что хотели ликвидировать и последние очаги сопротивления.

Однако председатель Совета министров Имре Надь перечеркнул этот план: 25 октября он отменил комендантский час. Приказ, объявленный вооруженными силами, таким образом потерял силу. После семи часов радио передало указание Имре Надя. *Это указание Имре Надя воспрепятствовало ликвидации вооруженных очагов контрреволюции и дало возможность организовывать новые демонстрации.*

Те, кто находился в переулке Корвин, видели, что правительство не принимает всерьез объявленное чрезвычайное положение и это придало им новые силы. Они вскоре убедились в том, что Имре Надь, правительство которого эта группа сна-

Одна из контрреволюционных групп из
переулка Корвин, помещавшаяся в доме 41
по улице Байдахуняд.

чала не признавала, стоит на их стороне и не позволяет по-настоящему осуществлять чрезвычайное положение. Следовательно, можно, не подвергаясь опасности быть наказанным, доставать оружие и стрелять. Это была первая и решающая поддержка, оказанная группе из переулка Корвин, за которую они могли быть благодарны тогдашнему главе правительства. Следует отметить, что в этот день в расположенные по соседству казармы Килиана прибыл на танке *Малетер*. Несколько танков могли бы легко разогнать сброд из группы переулка Корвин, но, как известно, Малетер поступил наоборот — он вступил в сговор с корвинистами.

Это предательство — *поддержка, оказанная Малетером* — явилось вторым обстоятельством, способствовавшим быстрому росту группы Корвина.

26 октября Имре Надь вновь заявил, что срок сдачи оружия продлен. В результате этого мятежники совершенно обнаглели. Среди элементов уголовного мира и подонков общества VIII и IX районов распространился слух, что переулок Корвин — сборный пункт, явка, где можно получить довольствие и оружие. С этого момента все больше и больше лиц, имевших судимость, и проституток вливалось в ряды мятежников в переулке Корвин. 27 октября они достали также две пушки. Одну установили в узкой соседней улице Пратер перед школой, вторую — там, где начинается переулок Корвин. Группа, расположенная в школе по улице Пратер, примкнула в это время к корвинистам и также оказалась под начальством Ивана-Ковача. 27 октября там уже насчитывалось до трехсот человек.

В этот день стало известно, что *правительство хочет начать с ними переговоры о сдаче оружия*. Согласно показаниям Ивана-Ковача, командование мятежников переулка Корвин на совещании вечером 27 октября обсудило ответ. Уполномоченного правительства, прибывшего к ним, захватили в качестве заложника, а *Иван-Ковач* и *Гергей Понграц* отправились в парламент для переговоров с Имре Надем о сдаче оружия. Тот факт, что правительство признало их *стороной в переговорах*, явился большим толчком для развития группы и невероятно усилил их самоуверенность. Позиция Имре Надя, таким образом, способствовала росту группы «повстанцев», подавляющее большинство которой состояло в это время уже из уголовных преступников, а заправилами являлись бывшие хортистские офицеры и фашисты. Гергей Понграц, например, во всеуслышание бахвалился своими фашистскими взглядами.

Делегация корвинистов, не найдя никого в парламенте, направились в здание ЦК партии, где «делегатов» принял

Яношши, зять Имре Надь. В совещании приняли участие члены МЕФЕС (организация студентов).

Среди требований, выдвинутых корвинистами, фигурировали и такие, как роспуск органов госбезопасности и демобилизация солдат войск госбезопасности, вывод советских войск, ненаказуемость лиц, принявших участие в вооруженной борьбе, разрешение деятельности буржуазных партий.

Яношши и компания *согласились* с требованиями корвинистов. Была достигнута договоренность, что об этих требованиях будет объявлено по радио.

ИМРЕ НАДЬ ЗАЯВЛЯЕТ: „ЕСЛИ БУДЕТ СОВЕРШЕНО НАПАДЕНИЕ НА КОРВИН, Я УЙДУ В ОТСТАВКУ“

На другой день, 28 октября, Имре Надь пригласил представителей вооруженных групп для переговоров о «капитуляции». На этих переговорах корвинистов вновь представляли Иван-Ковач, Понграц и еще несколько человек. Переговоры проходили на третьем этаже министерства земледелия, в зале заседаний. Во время этих переговоров договорились и о расторжении Варшавского договора. Как показал Иван-Ковач, *относительно капитуляции во время переговоров уже не было сказано ни одного слова*. Имре Надь сразу же поддержал требования корвинистов, сказав им: «Ребята, я такой же венгр, как и вы».

До того как начались переговоры, в 6 часов утра, должно было состояться совместное выступление венгерских и советских частей для ликвидации группы в переулке Корвин. За полчаса до начала атаки Имре Надь позвонил по телефону в министерство обороны и заявил: *«Я против кровопролития. Если будет совершено нападение на Корвин, я уйду в отставку!»* Имре Надь не возражал против кровопролития на площади Республики, против убийства коммунистов, но он протестовал против кровопролития в связи с ликвидацией группы в переулке Корвин. Это заступничество Имре Надя спасло группу мятежников в переулке Корвин.

Следует отметить, что в эти дни радио «Свободная Европа» денно и ночью трубило о том, чтобы «борцы за свободу не складывали оружия». Корвинисты, Яношши и компания и в этом верно следовали указаниям «Свободной Европы».

ШОКОЛАД И РУЧНАЯ ГРАНАТА

В период «переговоров о капитуляции» численность группы корвинистов определяли уже *в тысячу человек*. Ее ряды пополнились за счет выпущенных в те дни из тюрем уголовных пре-

ступников. Тем временем советские войска были выведены, а органы госбезопасности распущены.

Корвинисты и другие контрреволюционные группы теперь уже чувствовали себя достаточно сильными для того, чтобы расправиться с главным своим врагом — Венгерской партией трудящихся; к этому подбивал их идейный руководитель — радицентр «Свободная Европа». 30 октября было совершено нападение на здание Будапештского горкома партии на площади Республики. Командование мятежников из переулка Корвин направило сюда на трех грузовиках с прицепами вооруженных людей; совершенные ими чудовищные убийства стали позже общеизвестными фактами. В тот же день, а затем 31 октября были совершены нападения и захвачены райкомы партии в Будапеште. После ликвидации органов госбезопасности террористические группы полностью парализовали и деятельность организаций ВПТ. *Роспуск органов госбезопасности был достигнут при содействии председателя Совета министров Имре Надя. Деятельности же партийных организаций воспрепятствовал вооруженный, кровавый террор.*

Поведение правительства Имре Надя в связи с нападениями на здание Горкома партии на площади Республики и на райкомы партии даже не является двусмысленным: *Имре Надь и его сторонники ни единым словом не протестовали по поводу террористических действий, направленных против партии и коммунистов.* В то же время они узаконили банды убийц, производя их в «национальную гвардию».

Такое поведение правительства сбilo с толку рабочих и коммунистов. Члены партии, будучи людьми дисциплинированными, выполняли указания Имре Надя, ведь он был одним из признанных руководителей коммунистической партии, главой правительства. Эта «партийная дисциплина» парализовала на несколько дней коммунистов. Они понимали, что где-то произошло предательство, но лишь немногие осмеливались предположить, что предатели находятся среди руководителей партии. *Имре Надь, Лошонци и их сообщники, используя свое руководящее положение в партии и правительстве, парализовали силу партии, обрекли на бездеятельность рабочих на предприятиях.*

При таких обстоятельствах корвинисты и другие им подобные вооруженные группы захватили всю власть в Будапеште. Открытое признание этих групп не заставило себя долго ждать. 30 октября переулок Корвин был буквально наводнен полуофициальными представителями западных капиталистических стран, американскими, английскими, западногерманскими и австрийскими журналистами. Они задавали вопросы о расположении советских войск, поощряли «повстанцев» на дальней-

Ограбление зверски убитых офицеров.

шную борьбу и обещали, что через несколько дней для их поддержки придет несколько хорошо вооруженных дивизий. Все это сообщил сам командир корвинистов Ласло Иван-Ковач. В это же время значительную часть так называемых посылок Красного Креста направляли в переулок Корвин и в казармы Килиана. 30 октября туда прибыли два больших грузовика с оружием, боеприпасами, шоколадом в американской упаковке, южными фруктами, кексом, яичным порошком и консервами.

По единодушному признанию арестованных контрреволюционеров из переулочка Корвин, прибывшие с Запада транспорты с продовольствием *содержали и американские ручные гранаты*, спрятанные в пятикилограммовые американские коробки из-под консервированного сливочного масла.

Поскольку группа мятежников из переулочка Корвин обрела власть и силу, молодой и неопытный Ласло Иван-Ковач уже перестал быть подходящим командиром. 31 октября было ре-

шено образовать «главное командование переулка Корвин» во главе с фашистом Гергеем Понграцом.

Тогда же, 31 октября, было проведено совещание, на котором Малетера «избрали» министром обороны. В этом совещании приняли участие *Бела Кирай, Малетер, полковник полиции Копачи, братья Понграц и Иван-Ковач*. На совещании был и представитель Дудаши. Известно, что «выборы министра» также состоялись по указанию радио «Свободная Европа». Как бы неправдоподобно это ни звучало, но получилось так, что именно дудаши и понграцы, эти главари контрреволюционных банд, избрали министра обороны.

Имре Надь выполнил указание «Свободной Европы» и собрания корвинистов и относительно кандидатуры военного министра. В тот же день он назначил Малетера заместителем министра обороны, а через несколько дней — министром обороны.

„САМЫЙ НАДЕЖНЫЙ“ ПОЛК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ

1 ноября в переулке Корвин избрали нового командира. Вооруженные мятежники собрались на узкой площади перед кинотеатром, а в окнах второго этажа появились кандидаты в командиры. Какой-то полковник произнес речь, в которой восхвалял выдающиеся качества братьев Понграц. «Ура!» — вопили вооруженные мятежники. «Предлагаю главнокомандующим Гергея Понграца!» — сказал полковник. На этом выборы закончились.

После 31 октября переулок Корвин стал одним из гнезд создания «национальной гвардии». Она не сливалась с армией или полицией. Беглых заключенных переодели в военную форму и из них сколачивали взводы и роты. Из мятежников переулка Корвин сформировался особый полк, «самый надежный» полк «национальной гвардии».

Небольшая группа мятежников из кинотеатра «Шахтер» еще в первые дни перебралась в переулок Корвин. Группа мятежников с улиц Томпа, Радаи и Безереды решила остаться самостоятельными, но все же и они послали в переулок Корвин связных. Однако это были малочисленные группы. На улицах Пратер и Тюзолто собрались более многочисленные группы. Первая была подчинена командованию переулка Корвин, последняя также сотрудничала с ним; более того — даже с Союзом писателей были установлены связи через *Отто Сирмаи*. В переулок Корвин так и хлынули выпущенные на волю уголовные преступники. В немалой степени их привлекал богатый склад, в котором имелось огромное количество шоколада, лимонов, апельсинов, сливочного масла, жиров и других продуктов.

Многие вооруженные мятежники ходили еще в полосатой тюремной одежде, рассказывают жители. В доме № 9 по улице Пратер для них устроили гардеробную. В этом доме ни у одного жителя не осталось одежды. Как рассказывают, «в гардеробной» на улице Пратер «сменили туалет» не менее шестидесяти женщин, среди них проститутки и воровки.

ГРУППА КОРВИНИСТОВ ИДЕТ ВО ГЛАВЕ...

Массовая истерия, спровоцированная против работников госбезопасности, приняла в те дни колоссальные размеры. В подстрекательской кампании и террористических актах особенно проявили себя члены группы из переулка Корвин. Офицера госбезопасности Ференца Бродорича они выбросили на улицу из окна квартиры, находящейся на пятом этаже. Они устраивали облавы, обыски, выслеживали и хватали невинных людей, а тем временем рассказывали прохожим чудовищные истории о злодеяниях работников госбезопасности. *На основании кем-то составленного списка они арестовали тридцать-сорок работников госбезопасности и партийных работников.* Арестованных заключили в здание школы по улице Пратер и там истязали.

Работники госбезопасности, оказавшиеся узниками в переулке Корвин, рассказывали, что в группе не было единства по вопросу о том, как поступить с работниками госбезопасности. Среди стражников были такие, которые хотели спасти работников госбезопасности, неоднократно защищали их от слепой ярости вооруженных мятежников из переулка Корвин. Но среди вооруженных мятежников все больше росло число тех уголовных преступников, которые хотели свести счеты с представителями властей.

Вооруженные мятежники убили в переулке Корвин старшего лейтенанта госбезопасности *Ковача* и старшину войск госбезопасности *Иштвана Ижо*. Перед школой на улице Пратер избили нескольких офицеров госбезопасности, а одного поставили к стене и расстреляли.

Венцом злодеяний, совершенных командованием группы в переулке Корвин, явилась чудовищная кровавая расправа, учиненная на площади Республики после нападения на здание *Будапештского горкома партии*.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Утром 3 ноября в переулке Корвин остановилась черная четырехместная автомашина. Ее пассажиры специально приехали к Ивану-Ковачу. Они сообщили, что *прибыли по поруче-*

нию одной западной великой державы, и предложили гидравлическое оружие новейшего типа. Они также рассказали, что оружие находится на одном венском оружейном складе и что его нужно будет доставить сюда на грузовых машинах. Иван-Ковач вместе с иностранными агентами направился в управление полиции на площади Ференца Деака, к своему тогдашнему начальнику Беле Кираю.

Но времени для проведения этой операции уже не было. На другой день, 4 ноября, Бела Кирай удрал.

После 4 ноября заправили из переулка Корвин почувствовали, что пришел конец их кратковременному царствованию. И все же они упорствовали.

— Нужно еще продержаться только два дня! — разглагольствовали они. — Придут западные немцы, они помогут!

Несколько вооруженных мятежников заявили, что дальнейшая борьба не имеет смысла, и хотели сложить оружие. Их немедленно расстреляли.

Однако мятежники сразу же почувствовали, что теперь они уже имеют дело не с поддерживающим их Имре Надем, а что против них ведется серьезная борьба. Они эвакуировали свой командный пункт, оказавшийся в опасном положении, и засели маленькими группами в гостинице «Континенталь», в домах по Большому бульварному кольцу и по проспекту Ракоци. Выстрелами из-за угла и перестрелкой из этих домов они спровоцировали обстрел зданий на Большом бульварном кольце, проспекте Ракоци и проспекте Юллен. Иван-Ковач отправился домой в Алшогёд, Понграцы сбежали на Запад.

9 ноября советские части окружили переулок Корвин, после чего мятежники прекратили сопротивление. Остававшиеся там вооруженные группки сложили оружие и разошлись.

В доме № 4 было обнаружено невероятное количество военного снаряжения, в том числе семь грузовиков боеприпасов и два баллона нитроглицерина. Если бы эти два баллона взорвались, на воздух взлетел бы весь близлежащий район.

НЕСКОЛЬКО ПОРТРЕТОВ КОРВИНИСТОВ— „БОРЦОВ ЗА СВОБОДУ“

Ласло Иван-Ковач

Его отец, ротмистр бывшей хортистской армии, сбежал в 1945 году на Запад, а затем возвратился в Венгрию. Ласло Иван-Ковач — типичный «летун». Он работал шахтером, подсобным рабочим, а в последнее время кладовщиком. В Алшогёде его знали как легкомысленного молодого человека, за-

Это тоже „борец за свободу“. Голландская газета „Шпигель“ опубликовала эту фотографию в номере от 17 ноября.

частую ведшего паразитический образ жизни и сидевшего на шее у родителей.

23 октября он принял участие в демонстрации, во время которой выкрикивал подстрекательские лозунги. Иван-Ковач был членом делегации, которая «от имени народа» хотела захватить Радио. Ночью из Национального музея он обстреливал здание радио и был среди тех, кто поджег боковое крыло здания музея. 24 октября пополудни Иван-Ковач вместе со своими сообщниками был схвачен армейцами и разоружен, но по распоряжению Имре Надя вся группа была отпущена на волю. Благодаря этому Иван-Ковач мог продолжать борьбу.

После захвата здания радио он направился в переулок Корвин и там вновь получил оружие. Начиная с 26 октября, когда сбежал предыдущий командир мятежников из переулка Корвин, Иван-Ковач занял его место и оставался во главе группы вплоть до 1 ноября, когда командиром был избран Гергей Понграц.

Гергей Понграц

В переулке Корвин орудовали шесть братьев Понграцев. Их отец, Шимон Понграц, был судьей кассационного суда в Самошуйваре (в Трансильвании). Во время октябрьских событий Понграцы громогласно высказывали свои фашистские и шовинистические взгляды.

Ночью 23 октября братья Понграцы приняли активное участие в боях. Один из Понграцев был командиром отряда, который доставал оружие на ламповом заводе. Братьям, державшимся вместе, удалось наконец захватить в свои руки руководство в переулке Корвин.

1 ноября Гергея Понграца избрали командиром полка «национальной гвардии» в переулке Корвин. Несколько дней спустя все Понграцы сбежали на Запад. Сообщник Гергея Понграца Ласло Иван-Ковач характеризует его следующим образом:

«...Вначале я считал его бескорыстным патриотом и хорошим товарищем, но потом убедился, что он эгоист, карьерист и позер. Он хотел насильственным путем добиться всей полноты власти. Патриотическая окраска с него слезла, и стало очевидным, что он боролся только в интересах собственного благополучия. Понграц ненавидел существующий строй... точно так же он ненавидел русских и коммунизм. Он был сторонником более тесного сотрудничества с Западом...» (Из протокола допроса Ласло Ивана-Ковача от 1 апреля 1957 года.)

«Янко с культяпкой»

На переговорах о «капитуляции», которые состоялись 29 октября в переулке Корвин, под кличкой «колченогий» принимал участие и упоминавшийся «вождь повстанцев», известный в преступном мире под именем «Янко с культяпкой», профессиональный уголовный преступник, подлинное имя которого Янош Мес, его судили шестнадцать раз. Он совершил различные преступления: кражу, насилие против органов власти, бродяжничество, скандалы в пьяном виде, разбой и т. д.

Мес был одним из подручных главаря «повстанцев» в переулке Корвин и со своей бандой из двадцати семи человек засел в школе на улице Пратер. Под его командованием, между прочим, находились четыре пушки.

На другой день после «переговоров о капитуляции», 30 октября, было совершено нападение на здание Горкома на площади Республики. Это нападение многократно фотографировали и снимали на кинопленку. Одна из пленок увековечила колченогого Янко во время налета на здание Горкома на площади Республики. Поскольку это нападение подготавливалось 29 октября, то проведенные в этот день «переговоры о капитуляции» являлись очевидной комедией, целью которой было замаскировать подготовку дальнейших вооруженных действий и добиться вывода советских войск.

Колченогий Янко и его отряд с 28 октября были подчинены Малетеру, который, как известно, расположился со своей ставкой в казармах Килиана. После 31 октября, когда Малетер преобразовал корвинистов в «национальную гвардию», колченогий Янко выступал уже *в ранге подполковника*. Он все время вербовал уголовных преступников в ряды «борцов за свободу».

Не сложил он оружия и после 4 ноября, приняв участие в ограблении универсама «Вершень» на проспекте Ракоци. Там он и погиб.

«Бижу»

«Бижу» — настоящее имя *Габор Дилинко* — в тюрьме познакомился с колченогим Янко. С 1946 года он семь раз судился: за кражу, растрату, общественно-опасное уклонение от работы и нанесение тяжелых телесных повреждений. Из последних десяти лет Дилинко восемь лет провел за решеткой.

27 октября Дилинко встретился с колченогим Янко, на груди которого висел автомат. Колченогий пригласил своего собрата по тюрьме примкнуть к мятежникам. Так «Бижу» стал «борцом за свободу».

„Героем с деревянной ногой“ величает журнал „Лайф“ от 12 ноября известного в преступном мире уголовного „Янко колченогого“.

„Колченогий“ на площади Республики после совершенных им убийств.

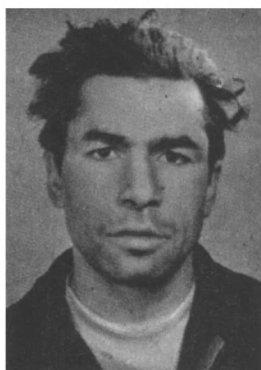

ONE-LEGGED HERO, rebel in a felt hat and dress, joined the charge against police headquar

Одним из членов банды Дудаши был и уголовник Иштван Штиллер старший, на квартире которого хранилось огромное количество украденных вещей.

Уголовник из преступного мира Дилинко, член вооруженной группы контрреволюционеров из переулка Корвин.

Габор Дилинко быстро сделал карьеру: он стал майором. Как это произошло, Дилинко рассказал в полиции, где он давал показания:

«В начале ноября младший брат командира Гергей сказал, чтобы мы зашли в казармы Килиана. Я пошел туда. Во дворе находилось около тридцати-сорока человек. Из них человек двенадцать-тринадцать Малетер произвел в офицеры. Вот как это происходило: нас построили в шеренгу, и, указывая на нас, Малетер говорил: «Ты — старший лейтенант, ты — лейтенант». Малетер посмотрел на меня и сказал: «Ты будешь майором».

Я сказал, что «почти не умею писать и читать». Малетер ответил: «Это не беда, выучишься потом, сынок». Затем в казарме, то есть в комендатуре группы переулка Корвин, я получил офицерскую форму, поясной ремень и переоделся. Я получил звание потому, что был отличным санитаром, другие же потому, что захватили советских солдат. Больше с Малетером я не разговаривал. В это время Малетер уже был командиром повстанцев».

Иштван Штиллер и его сыновья

Активным участником контрреволюционной группы из переулка Корвин был *Иштван Штиллер* — старый уголовный преступник, тринадцать раз судившийся за кражу, мошенничество и сокрытие оружия.

Вместе со Штиллером старшим на военную службу в отряд переулка Корвин «поступили» его сын *Иштван Штиллер младший* и приемный сын *Бела Чех*.

Это «товарищество», действовавшее по-семейному, похитило три грузовика, на которых доставлялись из магазинов и складов украденные вещи. При аресте были обнаружены похищенные машины и часть спрятанной добычи: различные инструменты и военное обмундирование.

«Злой»

Пресловутым «борцом за свободу» из переулка Корвин был уголовный преступник *Иштван Ковач*, известный в преступном мире по прозвищу «Злой». Он четыре раза подвергался наказанию за кражу и грабеж. Своими злодеяниями в ходе октябрьских событий он вновь подтвердил, насколько справедлива данная ему кличка «Злой». 30 октября Ковач вел по площади Республики похищенную автомашину и намеренно задавил на смерть лежавшего на земле раненого солдата. Иштван Ковач принимал также участие в ограблении универмага «Мадьяр диватчарнок».

Таковы некоторые портреты из галереи «борцов за свободу» из переулка Корвин.

Разумеется, в переулке Корвин боролись не только фашисты и уголовные преступники, но и введенная в заблуждение молодежь. Но тон задавали понграцы, колченогие Янко и «злые».

Эпизоды контрреволюции

Наряду с основными событиями контрреволюции заслуживают внимания и те более мелкие эпизоды, которые показали очень многим простым людям, что 23 октября началась вооруженная борьба за ликвидацию социалистических и демократических завоеваний, за установление порядков, подобных реакционно-капиталистическому режиму Хорти, сметенному в 1945 году.

В этой главе приведено несколько таких характерных эпизодов.

ИМЕНЕМ «СВОБОДЫ»

Председатель Дабашского районного «национального комитета» области Пешт д-р Ференц Домиан 1 ноября 1956 года одним росчерком пера запретил ВПТ и Союз трудящейся молодежи. Вот приказ господина Домиана:

«Дабашский районный национальный комитет
Номер 5/1956

Содержание: Роспуск организаций партии и СТМ

Всем сельским национальным комитетам

По месту нахождения

Немедленно распускаю Дабашский райком партии, а также сельские высшие и все местные (сельские, производственные и т. д.) партийные организации и прочие имеющиеся в районе организации СТМ.

Помещения организаций, архивы и оборудование полностью и незамедлительно передаются местным национальным комитетам. Члены упомянутых организаций, ранее не имевшие постоянного местожительства в селе, должны в течение сорока восьми часов покинуть село вместе со своим движимым имуществом.

Dabasi Járási Nemzeti Bizottság

Szám: 5./1956.

Tárgy: Párt és DEM. szervezetek feloszlítása.

Valamennyi Kiszági Nemzeti Bizottságnak.

S a k k e l y e n.

A Dabasi Járási Nérvégrehajtóbizottságot, továbbá a községek székes és községi helyi /kiszági és vállalkozási stb./ párt- és szervezeteit, valamint a járásiak és községi DEM. szervezeteket azonnali hatállyal feloszlítom.-

Szervezeti helyiségeiket, irodáikat és berendezési tárgyaikat hiánytalanul, azonnal adják át a helyi Nemzeti Bizottságoknak.-

As érintett szervezetek ama tagjai, akik eredeti kiszági illetőséggel nem rendelkezők, a községek és járási belső igazságszolgálatokkal együtt hagyják el.-

Legfontosabb helyüket jelölve be a Nemzeti Bizottságokkal, hogy az igazságszolgálati eljárás során kárpótlást kérhetnek legyenek.-

As az érintett szervezeteket a megfelelő kormány által kiadandó rendeletek alapján fogjuk felbontani hívni.-

Köszönetet mondok a funkcionáriusoknak és szervezetek tagjainak a lakásait, akik a községekben már elbáráltak a helyi Nemzeti Bizottságok azonnali beavatkozására és az anyagi kárpótlásuk van a járási Nemzeti Bizottságtól mint engedély alapján hivatalosan és leltáriilag átveve kell kiírni és a tulajdonos megismeréséig biztos helyen / egy állandó mezejében tartani és lepereszteni / megvárni.-

Ezzel csak kivétel és indokolt esetben tegyenek a községek javaslatát a járási Nemzeti Bizottságnak.

Dabas, 1956. november 1-én

D. D. D.
Dr. D. D. D.
a járási Nemzeti Bizottság elnöke

Дабашский районный „национальный комитет“ самочинно распустил 1 ноября 1956 года организации партии и Союза молодежи.

О своем местопребывании они должны известить национальные комитеты, чтобы в ходе проверки их легко можно было найти.

Новые партийные организации будут создаваться на основании распоряжений, которые будут изданы коалиционным правительством.

Квартиры всех тех функционеров и членов организаций, которые уже выехали из села, должны немедленно опечатываться местными национальными комитетами, а в случае нужды, с разрешения районного национального комитета, местные комитеты очищают эти квартиры, проведя инвентаризацию имущества и сохраняя его до возвращения владельца в надежном месте (сложив в комнату, которая может запирается, и опечатав ее).

По этому вопросу села могут вносить предложения в районный национальный комитет только в исключительных и обоснованных случаях.

Дабаш, 1 ноября 1956 года

Национальный комитет
Района Алшодабаш
области Пешт

Собственноручно д-р Ференц
Домиан,

председатель районного национального комитета»

КАК СТОРОННИКИ ПРЕЖНЕГО РЕЖИМА ХОТЕЛИ ВЕРНУТЬСЯ В МИНИСТЕРСТВО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

(Из сообщения д-ра Габора Шооша)

В середине 1948 и начале 1949 года министерство земледелия было очищено от сторонников прежнего режима. Удаленные в то время Пернецки и его единомышленники поддерживали тесные связи с организациями, выступавшими против народно-демократического государственного строя и стремившимися к его свержению. Более того, они активно поддержи-

Nagy Imre urnak,
a magyar nemzeti kormány miniszterelnöke,
Budapest.

Miniszterelnök Ur!

Annak a beadványnak kiegészítéseképpen, amelyet a Demokrata Néppárt Budapesten összejött volt képviselői részéről intéstünk Miniszterelnök Urhoz, kérem a Demokrata Néppárt annakidején megadott lapjának "Hesánk" címmel napilapként való megjelenésének engedélyezését.

Budapest, 1956. november 1.

Kiváló tisztelettel

Dr. Mihály Vid

/Dr. Mihály Vid/

a Demokrata Néppárt volt képviselője

Lakik: Budapest, I. Attila-körút 13/21.
II.12.

Telefonátésítés adható: 188-068,
illetve 161-964
számon

Когда-то у них был еженедельник. Теперь „партия кардинала“ захотела иметь ежедневную газету.

вали Миндсенти. Большинство из них наряду с этим было повинно в коррупции: в ходе расследования было установлено, что почти каждый из них совершил злоупотребление или мошенничество, начиная с незамысловатого шулерства, связанного с командировочными путевыми расходами, и кончая разбазариванием государственного имущества.

В период октябрьских контрреволюционных событий эти бывшие хортистские чиновники полагали, что теперь смогут вернуться на прежние посты. Они тут же начали изгонять из министерства тех работников из рабочих, крестьян и интеллигенции, которые принимали активное участие в социалистическом переустройстве сельского хозяйства.

29 октября 1956 года хортистские представители под руководством бывшего высокопоставленного чиновника министерства Андраша Вание явились в министерство земледелия и потребовали «обеспечить посты в министерстве более чем двумстам хортистским министерским чиновникам, невинно осужденным во время судебного процесса по делу Миндсенти».

Кто же были эти «невинно» осужденные? Приведем только один пример: министерский советник д-р Эрнё Шолти даже и в 1946 году все еще держал у себя в комнате бюст Хорти и говорил, что Хорти — вождь венгерского народа. Эти взгляды он проводил и в своей работе, пока в 1948 году не был по постановлению суда удален из министерства. В период октябрьских контрреволюционных событий он хотел организовать союз сельскохозяйственных специалистов.

Им сказали, что вернуть на работу двести человек не представляется возможным. Однако они на этом не успокоились и на собрании работников министерства заявили: «Министерство земледелия будет находиться в компетенции партии мелких сельских хозяев!» Они потребовали, чтобы в министерство были возвращены отстраненные и в большинстве своем осужденные хортистские чиновники.

ЧТО Я ВИДЕЛ В ПАРЛАМЕНТЕ

(Из рассказа работника Совета министров Ференца Хорани)

Между 23 октября и 3 ноября я все время находился в здании Парламента.

30 октября здание было наводнено посторонними людьми, делегациями, предъявлявшими различные требования, и уполномоченными вновь организуемых партий. Уполномоченные, естественно, не бездействовали. Они норовили захватить в здании Парламента как можно больше помещений для своих пар-

A Nemzeti Forradalmi Bizottmányhoz.

Budapest.....

A Magyar politikai foglyok bajtársi szövetsége kéri a Bizottmányt, hogy 1949 évi máj hóban "Kereszt" címmel illegálisan megjelent és a Magyar Nemzeti Arcvonal által kiadott jogutóként átvett és általunk kiadandó külsonti napilap megjelenéséhez az engedélyt megadni sziveskedjék, az egész ország területére. A lap demokratikus szellembe íródna és a kormány célkitűzéseit támogatja. A lap szerkesztőbizottsága a nagyvilantmányunk 5 tagjából áll.

Feladta szerkesztő: Sipos Lajos

Feladta kiadó: Várai László

Szerkesztőbizottság tagjai: Sipos Lajos
Várai László
Róna Erzsébet
Gimbalmos László
Szegedi Iván

bajtársaink, akik 4 1/2 illetve 3 1/2 börtönbüntetést szenvedtek, a fenti címmel megjelent lap kiadásáért.

Budapest, 1956. nov. 2.

Bajtársi Hírvételek;
1956.

Gimbalmos László
szervező titkár

Фашисты-нилашисты разглагольствуют о „демократическом духе“. Среди подписавшихся фигурирует и пресловутая подстрекательница нилашистка Эржебет Рац. Союз венгерских боевых друзей — политзаключенных, который в этом письме объявляет себя законным наследником Венгерского национального фронта и в котором тон задавали известные фашисты, признал своим духовным вождем Миндсенти.

тий и, что еще важнее, как можно больше автомашин. Как мне известно, правительство дало указание распределить находившиеся в партийном гараже машины между различными партиями. Это и было сделано, но, мне кажется, претендентов было гораздо больше, чем имевшихся в наличии машин.

Впрочем, машины попросту грабили, кто хотел. Когда я находился у начальника секретариата Совета министров, там разыгралась следующая сценка. Туда ввалился человек подозрительного вида. На мой вопрос, чего он хочет, он показал мне

удостоверение полиции (выданное в области Ноград), согласно которому он был когда-то политзаключенным и подвергался избиению. Человек этот выглядел как обыкновенный уголовный преступник. Поскольку этот человек был владельцем передвижной книжной лавки, разрушенной во время боев, он потребовал, чтобы ему дали облюбованную им автомашину, которая, по его словам, правда, неисправна, но он ее отремонтирует. Он назвал и номер автомашины.

Я заявил ему, что его просьба не может быть удовлетворена. Однако во второй половине дня этот человек уже размахивал бумагой, согласно которой ему выделялась автомашина.

В здание Парламента почти каждый мог свободно заходить.

Одна группа, например, утверждала, что представляет трудящихся Чепеля, другая — трудящихся МАВАГа. Но так как в те дни рабочие на заводах не появлялись, то совершенно очевидно, что этих людей не избрали на заводах.

Все чаще приходили представители и делегаты вырвавшихся, как грибы, партий и объединений. Было прямо-таки поразительно, как они возникали одно за другим, начиная от «союза политических заключенных» до «союза бойскаутов» (которые, например, независимо друг от друга образовали несколько групп в надежде на доходные должности) и «союза молодых христиан».

В то время как поспешно организовывалась партия мелких сельских хозяев, шла погоня за захват соответствующих постов. Подняли голову представители старого режима, которых в свое время удалили из государственного аппарата. Среди них был бывший статс-секретарь министерства земледелия, который хотел занять свой прежний пост. Объявились люди, которые якобы были «политзаключенными», и требовали предоставления им прежних должностей.

Партия мелких сельских хозяев наложила руку и на Отдел советов, посадила в отдел своего человека, с тем чтобы он по поручению партии просматривал все директивы, направляемые советам.

Внутри «коалиции» согласия не было. Вожаки партии мелких сельских хозяев одного за другим принимали иностранных корреспондентов и информировали их по собственному разумению.

Очень характерным для сложившейся обстановки было появление бывшего хортистского майора Яноша Керестеша. Когда-то он был телохранителем Золтана Тилди. 30 октября он выплыл на поверхность, в заботливо сохраненной старой форме телохранителя, с эполетами. Он немедленно мобилизовал своих прежних людей, которые, судя по одежде и выправке,

MEGALAJA A MAGYAR FORRADAJ

Szardán délelött a Rákóczi
térén tartotta alakuló gyűlé-
sét a Magyar Forradalmárok
Pártja. A gyűlés vezérszónoka
Illés István Mindszenty József
vezetése alatt álló kormány
megalakítását követelte. Kö-
vetelte, hogy a belügyministe-
ri tárcát Kopácsy alezredessel,
a hadügyministeri tárcát Me-
léter ezredessel, a Kilián-lak-
tanyai felkelők parancsnoká-
val töltsék be.
A kormány programja, az
Ausztriához hasonló semleges
Magyarország megteremtése.

Az IGASZSÁG szerkesztője

Контрреволюционная „венгерская ре-
волюционная партия“ требует образо-
вания нового правительства во главе
с Миндсенти, в котором министром
внутренних дел должен стать Копачи,
а министром обороны — полковник
Малетер.

KERESZTÉNY MAGYAR OLVASÓTÁBORI

A keresztény napisajtó megindulásáig a tájé-
koztatás pontos és fontos lehetősége az ismert
körülmények folytán még nem érkezett el.

Köszvéleményünk helyes kialakítására a Központi
Sajtóvállalat lapjainak /"Nemzeti Újság" és "Új
Nemzedék"/ megindulása a szabadságát viassanyert
legjobb Pásztor jóváhagyásától függ és már rövid
időn belül várható is.

Ennek bekövetkeztéig ezen formában tudatjuk
mindenkivel, hogy a sajtónk újjászervezése folya-
matban van.

Minden i ashitű magyarnak történelmünk leg-
osodálatosabb óráiban éreznie és tudnia kell,
hogy vallás-erkölcsi alapokra helyezett sajtó nél-
kül megújulás nem várható már azért sem, mert
az indulatok további felkorbácsolása nem kereszt-
tényi feladat.

Keresztényi üdvözléttel:

a KÖZPONTI SAJTÓVÁLLALAT vezetősége

На улицах появились призывы существовавшего в тридцатых годах „цент-
рального предприятия печати“. Сообщается, что в скором времени ожидается
выход в свет небезызвестных в период хортистского режима крайне правых
газет „Немzeti уйшаг“ и „Уй немзедек“.

казались старыми офицерами. Керестеша назначили начальником охраны Парламента, или, как он сам говорил, «начальником дворцовой охраны».

Керестеш все время вел себя так, словно он являлся хозяином Парламента. Хотя председатель Совета министров был «коммунист», к старым сотрудникам Совета министров он относился с подозрительностью и обращался с ними с наглой грубостью, а кое-кому угрожал, заявляя: «Доносчики госбезопасности, я еще вами займусь!» Меня он однажды выгнал из секретариата Тилди, заявив, что «туда можно заходить только с его разрешения».

Насколько мне известно, ночью 3 ноября Керестеш предпринял попытку арестовать товарищей Криштофа и Ронаи [Иштван Криштоф — секретарь Президиума Венгерской Народной Республики; Шандор Ронаи — председатель Государственного Собрания.— *Ред.*].

По мере того как шло время, сдвиг вправо становился все более заметным. В кулуарах то и дело раздавались возгласы, вроде «покорнейше прошу», и слышалось щелканье каблучков.

2 ноября, выглянув из окна, я увидел, что в различных пунктах площади Лайоша Кошута находятся вооруженные мятежники, главным образом пятнадцати-шестнадцатилетние подростки. Они проверяли автомашины и высаживали оттуда людей.

KERESZTÉNY BIZTALTSÁG
Budapest, V. Ferenciek tere 5-7

MINISZTERI HÍRLEVÉL
Keresztény Biztonság

Minister Tanács

50

B u d a p e s t

Tisztelettel bejelentjük, hogy a mai napon megalakult a Keresztény Néppárt.

A központ székhelye Budapest, V. Ferenciek tere 5-7.

Budapest, 1956. október hó 30-án.

A KERESZTÉNY NÉPPÁRT
INTEZO BIZOTTSAGA

KERESZTÉNY NÉPPÁRT

+

Еще одна „революционная“ организация. Реакционная клерикальная политика, злоупотребляющая религиозными чувствами людей, имеет в Венгрии „великие“ и печальные традиции. Эти традиции желала продолжить „христианская народная партия“.

Утром одна группа собралась около памятника Кошуту. Она подошла к Парламенту и стала выкрикивать лозунг: «Миндсенти в правительство!»

ГРАФ ЭСТЕРХАЗИ И УБОРЩИЦА

(Рассказ уборщицы здания Парламента Ференце Фейеш)

В субботу 3 ноября около 10 часов утра я убирала в коридоре первого этажа перед комнатой № 29. Сотрудник Золтана Тилди позвал меня убрать его комнату, пока он будет завтракать. Он велел мне после уборки оставить ключ у себя и никому его не давать.

Вскоре перед дверью появились трое совершенно незнакомых мне мужчин и хотели войти. Один из них, одетый в короткое зимнее пальто, галифе, сапоги для верховой езды, охотничью шляпу и со стеклом в руке, которым он размахивал, начал нервно дергать дверь и возмущаться, что, мол, уже 10 часов, а в канцелярии еще никого нет.

Я сказала ему: «Товарищ, не дергайте дверь, люди ушли завтракать, сейчас придут». Тут он пришел в ярость и закричал: «Черт бы побрал эту нечисть, это гнусное отродье! Это отродье все еще здесь и даже «товарищем» обзывает! Вы знаете, кто я такой?» И сильно топнул ногой. Тогда я тоже рассердилась и ответила: «Я знаю, кто я такая, а кто вы — не знаю, да и не интересуюсь!»

«Знайте, что я граф Эстерхаз!» — закричал человек в охотничьей шляпе.

ВОССТАНОВИТЬ ПОРЯДОК УСПЕЕМ...

(Из записей сотрудника Совета министров Дюлы Сехра)

26 октября в Парламент прибыл Имре Надь. С этого момента здание напоминало проходной двор. Приемную председателя Совета министров уже с утра заполняли так называемые «революционные комитеты». Все хотели говорить с Имре Надем. Однажды Имре Надь вел переговоры с Йожефом Дудашом и с его группой приблизительно из девятнадцати-двадцати человек. Имре Надя ожидали и руководители «революционного комитета» министерства внутренних дел, очередь до которых дошла позже. Речь шла о восстановлении порядка, но соглашения достигнуто не было. Переговоры были прерваны, так как в это время к Имре Надю вошел Золтан Тилди и сказал: «Прошу тебя, Имре, пойдем ко мне, там ожидает Анна Кетли. Она хочет переговорить с тобой насчет помещения для социал-демократической партии». Имре Надь немедленно прервал совещание с представителями министерства внутренних дел и по-

шел к Золтану Тилди, чтобы Кетли могла получить помещение. Это было важнее, чем восстановление порядка.

В эти дни уже очень многие приходили в Парламент с просьбой вернуть им поместья или фабрики и заводы. Как-то вахтер, дежуривший у подъезда, позвонил в секретариат и доложил, что там находится некий господин в галифе и с «кисточкой из волос горной серны на шляпе». Вахтер сказал, что это какой-то граф, он хочет переговорить по поводу своей земли. Я сказал вахтеру, чтобы он его выпроводил. Некоторое время спустя вахтер вновь позвонил и доложил, что пришел фабрикант с просьбой о возвращении фабрики. Секретариат Имре Надя, сославшись на занятость председателя Совета министров, не принял его. Поскольку дело к секретариату Апро также не относилось, то бывший фабрикант наконец попросил пропустить его в секретариат Тилди. Дело в том, что для разрешения подобных вопросов *Тилди создал специальный секретариат.*

ВОЗВРАТИЛИСЬ ГРАФЫ...

Мы уже неоднократно упоминали, что из западных государств в Венгрию целыми группами возвращались хортистские офицеры, бывшие помещики и аристократы. Работники шопронской гостиницы «Паннония» дают в этой связи следующие свидетельские показания:

Из протокола допроса свидетеля Йозефа Бако (Шопрон, улица Уйтелеки, 16) от 15 января 1957 года

2 ноября 1956 года с 6 утра до 2 часов дня я был дежурным портье в шопронской гостинице «Паннония». В гостинице было всего лишь два-три приезжих.

В час дня перед гостиницей остановилась легковая автомашина французской марки с иностранным номером. Трое приехавших вошли в вестибюль гостиницы. Они сказали, что прибыли из Вены и хотели бы получить на несколько дней комнату. Затем они назвали свои имена. Вожака этой группы звали Петером Драшковичем, другого — Маклошем Фештетичем и третьего — Альбертом Аппони. По моим сведениям, эти лица — бывшие графы и князья, проживавшие до 1945 года в Венгрии.

Из протокола допроса свидетеля Ласло Надя (Шопрон, улица Ракоци, 47) от 15 января 1957 года

2 ноября 1956 года между 21 и 22 часами я заступил на пост дежурного портье в шопронской гостинице «Паннония». Вскоре в вестибюль спустились гости из № 44 на третьем этаже:

Миклош Фештетич, Альберт Аппони и Драшкович — и поинтересовались, где можно было бы достать бензин для поездки в Будапешт. Я им сказал, что бензин можно получить только в шопронском МЕФЕСе. Тогда они позвонили туда и спросили, отпустят ли им бензин. Какой ответ они получили, я не знаю, но немного позже из МЕФЕСа прибыли два человека и постояльцы вместе с ними уехали на машине из гостиницы...»

КАК ПОДСТРЕКАЛИ К УБИЙСТВУ

Сотрудник министерства земледелия Карой Рошта сообщил:

«Это произошло 30 октября 1956 года. Из своей квартиры, находящейся во II районе Будапешта, я пешком отправился в министерство земледелия. После 23 октября я каждый день уходил из дома с чувством, что, возможно, больше домой уже не вернусь. Насколько помнится, около 8 часов я добрался до министерства. Народу в здании было мало.

По прибытии я направился в свою комнату на втором этаже. Вскоре туда ворвались несколько человек во главе с д-ром Йожефом Коштяком, главным ветеринаром министерства госхозов. Среди них был и шофер Ласло Мочари, который, по моим сведениям, служил в вооруженной охране нилашистской партии. Коштяк крикнул мне: «Руки вверх!» Руку он держал в кармане пальто. Как мне показалось, у него был пистолет. Удивленный, я спросил, что они от меня хотят. В ответ на меня обрушились с нецензурной бранью.

Коштяк приказал Золтану Катона, председателю «революционного комитета» министерства госхозов, чтобы он обыскал меня. Поскольку у меня не нашли оружия, мне приказали немедленно покинуть здание и вытолкали за дверь. Коштяк волочил меня, ухватив за воротник пальто, остальные били куда попало. Когда со второго этажа мы спустились к подъезду, у меня уже текла кровь из многих ран. Меня продолжали бить, волоча под аркой здания к углу, который выходит на улицу Конституции. Там меня отпустили.

Я уже был, наверное, на середине улицы Конституции, когда вдруг услышал, что Коштяк, Мочари, Катона и их сообщники кричат мне вслед: «Убийца из госбезопасности! Хватайте его!»

Я пришел в ужас, сообразив, что ждет меня, если толпа схватит меня как работника госбезопасности. Мне уже было известно о террористических актах контрреволюционеров. Я знал, что тот, кому клеветнически припишут, что он работник госбезопасности, не спасется из их когтей. Коварный план Коштяка, Катона и их сообщников сводился к тому, чтобы со мной покончили не они, а спровоцированная их подстрекательством разъяренная толпа.

B U D A P E S T.

T. Minisztertanács!

As 1947-ben a Károai Ünköny által asítsusott Magyar függetlenségi Párt 1956 okt. 31-én ujra megalakult.

A Párt megbízott vezetősége:

Megebizott elnök: Kornyák Tibor.

Alrelnökök: Gimes József, Bossai Ferenc.

Szerv. titk.: Fesekas György.

Irodavezető: Bulics Tivadar.

Pénztárnok: Fodor Simon.

As 1947-es választásokon kiriványított programunkat rajtunk kívül álló okoknál fogva nem valósíthattuk meg. Most ujra lehetőség nyílik arra, hogy baros Pártunk akkor kttétört programját ne csak hogy folytathassuk, hanem meg is valósítsuk. E célkitűzésünk rövid alapelvei - melyeket gyűlésünk esetén valóra is váltunk - as alábbiak:

1. As alkotó magyar béke megmílerdítése, annak biztosítása, a nemzetközileg elismert magyar függetlenség kiriványítása.

2. A keresztény magyar lélekkel való megbecsíjt a utján a belső társadalmi rend és béke megtartása, az ország újjáépítése, lelkileg és anyagilag boldogabbá t tele.

3. A szólás, sajtó, gyűlekezés, vallás kultur lis és munkassabadság biztosítása minden magyar állampolgár számára. Pártállásra, fajra nemre és vallási meggyésére való tekintet nélkül.

4. A magántulajdon sérthetatlensége.

5. As adomnak csak a közérdekeket szolgáló felté tlenül eszkeges józan, az egyén feherbíró képességt meg nem haladó fokra való lecsökkentése.

6. A tisztas, örök és a gyar polgári demokrácia megvalósítása.

A fentiekből világosan kitűnik, hogy Pártunk a hála-
ból, demokratikus országépítés után
as is, hogy a közeljövő-
- sőt as má-

Budapest, 1956. nov. 1.

MAGYAR FÜGGETLENSÉGI PÁRT SZERVEZETE.

Sz. IV. Razi Károly utca. 7.

Gornyák Tibor
.....
elnök.

Gornyák Tibor
.....
alrelnökök.

.....
szervek
a sajtó működéséhez el-

Небезызвестная, но отнюдь не имевшая демократического прошлого „венгерская партия независимости“ хочет установления буржуазной демократии и капиталистической системы.

Я побежал, и это погубило меня, потому что я привлек к себе внимание толпы, собравшейся на площади. Услышав крики Коштыка и компании, она бросилась за мной. Помнится, в 20—25 метрах впереди меня какая-то старая женщина кричала: «Убьют беднягу, если поймают. Не давайте его бить!» Меня схватил какой-то мужчина. Я попросил, чтобы он дал мне возможность бежать, ибо я не являюсь работником госбезопасности. Он спросил: «Почему же вы тогда убегаете?»

В это время меня настигла толпа. Никто из них меня не знал. Достаточно было того, что Коштык и его сообщники лгали, будто я работник госбезопасности. Меня били куда попало. Я побежал к зданию, где стоял Коштык и его подручные, и попросил их впустить меня. Они поволокли меня, продолжая по пути избивать. Коштык тем временем издевался: «Это только цветочки, ягодки еще впереди». Лицо мое во многих местах кровоточило, переносица была сломана, меня так избили ногами, что я еле мог двигаться, пальто с меня сорвали. Позже в здании несколько сотрудников взяли меня под свою защиту и воспрепятствовали дальнейшим истязаниям».

„РАБОЧАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ ИЗ АНДЯЛФЁЛДА“

(Дневник бывшего сотрудника ЦК ВПТ Ласло Фехера)

25 октября мне поручили принимать и сопровождать делегации в здании ЦК партии на улице Академии. Самой памятной из них была делегация, которая назвала себя делегацией андялфёлдских рабочих. Членами ее были: писатель Тамаш Ацел, журналист Миклош Гимеш и Пал Лёчеи, офицеры полиции Йожеф Силади, Дюла Оско и Шандор Херпай, служащая Эрнёне Надь, два молодых человека и еще один мужчина. Как мне известно, никто из названных в Андялфёлде не проживал.

Гимеш, Ацел и Лёчеи говорили о том, что октябрьские события нужно квалифицировать как демократическую национальную революцию, и возражали против того, что портфель министра внутренних дел получил не Йожеф Силади. Из их слов явствовало, что они предварительно договорились с Имре Надем о выдвижении на пост министра внутренних дел Силади.

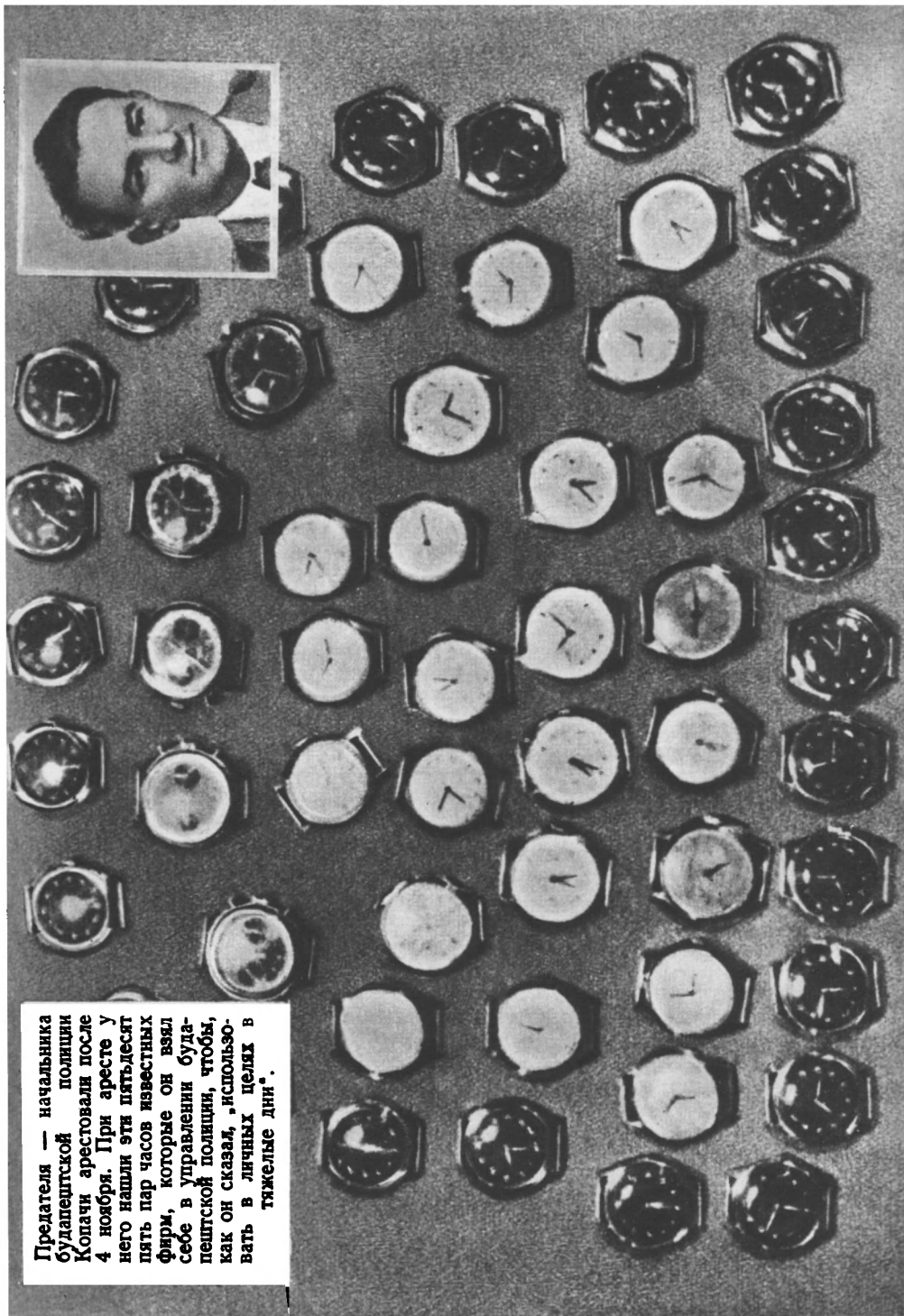
АГЕНТ ГЕСТАПО ДОМОГАЕТСЯ РУКОВОДЯЩЕГО ПОСТА

(Запись секретариата министерства легкой промышленности)

31 октября министра легкой промышленности Йожефе Надь искала какая-то женщина, настойчиво добивавшаяся приема. Когда ее приняли, женщина заявила, что ошиблась:

Предателя — начальника будапештской полиции Копачи арестовали после 4 ноября. При аресте у него нашли эти пятьдесят пять пар часов известных фирм, которые он взял себе в управлении будапештской полиции, чтобы, как он сказал, "использовать в личных целях в тяжёлые дни".

она думала, что министром легкой промышленности стала та Йожефне Надь, которая сидела вместе с ней в калочской тюрьме. Она считала вполне естественным, что теперь власть берут в свои руки освобожденные заключенные и арестанты. После того как она удостоверилась, что Йожефне Надь — это не ее знакомая по тюрьме, она изложила свою просьбу. В 1945 году эта женщина была арестована как агент гестапо и теперь вышла на свободу. Она хотела получить руководящую должность «в министерстве культов и просвещения». На вопрос министра, в какой области науки эта женщина является преподавателем, она ответила: «Разве это вообще важно?»

Вооруженные выступления в Будапеште в ночь с 23 на 24 октября

Во втором выпуске этого издания мы уже опубликовали рассказы очевидцев о наиболее кровавых событиях, происшедших в ночь на 24 октября, о нападении на Радио и о захвате центральной телефонной станции Йожефварош. Ниже мы публикуем новые данные, подготовленные, по сообщениям очевидцев, о вооруженных выступлениях этой ночи. Эти данные доказывают, что ночью 23 октября возникло не «стихийное движение», как это утверждают определенные западные круги, а было совершено заранее подготовленное, организованное вооруженное нападение на народную государственную власть.

НАПАДЕНИЕ НА БАЗЫ ТЕФУ¹

О том, что вооруженный мятеж был организован, свидетельствует тот факт, что уже перед вечером 23 октября, начиная с 7 часов, было совершено организованное нападение на базы ТЕФУ, причем нападали на машины ТЕФУ, направлявшиеся на свои базы, и насильно их угоняли. Вооруженные мятежники ворвались на базу ТЕФУ по улице Форгач и угнали оттуда семь грузовиков. Аналогичным образом с базы в Кёбаня было похищено пятнадцать грузовиков, с базы на улице Дандар — семь грузовиков. Вооруженная группа приблизительно в сорок человек напала на здание дирекции Автотранспортного управления в Буде, ворвалась туда и угнала два автобуса. В ночь на 24 октября всего было похищено около ста пятидесяти грузовиков, которые использовали для переброски отрядов, вооружения и боеприпасов.

* * *

Вот как главный диспетчер Йожеф Молнар и мастер гаража Дердь Миклош описывают нападение на автотранспортное предприятие № 13.

¹ Контора по грузовым автоперевозкам. — *Прим. ред*

«...Около 11 часов ночи у ворот базы появилась буйствующая группа молодежи. Они искали начальника и требовали, чтобы им дали автомашины, чтобы, как они говорили, доставить на них рабочих с Чепеля. Одна молодая женщина потребовала, чтобы в их распоряжение были предоставлены автомашины, которые они хотят использовать в качестве противотанковых заграждений перед больницей на проспекте Юллен. Эта группа еще не была вооружена. Их требования были самым решительным образом отклонены. Наши шоферы заявили, что они подсобные рабочие и монтеры и водить машины не умеют.

Ввиду нашего энергичного протеста эта группа после долгих пререканий покинула базу.

После полуночи, часов около двух, у входа на базу остановилась автомашина, в которой находилась группа примерно из сорока вооруженных людей, главным образом молодежи. Увешанные пистолетами, винтовками, автоматами мятежники облепили всю автомашину. Некоторые из них сидели на капоте, а один, с саблей наголо, устроился на крыле машины. Их командиром был молодой человек в гражданской одежде, но в сапогах, решительный, с военной выправкой. Спрыгнув с автомашины, он зычным голосом потребовал руководителя предприятия. Вслед за ним с машины спрыгнули вооруженные мятежники и, наставив на нас и на находившихся вокруг шоферов оружие, потребовали предоставить в их распоряжение грузовые автомашины. Шоферы и на этот раз ответили, что они подсобные рабочие и не умеют водить машины.

Тогда командир группы повернулся к вооруженным мятежникам и крикнул:

«Ребята, кто умеет водить машины?»

Вывалось несколько человек, но было видно, что это дело им не очень знакомо. Наконец с большим трудом они запустили часть грузовиков и вывели их с базы. На этот раз они угнали четырнадцать грузовиков.

На рассвете на базу было совершено еще одно нападение и было похищено шесть грузовиков.

После контрреволюционных событий грузовики были найдены в различных пунктах города разбитыми, разграбленными, некоторые с пятнами крови, в полностью непригодном состоянии».

ОГРАБЛЕНИЕ ТИРОВ И СКЛАДОВ ВЕНГЕРСКОГО ДОБРОВОЛЬНОГО СОЮЗА ЗАЩИТНИКОВ РОДИНЫ

Вооруженные группы совершили заранее подготовленные нападения на здания районных центров и тиров ВДСЗР. По сообщению центрального правления венгерского «союза борцов за свободу», 23 октября совершили нападение на отделения союза во II, V, VI, VII, VIII, IX районах, в Зугло и Пештэржебете. Кроме того, были ограблены тир завода Гамма и на площади Марцибани.

В ходе налетов из складов ВДСЗР похитили более пятисот штук различного оружия и большое количество боеприпасов.

О нападении на помещение ВДСЗР V района секретарь ВДСЗР этого района Ференц Холли рассказал:

«Ночью 23 октября вместе с инструктором по внеовой подготовке мы остались в помещении правления, расположенного по бульварному кольцу Святого Иштвана в доме № 1, так как узнали, что в районе Радио стреляют из спортивных винтовок, похищенных в организациях ВДСЗР. Мы опасались, что на наше помещение также будет совершено нападение. Около половины четвертого утра мы услышали, что кто-то изо всей силы стучит ногами в дверь, выходящую в коридор. Прежде чем мы успели что-либо предпринять, дверь была сорвана и мужчина двадцати пяти-тридцати лет в зеленом плаще, в очках, а также некий с виду опустившийся субъект ворвались в помещение. У обоих было оружие. За ними ввалилась группа в пятнадцать-шестнадцать человек, большей частью вооруженных. Мужчина в плаще, выглядевший командиром группы, приставил к моему боку пистолет и потребовал передать ему хранившееся на складе оружие. Я ответил, что у нас нет оружия. Тогда они навалились на железную решетчатую дверь склада и взломали ее. Увидев оружие, они набросились на меня, а затем поставили меня к стенке. По распоряжению человека в плаще и вооруженного автоматом субъекта с внешностью уголовного преступника оружие стали вытаскивать из склада.

Тем временем меня и моего товарища держали под угрозой оружия. Из склада на автомашине вывезли шестьдесят штук различного оружия, 25 тысяч патронов для мелкокалиберных винтовок, одежду и предметы снаряжения».

НАПАДЕНИЕ НА ОРУЖЕЙНЫЙ СКЛАД НА УЛИЦЕ ТИМОТ

(23 и 24 октября 1956 года)

(Из донесения старшего лейтенанта Дежё Ковача

«Старший лейтенант Янош Немет, являвшийся дежурным офицером на оружейном складе по улице Тимот, около 23 часов 23 октября приказал запереть вход с улицы Тимот и организовал усиленное наблюдение. Майор Берецки передал по телефону приказ генерального штаба армии: «Не стрелять!» Телефонная трубка была еще у меня в руках, когда старший лейтенант Янош Немет, задыхаясь, сообщил, что на перекрестке проспекта Иллатош и проспекта Губачи собирается толпа. Ограбление лампового завода было в самом разгаре; грузовик с вооруженными людьми двигался в направлении лампового завода, и кто-то крикнул с машины: «Дайте боеприпасы! Оружие у нас имеется». В комнату дежурного офицера влетел встревоженный боец и доложил: «Товарищ старший лейтенант, докладываю, что совершено вооруженное нападение на 4-й сторожевой пост. Вооруженные лица взбираются на ограду оружейной ремонтной мастерской. Лейтенант Шандор Тури просит подкреплений, потому что нападающая толпа большая».

Положение становилось трагическим. Я доложил начальнику отделения, что вооруженные лица напали на 4-й сторожевой пост. Тогда начальник отделения разрешил применять оружие и добавил: «Вы несете личную ответственность, если кто-либо вступит на территорию склада без моего разрешения». В это время охрана 4-го сторожевого поста, подвергшаяся обстрелу, с целью самозащиты, без приказа свыше, открыла огонь из ручного пулемета и автомата.

Я схватил автомат и с пятью бойцами отправился на 4-й сторожевой пост, чтобы задержать нападающих. Лейтенант Шандор Тури смело прикрывал 4-й сторожевой пост. Старший лейтенант Савел с ручной гранатой заставил отступить тех, кто уже перелез через ограду. Началась перестрелка. Было около 23 часов 10 минут. Мы должны были всеми средствами воспрепятствовать захвату нападавшими большого количества охраняемого нами пехотного и артиллерийского оружия и боеприпасов, потому что этим оружием они могли бы лишить жизни тысячи и тысячи честных людей. Мы решили под-

жечь бензином, вернее взорвать, те склады и мастерские, в которых имелось стрелковое оружие, если нападающие прорвутся на территории склада. Кроме того, мы вынули и спрятали затворы из оружия, находившегося в ремонтных мастерских стрелкового оружия.

Наше положение было затруднено еще тем, что около нападавших остановился трамвай с прицепом. Стрелявшие использовали его в качестве баррикады и тем самым угрожали жизни тех, кто сидел в трамвае. После пятнадцати-двадцати минут интенсивной перестрелки атаку нападавших — их было человек пятьсот-шестьсот — удалось отбить. В распоряжении мятежников было стрелковое оружие, так что они могли давать одиночные выстрелы и очереди. У них было также четыре грузовика для перевозки людей и оружия. Как только нападение было приостановлено, я немедленно отдал приказ прекратить огонь и разрешил налетчикам собрать своих раненых.

После этого нападавшие заняли чердаки школы на проспекте Иллатош и жилые дома на проспекте Губачи, а также заводские дворы, расположенные вокруг склада, и начали обстреливать нас. Они профессионально подошли к выбору огневых позиций и всю ночь вели рассеянный огонь. В 1 час 15 минут ночи мы получили от министерства обороны подкрепление — батальон под командованием подполковника Фюлепа. Батальон входил в состав асодской танковой части, но располагал только пехотным оружием. Нападавшие с помощью ручных гранат попытались помешать посланному на помощь батальону пробраться к нам, но это им не удалось. Тогда-то они бросили в голову старшего лейтенанта Данчо ручную гранату, которая, к счастью, не взорвалась».

Из донесения старшего лейтенанта Яноша Немета

«Приблизительно в 6 часов 24 октября с проспекта Шорокшар на улицу Тимот въехал грузовик и из ручного пулемета, установленного в кузове, был открыт огонь по входным воротам. Под прикрытием сильного тумана нападвшим налетчикам неожиданно удалось приблизиться к входным воротам приблизительно на 15—20 метров. Тогда лейтенант Тури бросил в машину ручную гранату, солдат Хеди открыл огонь из автомата, а старший лейтенант Дежё Ковач — из пулемета. Машина сразу же

попятилась метров на двести назад, пока не натолкнулась на столб электросети. В этой перестрелке был ранен солдат Пал Хеди. С машины спрыгнули и сдались два молодых человека. Один из них рассказал, что работает подсобным рабочим в Кёбаня; его взяли в машину, чтобы отвезти в типографию за листовками, так как, дескать, разразилась революция. Он сообразил, что его обманули, только тогда, когда машина повернула на улицу Тимот, а кое-кто из сидевших там вытащил из-под пальто оружие и начал стрелять. Этот парень умоляюще просил, чтобы мы позволили ему до окончания перестрелки остаться у нас, потому что он не хочет бороться против кого бы то ни было.

Когда в городе началась вооруженная борьба, телефон на складе «испортился». По этой причине охрана смогла подготовиться к обороне только тогда, когда из министерства обороны прибыл майор Калина и проинформировал нас о положении. По нашему единодушному мнению «выход из строя» телефона как раз в самый критический момент являлся одним из звеньев заранее задуманного нападения».

НАПАДЕНИЕ НА КАЗАРМУ БЕМА

Рассказ старшего лейтенанта Йозефа Коня

«Ночью 23 октября трижды было совершено нападение на казарму Бема, где был расположен будапештский батальон охраны. В первый раз, примерно около 10 часов, на грузовиках прибыло до 250—300 гражданских лиц без оружия. Проломив задние ворота казармы, они ворвались в здание и потребовали оружия и боеприпасов. Эту группу удалось вытеснить из казармы без применения оружия. Затем около половины первого на грузовиках прибыла новая группа. Часть группы была вооружена автоматами, карабинами и прочим оружием, а у некоторых были и ручные гранаты. Эта группа, насчитывавшая приблизительно шестьсот человек, проломилла укрепленные тем временем ворота и также потребовала оружия и боеприпасов. Командир нашей части пытался убедить нападавших, что в казарме нет оружия и боеприпасов, но ему вывернули руки и угрожали оружием. В это время из толпы кто-то крикнул: «Идите-ка за мной, я знаю, где здесь оружие, я здесь служил!» — и повел толпу прямо в помещение, где было сложено оружие».

Народ их не забудет. Убитый Дёрдь Варкони.

Рядовой войск госбезопасности Йожеф Васил погиб во цвете лет, защищая свой народ.

ИСТОРИЯ НАПАДЕНИЯ НА ЛАМПОВЫЙ ЗАВОД

Рассказ начальника заводской охраны Йозефа Ошвата

«Ночью 23 октября, без пятнадцати минут двенадцать, толпа примерно в тысячу человек, частично вооруженная, совершила нападение на завод. Наверное, у ста пятидесяти человек имелось оружие: карабины, автоматы и пистолеты.

Нападавшие прибыли на грузовиках и автобусах со стороны Пешта. Они потребовали, чтобы открыли ворота и впустили их. Поскольку вахтеры отказались это сделать, нападавшие дали очередь по воротам. Тогда старый вахтер открыл ворота, налетчики ворвались и стали искать директора. Когда я подошел, меня насильно заставили открыть склады.

Ворвавшиеся на завод налетчики первым делом вывели из строя телефоны у входа, у начальника пожарной охраны, а затем и на складе.

Первую группу нападавших возглавляли два солдата с автоматами. Группа действовала по их указаниям. На складе они нашли только пневматические ружья, спортивные винтовки, охотничьи ружья и четыре карабина, принадлежавших стрелковому спортивному обществу. Затем они взломали двери патронного склада.

Я заметил, что среди налетчиков имелись подозрительные лица, которые высматривали, что можно было бы унести со склада.

Вторая группа нападавших, которых также возглавляли военные, прибыла около двух часов ночи. Они взломали еще один склад, но ничего там не нашли, кроме запасных частей к машинам. По своему составу эта группа была весьма разношерстной. Они разграбили склады, утащили ручные инструменты и увезли с собой двадцать-тридцать ящиков боеприпасов для пневматического оружия».

НАПАДЕНИЕ НА ЗАВОД „ДАНУВИЯ“

Рассказ директора станкостроительного завода „Данувия“ Густава Селла

«Между 11 часами вечера и 2 часами ночи из министерства металлургической и машиностроительной промышленности неоднократно запрашивали по телефону, происходят ли на нашем предприятии беспорядки. Управление промышленности министерства металлургиче-

ской и машиностроительной промышленности, а также министерство внутренних дел информировали нас, что ночью можно ожидать нападения, и предложили подготовиться к обороне завода.

Так как большинство работавших в ночной смене составляли женщины и поскольку оружие заводской охраны уже предварительно было изъято, у нас не было возможности подготовиться к обороне. На всякий случай я распорядился закрыть железные ворота и усилить дежурство у ворот. В два часа пятнадцать минут я обратил внимание на шум автомашин и, выглянув на улицу Ангол, заметил перед воротами два грузовика, заполненных людьми. Через главные ворота они проникнуть не могли, поэтому они взломали малые ворота строительного участка.

Нападавшие прежде всего сорвали телефонные провода в вахтерской будке, прервали телефонную связь, затем проникли в цехи, принудили рабочих прекратить работу, а затем потребовали оружие и боеприпасы.

Налетчики находились на заводе примерно один час. За это время я пытался разъяснить им, что предприятие не занимается производством оружия. Большинство рабочих также старалось убедить налетчиков в этом. После этого они ушли.

Однако вскоре они возвратились и, угрожая оружием, стали принуждать меня пойти с ними в полуподвальное помещение и выдать им боеприпасы и оружие. Поскольку я продолжал настаивать на том, что у нас нет того, что они требуют, они взломали вход в помещение, где хранилось большое количество боеприпасов. Найдя их, они поставили меня к стене и хотели расстрелять, однако наши рабочие помешали этому, а затем заставили их убраться. Из обнаруженных боеприпасов они увезли около 60 тысяч штук холостых учебных патронов.

Приблизительно через полчаса после ухода первой группы перед воротами завода остановились еще два грузовика. Ворвавшаяся вторая волна вооруженных мятежников искала директора и требовала выдать им оружие. Многие из них заявляли, что знают о наличии оружия на заводе. Меня вновь потащили в полуподвал, откуда я, воспользовавшись большой сутолокой, возвратился в цех. Поскольку оружия не нашли, какой-то смуглый человек в военной форме, приставив к моей спине оружие, заставил меня спуститься в подвал. Других сотрудников он в подвал не допустил. Несмотря на повтор-

ные требования, я не соглашался выдать оружие. Тогда он заорал на меня: «Выдайте оружие или расстреляем!» Вошли его сообщники и железными ломami взломали помещения противовоздушной обороны, где нашли оружие, подлежащее ремонту. Около 35 штук оружия они забрали (пулеметы без станка, автоматы, ручные пулеметы). Вместе с оружием они намеревались захватить с собой и меня. Однако в цехе рабочие вызволили меня из кольца вооруженных налетчиков».

НАПАДЕНИЕ НА РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ „САБАД НЕП“

Рассказ сотрудника „Сабад неп“ Ласло Сабо

«Во второй половине дня 23 октября сотрудники «Сабад неп» получили задание отправиться на улицу и подготовить репортаж о демонстрации молодежи. В редакции почти никого не осталось, все вышли на улицу и наблюдали за событиями. Было приблизительно половина шестого, когда журналисты один за другим стали возвращаться в редакцию. В это время на площади Луиза Блаха перед зданием редакции «Сабад неп» уже стали собираться небольшие группы. В течение двадцати минут образовалась большая толпа. Сразу же после шести перед зданием редакции «Сабад неп» впервые зазвучали лозунги. Это были так называемые четырнадцать пунктов, которые выкрикивали в сторону освещенных помещений редакции. Тогда один из журналистов сошел вниз и, взбравшись на автомашину, обратился к толпе. Возбужденные страсти кое-как удалось успокоить. Толпа медленно рассеялась и разошлась. Но едва площадь опустела, как новое людское кольцо охватило здание редакции «Сабад неп» на территории, расположенной между проспектом Йожефа, площадью Луиза Блаха и улицей Рёкк Силард. Новые толпы людей прибывали на грузовиках и трамваях, очевидно, со стороны Городского парка и Буды. В то же время внутри здания редакции не было ни одного солдата, полицейского или какого-либо представителя вооруженных сил. Помещение редакции «Сабад неп» оставалось без охраны. Громадные стеклянные двери от сильного напора толпы охраняли только два пожилых вахтера. Около самых дверей толпились и орали десять-двенадцать молодых парней. Журналистам, вышедшим на улицу, теперь не удалось утихомирить толпу. Их смяли. Уже с полчаса шумела толпа демонстрантов, когда стоявшие перед дверью молодые парни заорали:

«Глядите, на крыше все еще горит красная звезда!» «Долой красную звезду!» — раздался выкрик. И уже десять или двенадцать парней сомнительного вида рванулись было к дверям, чтобы взобраться на крышу и сбросить красную звезду. Но сотрудникам редакции, журналистам, работникам издательства удалось помешать толпе прорваться в здание. В эту минуту прибыл взвод полицейских, которые пробились к дверям, чтобы преградить путь толпе. Это удалось сделать, но вызвало ярость демонстрантов, в особенности упомянутых молодых парней, которые стояли лицом к лицу с полицейскими. Один из сотрудников редакции считал необходимым, чтобы полицейских отвели от здания редакции, надеясь, что так можно будет избежать кровопролития. Получив приказ, полицейские через десять минут удалились.

Тем временем несколько журналистов от имени редакции напечатали листовки, в которых солидаризировались с демонстрантами. Но демонстрантов это уже не интересовало: через несколько минут листовки горели как факелы. И когда впервые раздался звон разбитого стекла, толпу уже нельзя было сдерживать. В окна, в стекла входных дверей летели камни, а вся толпа кричала: «Долой красную звезду!» Разбушевавшиеся страсти еще больше подогрела новая небольшая группа, которая продиралась сквозь толпу, высоко поднимая вверх мертвеца. «Мы принесли его от здания Радио. Его застрелили там!» — вопили они. И угрожающе выкрикивали в сторону редакции: «За это вы несете ответственность!» (Проведенное позже расследование установило, что в этого человека не стреляли: у него на голове была рана от ухаба.) Теперь толпу уже нельзя было остановить. Приблизительно триста-четырееста человек, отбросив вахтеров, ворвались в совершенно незащищенное здание. Одна группа бросилась на пятый этаж и сбила красную звезду. Остальные взломали двери комнат второго этажа и начали выбрасывать из окон книги. На площади жгли тома Маркса, Энгельса и Ленина. Этот вандализм казался почти непостижимым. В двух комнатах бесчинствующие мародеры подожгли даже мебель, под тем предлогом, что в шкафах хранились книги Ленина.

Здание было окутано дымом. Около девяти часов вечера взломали книжный магазин на бульварном кольце Йожефа. Произведения Толстого и Ленина, Миксата и Йокаи, Петёфи и Ади стали добычей огня. Вместе с ними погибли научные и технические книги. Тогда-то

вдруг я осознал, что мы столкнулись с фашизмом. Ведь сожжение книг — это символ фашизма. Книги уничтожают враги народа. Сотрудники редакции «Сабад неп» теснились на четвертом этаже, когда туда вбежал первый «демонстрант». От него несло водкой. Пошатываясь, он вошел в комнату редколлегии. Этот тип был настолько пьян, что нельзя было его вразумить. Он все искал директора и твердил: «Прикончу и сделаю из него чучело». Вскоре заявили и его сообщники ему подстать. Они бросали мебель в горящую в коридоре красную звезду, выбрасывали на улицу книги, все ломали, били, поджигали.

Видя все это, журналисты поспешно спустились в помещение типографии. Погромщики заполнили здание и теперь уже разыскивали и журналистов. Сотрудники редакции «Сабад неп» забаррикадировали входы в типографию, а типографские рабочие приготовились защищать ценные машины. Разыскиали тяжелые свинцовые слитки. Каждый работник типографии был наготове. К сожалению, положение сложилось иначе. Собравшиеся в наборном цехе журналисты и рабочие типографии тогда еще не знали, что толпа погромщиков, орудовавшая в здании, уже вооружена. Когда первая вооруженная группа начала дубасить в железную дверь, ведущую в типографию, и угрожать, что если не откроют, то они взорвут ее, то уже нельзя было взять на себя риск отпора. Вооруженные погромщики ворвались в наборный цех и в печатную. У ворвавшихся было задание политического характера: с помощью оружия они заставили рабочих типографии печатать различные листовки фашистского содержания.

На другой день утром армейские части изгнали вооруженных мятежников из помещения редакции. Такова история первого захвата помещения редакции газеты «Сабад неп». 24 октября газета «Сабад неп» не смогла выйти в свет».

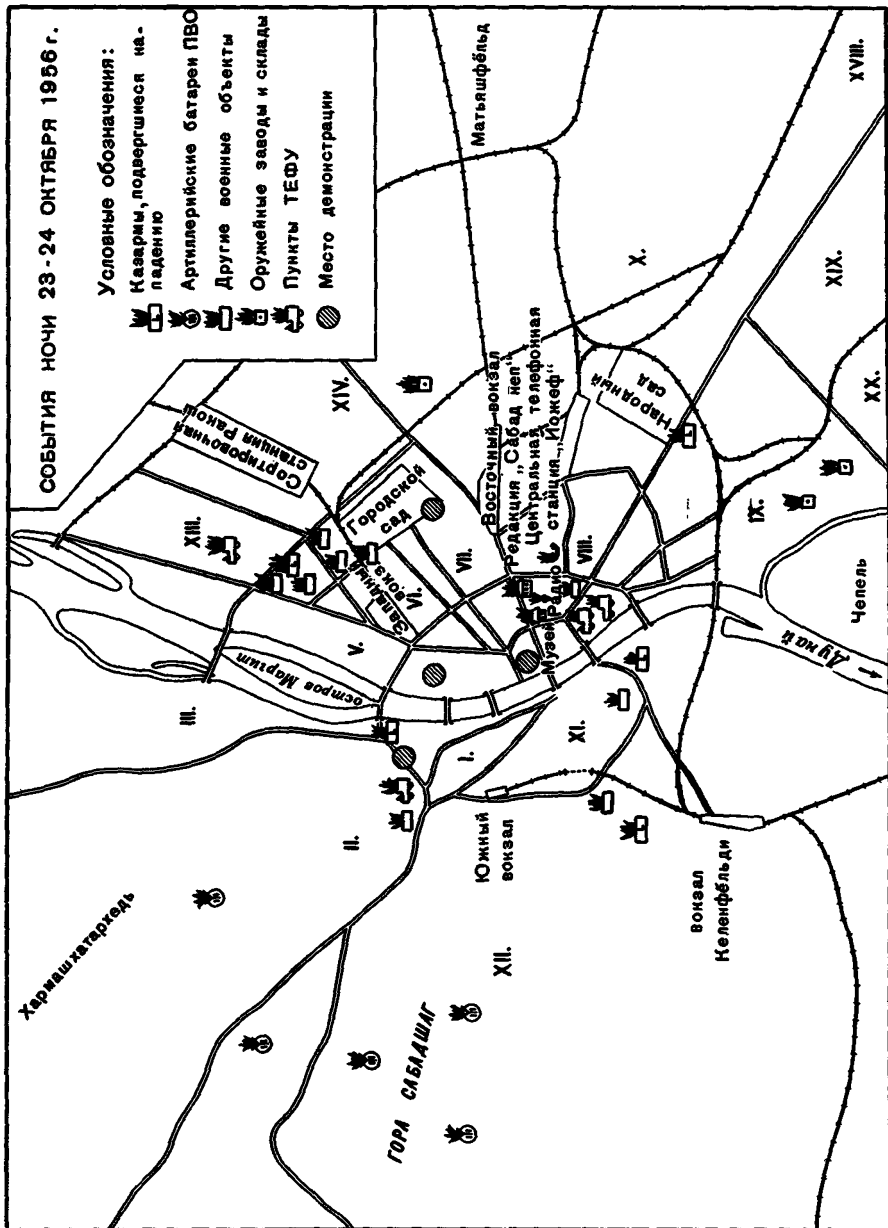
* * *

Кроме упомянутых, было совершено нападение и на другие военные объекты с целью добыть там оружие и боеприпасы. Прилагаемая карта дает примерное представление о том, в каких местах контрреволюционные группы совершили вооруженные нападения в ночь с 23 на 24 октября.

СОБЫТИЯ НОЧИ 23-24 ОКТЯБРЯ 1956 г.

Условные обозначения:

- Казармы, подвергшиеся нападению
- Артиллерийские батареи ПВО
- Другие военные объекты
- Оружейные заводы и склады
- Пункты ТЭФУ
- Место демонстрации

План Будапешта. Римскими цифрами обозначены районы города.

Из вышеприведенных фактов вытекают следующие выводы.

События, имевшие место в ночь с 23 на 24 октября, являлись составными частями хорошо продуманного, руководимого из единого центра вооруженного нападения.

О политической целеустремленности контрреволюционного мятежа свидетельствует, между прочим, и то, что первое вооруженное нападение было направлено на здание Радио и центральную партийную газету, формирующие общественное мнение всей страны. Контрреволюция хотела лишить партию и правительство возможности информировать народ.

Разнообразные выступления наводят на мысль о наличии тщательно продуманного плана.

План мятежа был разработан с участием военных специалистов, и вооруженными действиями руководили лица, подготовленные в военном отношении. О централизованном руководстве свидетельствуют хорошо организованное с военной точки зрения нападение на здание Радио (нападавшие заняли все до одного стратегически важные здания вокруг Радио), заготовка оружия и боеприпасов, а также приобретение и использование транспортных средств.

Что произошло перед зданием Парламента 25 октября 1956 года

25 октября более или менее многочисленные группы демонстрантов устремились из переулков на главные магистрали. Это произошло тогда, когда Имре Надь без ведома партийного руководства и оперативных военных органов и вопреки их воле отменил запрещение выходить на улицу. На проспекте Байчи Жилинского собралась толпа более чем в тысячу человек и двинулась к Парламенту. По демонстрантам, которые якобы были полностью безоружными, было сделано несколько выстрелов из домов перед зданием министерства земледелия. В то же время обстрелу подверглись и советские танки, вызванные для охраны Парламента. Началась страшная суматоха.

Едва грянули первые выстрелы, как в городе из уст в уста стала передаваться весть: «Работники госбезопасности стреляли в безоружную толпу!» Эти слухи сыграли весьма большую роль в том отношении, что они взбудоражили людей и ввели их в заблуждение.

Даже еще в декабре и в январе, когда уже невозможно было отрицать злодеяния контрреволюционеров, многие спрашивали: «Но что же натворили работники госбезопасности перед Парламентом 25 октября?» Обратимся к фактам.

ДОНЕСЕНИЕ ОХРАНЫ ПАРЛАМЕНТА

«Накануне 23 октября в Парламенте имелась небольшая по численности охрана. Службу несли приблизительно одиннадцать рядовых солдат госбезопасности и несколько офицеров. Только ночью 23 октября мы получили подкрепление: одну роту батальона охраны министерства обороны. Тогда-то мы и готовились к защите. Имеющиеся силы, учитывая огромные размеры здания со многими подъездами, были недостаточны. Вследствие этого мы не только не могли занять, но даже прочесать окружающие здания. А между тем это могло бы иметь 25 октября очень большое значение.

Первые выстрелы по зданию Парламента контрреволюционеры сделали 24 октября пополудни. Нас обстреливали из здания строительства метро, расположенного на углу моста Кошута и улицы Академии и из окон пятого этажа министерства строительства. Контрреволюционеры стреляли по окнам Парламента и держали под огнем подъезд № 1, выходящий к мосту Кошута. Это была небольшая кучка контрреволюционеров, которые после ответного огня сдались. Кровавая контрреволюционная провокация началась на другой день, 25 октября, около 11 часов утра.

В половине одиннадцатого мы узнали, что со стороны площади Свободы через улицу Вечей в направлении площади Лайоша Кошута движется толпа приблизительно в 4—5 тысяч человек под национальными знаменами. По близлежащим улицам и площади многие спешили на работу пешком, поскольку трамвай № 2 не ходил. Подавляющее большинство демонстрантов — а это были мужчины, женщины и дети, — по-видимому шли с честными намерениями. К ним примкнуло также много прохожих; они, несомненно, и не думали о том, что готовится подлая провокация, что многие мужчины в толпе спрятали под пальто оружие.

Мы не получили каких-либо сведений о целях, намерениях и численности толпы. Никакая делегация к подъездам не подходила. Один из наших начальников как раз в это время прибыл к Парламенту и, встав рядом с командиром советской воинской части, призвал толпу немедленно разойтись. Он обратил внимание на запрещение собираться группами и устраивать демонстрации и заявил: демонстрация перед зданием создает впечатление, что они хотят напасть на Парламент. На это некоторые демонстранты из толпы, потрясая кулаками, ответили выкриками: «Сволочь! Убийца из госбезопасности!» Продолжая наблюдать, мы ждали, как развернутся события. Толпа подошла к советским танкам, стоявшим у стен Парламента. Выказывая знаки братания, несколько человек вскарабкались на танки и воткнули национальные знамена в стволы орудий. Советские солдаты отвечали на братание взаимностью, пожимали руки, объяснялись, как могли, улыбались. Однако некоторых наиболее дружелюбно настроенных советских солдат или стоявших поодиночке в карауле окружали несколько человек и «мирно» отбирали у них оружие или просто нападали на окруженных толпой солдат и силой отнимали у них оружие. Какой-то неизвестный мужчина, братаясь, обнял одного советского солдата спереди, а другой, обхватив его сзади, отцепил висевший у него на пояском ремне подсумок и стянул с его плеча оружие.

В это время уже появилось несколько вооруженных гражданских лиц.

Эти события разыгрались в течение нескольких минут. Когда суматоха достигла наибольшего напряжения, с соседних зданий вдруг открыли огонь по смешавшейся с советскими солдатами толпе и по зданию Парламента.

Первые выстрелы раздались с крыши министерства земледелия из ручного пулемета и из более легкого оружия. Непосредственно вслед за этим стали стрелять из здания министерства строительства, а также с крыши и с верхнего этажа столовой Парламента. Кроме того, два венгерских танка, сопровождавшие демонстрантов, произвели выстрелы из орудий: один вблизи второго подъезда с площади Шагвари, а другой вблизи четырнадцатого подъезда с улицы Конституции.

На площади Лайоша Кошута возникла колоссальная паника и суматоха. В то время как советские солдаты открыли огонь по упомянутым зданиям, два венгерских танка куда-то исчезли. Толпа при первых выстрелах стала разбегаться, многие легли на мостовую. Большинство же пыталось укрыться за затейливыми выступами и в проемах стен Парламента. Часть из них, приблизительно сто пятьдесят-двести человек, выдавили двери в седьмом и десятом подъездах Парламента и нашли убежище в самом здании.

В такие моменты трудно определить время, но можно предположить, что перестрелка продолжалась десять-двенадцать минут. Советские солдаты прекратили стрельбу, и некоторые из толпы попытались выбраться с площади Лайоша Кошута. Тогда провокаторы вновь начали стрелять по толпе. В ответ на это советские солдаты открыли сильный огонь по прятавшимся в направлении выстрелов контрреволюционерам. Во время перестрелки нельзя было установить, не попытаются ли вооруженные контрреволюционеры ворваться в здание.

Это их намерение, по всей вероятности, предотвратили советские солдаты ответными выстрелами по окружающим зданиям.

Охрана госбезопасности в Парламенте выжидала за закрытыми дверями и окнами в полной боевой готовности; она ждала непосредственного нападения, ведь нас известили о событиях, происшедших у здания Радио. Однако мы все время не открывали огня.

Некоторые из нас во время перестрелки находились на улице, около ворот, чтобы иметь возможность оценить обстановку. Выстрелами, которые раздавались со всех сторон, один наш товарищ был убит и двое ранены. Вместе с ними в здание втащили и оказали первую помощь и двум раненым граждан-

ским лицам, лежавшим вблизи подъезда. Позднее скорая помощь отвезла их в больницу. После прекращения стрельбы толпа вместе с легкоранеными могла спокойно покинуть площадь. Лица, нашедшие убежище в здании, ушли беспрепятственно.

В результате кровавой провокации на площади Лайоша Кошута осталось двадцать два убитых. Большинство убитых и раненых лежало в направлении выстрелов, произведенных из министерства строительства и министерства земледелия. Погибло также четверо полицейских.

Из числа советских солдат также несколько человек погибло, а многие были ранены, и это доказывает, что контрреволюционеры в первую очередь стреляли по советским солдатам.

Доказательства, подтверждающие вышесказанное относительно направления огня, можно и сегодня видеть на стенах Парламента. Это подтверждается следами попаданий. Таким же образом подтверждается и направление огня советского оружия, следы попадания которого можно видеть на крышах и стенах зданий министерства строительства, министерства земледелия, Института рабочего движения, столовой Парламента. По следам попаданий каждый, если он хоть что-нибудь понимает в стрельбе, может ясно видеть, что контрреволюционеры с крыш зданий, окружающих Парламент, стреляли вниз, в толпу, с провокационной целью. Советские же солдаты, наоборот, защищали толпу от провокаторов, ибо следы попаданий ясно показывают, что они — советские солдаты — стреляли снизу вверх.

Охрана госбезопасности, находившаяся только в здании Парламента, в перестрелку не вмешивалась.

Очевидно, речь шла о заранее задуманной провокации, которую контрреволюционеры устроили для того, чтобы использовать ее для подстрекательства против органов госбезопасности. Так оно и произошло.

У нас, у парламентской охраны, не было достаточно сил, чтобы занять соседние здания, хотя это было бы весьма необходимо. У нас не хватило сил и для того, чтобы прочесать окрестности, хотя уже ночью 24 октября из упомянутых зданий было сделано несколько выстрелов по советским солдатам, стоявшим на страже перед Парламентом. Мы неоднократно просили министерство обороны обыскать упомянутые здания, но до 28-го числа это не было сделано.

В тех зданиях, из которых стреляли по толпе и по советским солдатам, частей госбезопасности не было. Их и не могло быть, ведь части госбезопасности никогда не стреляли по советским солдатам и советские части не стреляли по войскам госбезопас-

ности; перестрелка же перед Парламентом произошла между советскими танками и провокаторами, стрелявшими с соседних зданий. Там не могло быть частей госбезопасности и потому, что если бы они там находились, то нам, охране госбезопасности в Парламенте, безусловно было бы об этом известно и мы поддерживали бы с ними связь.

Стрелявшие по массе демонстрантов контрреволюционеры стреляли и в нас, у нас также были убитые и раненые, поэтому нападавшие не могли быть работниками госбезопасности. Мы спасли жизнь многим демонстрантам, укрывшимся в здании Парламента.

Командиры и военнослужащие бывшей охраны госбезопасности Парламента:

Йожеф Вег, подполковник

Бела Зрунко, капитан

Ференц Ямбор, капитан

Йожеф Араньош, лейтенант

Михай Балаж, лейтенант

Енё Монтани, лейтенант

Карой Мазула, лейтенант

СООБЩЕНИЕ РАБОТНИКОВ МИНИСТЕРСТВА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

25 октября 1956 года в здании министерства земледелия было получено известие, что из центра города к площади Лайоша Кошута приближается толпа в несколько сот человек. Полчаса спустя после получения этого известия работники министерства стали очевидцами нижеследующего.

Со стороны улицы Надор и площади Свободы приближалась машина марки «татра-план», на капоте и кузове которой сидело около десяти человек, размахивавших красно-бело-зелеными знаменами. За машиной следовали группы по двадцать-тридцать человек. Приблизительно за четверть часа на площади собралось несколько сот человек. К ним примкнули новые группы, подошедшие с улицы Конституции, а также зеваки, собравшиеся в районе площади. Тогда-то и началась в организованной форме демонстрация. Толпа находилась примерно в двадцати метрах от танков, выставленных для охраны Парламента. В это время со стороны моста Маргит появились два танка и один броневик. Из толпы начали махать танкам. Тогда из танков ответили тем же. Это придало толпе смелость, и люди во главе с мужчиной в форме трамвайщика вскарабкались на танки и броневик. Кондуктор размахивал знаменем, а танки и броневик тронулись с площади Лайоша Кошута и с улицы Конституции свернули на улицу Ференца Козма. Мы видели, что люди взобрались также на танки, стоявшие перед Парламентом. В это время мы услышали как раздалась две очереди, из пулемета или из автомата. Толпу охватила паника.

Часть людей бросилась в направлении памятника Ракоци, в сторону улицы Надор, другая часть стала искать убежища под сводами здания министерства земледелия, тогда как меньшинство укрылось за стоявшими на площади танками. Вслед за этим советские танкисты открыли огонь по фасаду нашего министерства и Института рабочего движения. После перестрелки в здании министерства распространился слух, будто из здания министерства стреляли работники госбезопасности. Многие утверждали, что по толпе стреляли с балкона комнаты № 391, четвертого этажа, и свое утверждение подкрепляли тем, что ствол пулемета якобы все еще торчит из-за балюстрады. Выяснить это взялись заместители министра Матяш Сёке и Михай Кекень, а также товарищи Йозеф Шерегей и Карой Рошта. Однако они не смогли проникнуть в комнату, потому что ее дверь с железной решеткой была заперта, а ключ хранился в металлическом ящике в вахтерской министерства. Металлический ящик принесли, открыли дверь, но помещение оказалось пустым. На упомянутом месте за торчащий с балкона ствол приняли водосточную трубу с креплением для древка знамени, которая находится там и ныне.

Вслед за этим было обследовано все помещение министерства, в том числе и чердак. Действительно, обычно закрытую железную дверь чердака нашли открытой. Возможно, что без ведома сотрудников министерства на чердаке или на крыше находились посторонние лица. Распространился также слух, будто в здании находились работники госбезопасности.

Было установлено также, что солдат госбезопасности у нас не было. В министерстве находилось несколько сот сотрудников. Трудно представить, чтобы никто из них не увидел работников госбезопасности, если бы они действительно находились в здании.

Бела Лукач,
работник министерства земледелия.

* * *

Единодушные показания очевидцев свидетельствуют, что 25 октября на площади Лайоша Кошута имела место точно таким же образом организованная контрреволюционная провокация, как за полтора дня до этого перед зданием Радио.

Сначала на главных магистралях города собрали толпу молодежи и прохожих, а затем, выкрикивая «национальные» лозунги, повели их к месту провокации.

Часть контрреволюционеров, спрятав под пальто оружие, смешалась с массой мирных демонстрантов. Другие вооруженные контрреволюционеры уже заранее заняли огневые позиции

в зданиях, окружающих площадь. Затем они совершили нападение на часовых, выставленных для охраны здания, и предприняли попытку их разоружить. После этого из-за укрытий, из-за угла стали стрелять в толпу, а затем по городу распустили ложный слух: «Работники госбезопасности стреляют в народ, работники госбезопасности — убийцы!»

Провокация перед Парламентом удалась в том смысле, что, убив двадцать два человека из гражданского населения, нескольких советских солдат и многих ранив, контрреволюционеры преувеличили затем число убитых и раненых и, обвинив в случившемся органы госбезопасности, учинили погром против органов госбезопасности. С другой стороны, провокация не удалась, поскольку дело не дошло до, вероятно, заранее задуманного налета на здание Парламента. (После захвата здания Радио радиопередачи велись из здания Парламента.) Расчеты провокаторов оказались опрокинутыми, так как советские танки открыли ответный огонь по огненным точкам, занятым провокаторами, и стрелявшим из-за угла пришлось спешно убраться со своих огневых позиций.

Наши мученики

Во втором выпуске книги „Контрреволюционные силы в венгерских октябрьских событиях“ мы привели краткое изложение жизненного пути пятнадцати жертв контрреволюции: Имре Мезё, Йожефа Каламара, Андраша Бордаша, Ласло Новача, Шандора Синлаи, Лайоша Кишша, Яноша Асталоша, Йожефа Паппа, Лайоша Сабо, Калмана Турнера, Михая Бене, Петера Лакатоша, Иштвана Шарнади, Кароя Якоба и Пала Фодора. Ниже мы перечисляем еще около двухсот других жертв контрреволюционного террора. Большинство из них были сыновьями рабочих или крестьян. Их чистая жизнь и мученическая смерть обвиняют не только их убийц, но и тех, кто подстрекал к этим убийствам, кто пожимал убийцам руки и провозглашал их „борцами за свободу“.

Мы свято чтим память жертв контрреволюции, отдавших жизнь за венгерскую народную власть, судьба которых показывает, какое море крови залило бы Венгрию, если бы 4 ноября не был положен конец разнузданному бесчинству контрреволюции.

Янош Баги,

старший лейтенант госбезопасности,
29 лет

До освобождения он, так же как и его родители, ел горький хлеб батрака. В 1949 году был призван в войска внутренней охраны, позже стал офицером. В 1956 году получил награду за самоотверженную работу по спасению во время наводнения. На рассвете 24 октября 1956 года был убит около здания Радио.

Ференц Бата,

ефрейтор госбезопасности, 23 лет

До призыва был столяром-модельщиком на сталелитейном и трубопрокатном заводе. В качестве рядового солдата был направлен в войска внутренней охраны. 30 октября контрреволюционеры зверски убили его на площади Республики.

Миклош Бикса,

секретарь райкома партии, 32 лет

Родился в Уйпеште. По профессии электромонтер, затем — партийный работник. В последнее время работал секретарем Дабашского райкома ВСРП. Был убит контрреволюционными террористами 10 декабря, когда прибыл в Дьон, чтобы помочь местному совету восстановить свои права.

Ласло Чивинчик,

рядовой солдат госбезопасности, 23 лет

Сын бедных крестьян. Сначала работал на цементном заводе, а затем на Дёндешском заводе железнодорожных стрелок, откуда был призван в армию. Смертельно ранен на площади Сена.

Йожеф Цобор,

младший сержант полиции, 24 лет

Происходит из дебреценской рабочей семьи. Работал подсобным рабочим на Дьёрском вагоностроительном заводе. Позже был принят на службу в полицию. В 1956 году женился. Убит 25 октября перед зданием Парламента.

Атила Эрдёг,

рядовой солдат госбезопасности, 21 года

Его отец работал на Диошдьёрском металлургическом заводе. После окончания металлургического техникума Атила Эрдёг работал на металлургическом комбинате в Дунапентеле. В 1955 году был призван в армию. Проявил героизм при спасательных работах во время наводнения 1955 года. Погиб одним из первых от пуль контрреволюционеров.

Йожеф Фехер,

майор госбезопасности, 34 лет

Сын бедных крестьян из Токая. До 1943 года работал подсобным рабочим. Окончил школу офицеров полиции. 23 октября защищал Радио. После захвата здания Радио утром 24 октября был расстрелян контрреволюционерами.

Ласло Фекете,

старшина полиции, 26 лет

Сын бедных крестьян, в 1953 году вступил в полицейские части. Беспартийный. Был одним из лучших военнослужащих 8-го поста. Убит 25 октября около здания Парламента.

Имре Гайдан,

рядовой солдат госбезопасности, 21 года

Его отец был бедняком, получившим после освобождения 9 хольдов земли. Имре Гайдан работал сварщиком на Обудайском судостроительном заводе. Контрреволюционеры убили его на площади Республики 30 октября, а тело его изувечили.

Ференц Губиш,

младший сержант полиции, 25 лет

Сын деревенских батраков, вместе с пятью другими детьми рос в исключительно тяжелых условиях. В 1955 году поступил на службу в полицию. Пуля контрреволюционеров настигла его перед типографией газеты «Сабад неп».

Дёрдь Денеш,

старший лейтенант пограничных войск,
28 лет

Происходит из тёрёксентмиклошской бедной крестьянской семьи, в которой было семеро детей. Во время военной службы был направлен в пограничные войска, где пользовался всеобщей любовью. Контрреволюционеры древком знамени убили молодого офицера-пограничника, выполнявшего свой долг.

Йожеф Халми,

крестьянин-середняк, 51 года

Имел 20 хольдов земли в Микебуда. 1 ноября 1956 года неоднократно судившийся в прошлом Янош Фекете ворвался в квартиру Халми и убил его, крича: «Пробил последний час тех, кто поддерживал коммунистов».

Ева Каллан,

сотрудница Будапештского горкома,
партии, 39 лет

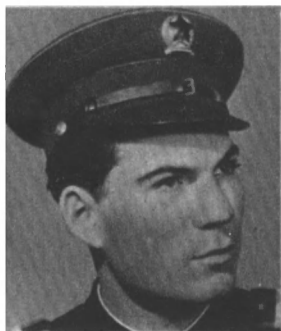
В 1938 году в возрасте двадцати лет включилась в рабочее движение. Уже в годы нелегальной работы относилась к числу бесстрашных борцов партии. Имела хорошую политическую подготовку, была человеком высокой культуры. Находясь в фашистской тюрьме в 1943 году, была одной из тех, кто ободрял товарищей своим неиссякаемым оптимизмом. После захвата здания Горкома партии на площади Республики получила смертельное увечье, когда выпрыгнула с третьего этажа.

Андраш Кишш,

командир взвода полиции, 22 лет

Его родители были батраками, получившими землю после освобождения. В 1955 году вступил в ряды полиции. Во время паводка Дуная героически спасал жертвы наводнения. Был убит выстрелом из казармы Килиана на проспекте Юллен, когда направлялся на службу.

Ласло Кокаи,

ефрейтор госбезопасности, 23 лет

Происходит из бедной ясагойской крестьянской семьи. Осенью 1953 года был призван рядовым солдатом в войска внутренней охраны. Был награжден за спасательные работы во время наводнения. Убит контрреволюционерами, напавшими на здание Будапештского горкома партии.

Геза Ковач,

капитан госбезопасности, 30 лет

Сын бедных крестьян. Был заготовителем шпал в горах Бюкка. В 1948 году после окончания академии Кошута был произведен в офицеры.

Ференц Кришто,

майор госбезопасности, 37 лет

Его отец был железнодорожником. После окончания четырех классов средней школы Кришто стал учеником электромонтера на комбинате Астра в Брашшо, в 1940 году поступил на завод Гамма. В 1945 году был взят в плен Советской Армией. После возвращения на родину стал сотрудником органов госбезопасности. Убит 6 ноября контрреволюционной бандой.

Бела Куппер,

руководитель предприятия, 40 лет

Родился в Лева. В молодости принимал участие в нелегальном коммунистическом движении. В последнее время был директором предприятия по ремонту оборудования смежных промышленных предприятий VI района. 27 октября Бела Куппер, будучи безоружным, был убит озверелым бандитом очередью из пулемета в то время, когда он разговаривал с рабочими около ворот № 1 Чепельского завода.

Флориан Лазар,
старшина полиции, 40 лет

В прошлом — заводской рабочий. После освобождения страны поступил в полицию. С целью убийства группа контрреволюционеров разыскивала его на квартире. Лазара застрелили под вечер, когда он направлялся на работу.

Ласло Лендьел,
председатель производственного кооператива, 34 лет

До освобождения страны Лендьел был поденщиком в поместье Оффнера. В 1951 году был членом-основателем производственного кооператива «Новая жизнь». В 1954 году был избран председателем кооператива. Пользовался всеобщей любовью в деревне. Убит кулаками-контрреволюционерами.

Ласло Мадьяр,
майор госбезопасности, 31 года

Отец был помощником мясника. Родители рано умерли, и с двухлетнего возраста ребенок жил впроголодь. В двенадцать лет стал учеником сапожника. В 1945 году вступил в партию и с тех пор был активным партийным работником. В 1949 году попал в пограничные войска, а затем, после окончания Академии имени Петефи, был зачислен в органы госбезопасности. Был убит контрреволюционерами при защите здания Радио.

Ласло Лукач,

армейский полковник, 36 лет

В 1945 году принимал участие в боях в составе вновь организованной венгерской армии против фашизма на германской территории. До контрреволюционного мятежа был заместителем начальника Военно-политической академии имени Петефи. Был смертельно ранен пулей при защите здания Радио.

Дёрдь Матужа,

старший лейтенант пограничных войск,
33 лет

Происходит из батрацкой семьи. Уже с детского возраста Матужа сам зарабатывал себе на хлеб. Был смертельно ранен контрреволюционерами на площади Республики. Вскоре после госпитализации умер.

Пал Молнар,

старший лейтенант госбезопасности,
31 года

Происходит из рабочей семьи. В 1945 году вступил в ряды полиции. Был убит контрреволюционерами утром 24 октября при защите здания Радио.

Йожеф А. Надь,

старшина полиции, шофер, 32 лет

С раннего возраста начал работать путевым рабочим Венгерских государственных железных дорог. В 1945 году поступил шофером в полицию. Был убит 30 октября во время перевозки продовольствия.

Карой Надь,

младший лейтенант госбезопасности, 28 лет

Сын чепельского рабочего. Был тяжело ранен контрреволюционерами 27 октября на площади Сена. Озверелые убийцы прикончили Надя, дав по нему еще одну автоматную очередь.

Йожеф Немени,

референт Совета, 51 года

Старый коммунист, восемь лет просидел в хортистской тюрьме. В последнее время работал референтом по вопросам торговли в Совете Кишкунмайша. В кровавые дни контрреволюции убийцы вытаскивали его из квартиры и поволокли в Совет, где избивали древком знамени до тех пор, пока он не умер.

Элемер Петер,

заведующий отделом предприятия транспортного строительства, 45 лет

В семье было тринадцать детей. В 1927 году стал учеником слесаря на заводе Хофхера. В 1954 году поступил работать на предприятие транспортного строительства. 30 октября был найден убитым на работе.

Ференц Полони,

начальник цеха, 58 лет

Родился в рабочей семье. По профессии — механик точных приборов. Во время первой мировой войны принимал активное участие в антимилитаристском движении. Позже был избран членом военного совета. В самое последнее время работал на заводе транспортных измерительных приборов. В конце октября 1956 года в безоружного Полони выстрелили около казармы Килиана. Умер во время перевозки в больницу.

Золтан Риго,

рядовой солдат госбезопасности, 21 года

Родился в 1935 году в Хейёчабе. Отца потерял в период второй мировой войны. После призыва был зачислен в войска внутренней охраны. Во время паводка Дуная работал по спасению пострадавших. Был убит в VII районе.

Габор Шике,

командир взвода полиции, 29 лет

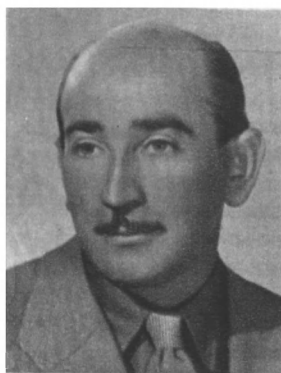
Сын ясапатских бедняков. Осенью 1953 года вступил в ряды демократической полиции. Пуля контрреволюционеров сразила его на посту у Керепешского кладбища.

Ласло Шульц,

парикмахер, 40 лет

Будучи учеником парикмахера, примкнул к движению молодых рабочих. Познал все ужасы фашизма, когда был выслан в лагерь в Маутхаузене. В самое последнее время работал в парикмахерской Горкома партии на площади Республики. Во время налета на здание Горкома ухаживал за ранеными. После захвата здания был убит контрреволюционерами.

Йожеф Ваги,

капитан пограничных войск, 27 лет

В 1950 году был призван в пограничные войска рядовым солдатом. После окончания офицерской школы был направлен в Мошонмадьяровар, где был избран членом городского совета. Местные, а также прибывшие из Австрии контрреволюционеры напали на казарму и увели капитана Ваги в здание совета, где его избили, а затем выбросили из окна. Тяжелораненого офицера насмерть затоптали ногами.

Ласло Замбо,
портной, 48 лет

С 1929 года принимал участие в рабочем движении. Преследовался хортистской полицией и долгое время просидел в фашистской тюрьме. После 1945 года работал в швейной промышленности. 25 октября вооруженные контрреволюционеры напали на него и смертельно ранили.

Беньямин Зелеско,
старший лейтенант полиции, 39 лет

Родители работали батраками в хозяйстве Земельно-кредитного банка в Шолте. В феврале 1945 года в Шолте организовал демократическую полицию и стал ее комиссаром. Контрреволюционеры в Байе очередью из-за угла убили безоружного старшего лейтенанта.

Янош Жирош,
командир взвода полиции, 27 лет

В детстве остался сиротой. С 1954 года служил полицейским в Оросланье, где его и сразила пуля. Убийцы вывернули его карманы и похитили деньги.

**Жертвами контрреволюционного террора
пали также:**

Дёрдь Алберт	ефрейтор войск госбезопасности	1935	Браила
Пал Алберт	младший сержант армии		Каранчлапуйтё
Дюла Антал	старшина	1913	Мишкольц
Янош Бак	рядовой войск госбезопасности		Ападь
Янош Балашша	старший лейтенант госбезопасности	1926	Бихаркерестеш
Дюла Балкович	армейский капитан	1929	Будапешт
Имре Г. Балог	старшина полиции	1925	Карцаг
Михай Бана	рядовой войск госбезопасности	1935	Шарошпатак
Андраш Балинт	рядовой войск госбезопасности	1933	Будапешт
Йожеф Бенедек	старшина полиции	1922	Кишбадун
Шандор Берки	лейтенант госбезопасности	1930	Будапешт *
Янош Берталан	слесарь на шахте		Инота
Золтан Береш	старшина полиции	1928	Кишпешт
Ласло Биро	ефрейтор танковых войск	1934	Асод
Лайош Боди	армейский лейтенант	1930	Самошандялош
Имре Бойти	армейский майор	1909	Карцаг
Карой Борбей	старший лейтенант госбезопасности	1930	Будапешт *
Андраш Боргола	младший сержант войск связи	1934	Мезёберень
Имре Бозвари	ефрейтор пограничных войск	1934	Уйпешт
Ференц Бродорич	капитан госбезопасности	1919	Будапешт *
Ласло Цинк	лейтенант госбезопасности	1932	Вертешшомло
Карой Цино	младший сержант танковых войск	1935	Диошдьёр
Габор Черна	сержант танковых войск	1933	Лёринц
Шандор Чепе	лейтенант госбезопасности	1931	Надьлоц
Дёрдь Чикош	старший лейтенант госбезопасности	1932	Энч
Иштван Чонтош	референт совета		Мишкольц
Иштван Чутар	курсант артиллерийского училища	1935	Сегед
Имре Чувар	лейтенант пограничных войск	1928	Будапешт *
Дюла Данцингер	младший сержант танковых войск	1934	Асод *
Лайош Дару	армейский капитан	1911	Фюзешлярмат
Ласло Эгервари	пограничник	1935	Шорокшар
Ласло Элек	рядовой войск госбезопасности	1934	Шарошпатак

* На этой странице и далее звездочкой помечено место последней службы, у остальных указано место рождения.

Барнабаш Фараго	старший вахтер		Мишкольц
Шандор Фаркаш	сержант полиции	1933	Сентеш
Йожеф Фекете	младший лейтенант госбезопасности		Яссентласло
Золтан Фёлдеш	армейский старший лейтенант	1929	Орошхаза
Имре Флориан	бригадир МТС		Байна
Ференц Франк	рядовой войск госбезопасности	1935	Венчеллэ
Лайош Фрейманн	рабочий по производству пластмассы		Будапешт
Михай Фюлеки	сержант полиции	1931	Мезётур
Йожеф Гавло	секретарь парторганизации производственного кооператива, бригадир		Какуч
Дёрдь Гашпар	старший сержант противовоздушной обороны	1935	Будапешт
Дюла Гати	подполковник госбезопасности	1906	Тосег
Имре Гати	капитан госбезопасности	1922	Тосег
Миклош Гуйаш	лейтенант войск ПВО	1935	Будапешт
Пал Дяпьяш	лейтенант госбезопасности	1919	Палмоноштор
Ласло Дениш	курсант артиллерийского училища	1934	Печ
Эде Дёндёши	курсант артиллерийского училища	1937	Вулкан
Ласло Дёре	организатор производственных кооперативов в районе		Надьката
Шандор Дюрдьевич	рядовой войск госбезопасности	1935	Веленце
Ласло Хаблинг	старшина полиции	1931	Селлэ
Иштван Хайду	ефрейтор полиции	1933	Хайдубёсёрмень
Имре Хайош	студент университета		Будапешт
Тибор Херцег	армейский офицер	1922	Будапешт
Ласло Хидег	младший сержант танковых войск	1934	Асод *
Ласло Ходош	капитан госбезопасности	1924	Будапешт *
Ласло Хоош	лейтенант	1928	Кёсег
Ференц Хорнинг	прокурор	1922	Надьбочко
Йожеф Хорват	лейтенант госбезопасности	1918	Калоча
Ласло Хорват	танкист	1935	Асод *
Золтан Хорват	старший лейтенант госбезопасности	1931	Будапешт
Карой Хравати	старшина войск связи	1935	Вечеш
Иштван Ижо	старшина войск госбезопасности	1920	Надьшап
Йожеф Ямбрих	капитан госбезопасности	1926	Герендаш
Силард Йоббадь	ефрейтор пограничных войск	1933	Клуж
Имре Йовари	старший лейтенант полиции	1914	Секешфехервар
Йожеф Юхас	лейтенант госбезопасности	1925	Алшосуха
Миклош Юринович	капитан мотострелковых войск	1930	Бачалмаш
Бела Юркович	рядовой войск госбезопасности	1933	Чев

Дюла Канчар	старшина полиции	1920	Буди
Иштван Карачони	старшина полиции	1919	Такшонь
Пал Кардош	старшина полиции	1930	Секешфехервар
Дюла Катона	рядовой войск госбезопасности	1934	Цеглед
Эде Кадаш	курсант артиллерийского училища	1934	Будапешт
Михай Каллан	рядовой войск госбезопасности	1935	Кишкунфелед-хаза
Иштван Калман	сержант войск госбезопасности	1933	Ихарошберень
Иштван Карпати	рядовой войск госбезопасности	1935	Будапешт
Даниэль Килити	младший сержант пограничных войск	1935	Литэр
Дюла Кишш	майор госбезопасности	1928	Кишкунмайша
Лайош Кишш	работник обкома Венгерской партии трудящихся		Веспрем
Тибор Климиш	армейский капитан	1924	Будапешт
Йожеф Колар	старший лейтенант полиции	1905	Эницке
Иштван Коллар	подсобный рабочий	1930	Келебиа
Имре Конц	младший сержант войск госбезопасности	1934	Эрд
Имре Ковач	рядовой войск госбезопасности	1935	Пати
Иштван Х. Ковач	капитан госбезопасности	1920	Ханта
Режё Ковач Рудольф	начальник цеха сахарного завода		Капошвар
Янош Куба	сержант войск госбезопасности	1933	Тисакечке
Золтан Кучера	рядовой войск госбезопасности	1935	Озд
Шандор Криштон	шахтер		Озд
Янош Ладани	лейтенант госбезопасности	1927	Будапешт *
Дёрдь Лайош	армейский лейтенант	1931	Чалипуста
Андраш Лайтан	старшина войск госбезопасности	1907	Будапешт *
Дёрдь Лоранд	капитан госбезопасности	1925	Будапешт *
Ференц Лошонци	старший лейтенант госбезопасности	1929	Будапешт *
Иштван Лёринц	капитан танковых войск	1927	Бечехей
Йожеф Лёринц	заводской рабочий		Озд
Гержон Матолчи	секретарь парторганизации производственного кооператива им. Мичурина		Вашмедер
Антал Матаи	рядовой войск госбезопасности	1935	Лендел
Эрвин Меньхарт	младший лейтенант полиции	1929	Дьёр
Иштван Месарош	ефрейтор войск госбезопасности	1934	Цегледчеме

Йожеф Модош	пограничник	1935	Шарод
Иштван Можан	капитан госбезопасности	1922	Надьдород
Бела Молнар	сержант войск госбезопасности	1934	Диошдьёр
Янош Муринаи	старший лейтенант госбезопасности	1926	Будапешт
Д-р Ласло Надь	адвокат	1898	Надькарой
Иштван			Сирмабешеньё
Иштван Надь	литейщик		
Янош Надь	рядовой войск госбезопасности	1933	Вашарошбец
Янош Надь	старший лейтенант госбезопасности	1925	Шаркерестур
Жигмонд Ч. Надь	капитан полиции	1913	Мезётур
Ласло Ж. Надь	младший сержант госбезопасности	1934	Дебрецен
Вилмош Надь	капитан полиции	1927	Будапешт
Йожеф Навратик	армейский ефрейтор		Киштарча
Иштван Немешвари	сержант мотострелковых войск		Комаром
Иштван Орсак	рядовой войск госбезопасности	1933	Эрдёбене
Шандор Опрендек	майор	1919	Мишкольц
Тибор Этвёш	ефрейтор пограничных войск	1935	Фот
Вилмош Паллаг	земледелец		Байна
Михай Патаи	армейский лейтенант	1930	Бекешчаба
Антал Пакозди	работник завода „Данувия“	1909	Кишкунхалаш
Йожеф Пенцингер	председатель производственного кооператива „Пионер“		Ихарошберень
Йожеф Петер	рядовой войск госбезопасности	1935	Ападь
Иштван Пинтер	лейтенант пограничных войск	1933	Комаром
Янош Пригли	референт районного совета	1935	Шиофок
Игнац Пуни	рядовой войск госбезопасности	1935	Кунсалаш
Йожеф Радуй	капитан госбезопасности	1926	Мишкольц
Имре Раслер	младший сержант полиции	1933	Капувар
Енё Рац	капитан (пенсионер)	1899	Будапешт
Лайош Рац	лейтенант госбезопасности	1926	Пилишсентиван
Йожеф Рац	капитан, слушатель Академии им. Петефи	1922	Бельшёвёч
Дёрдь Родер	зав. отделом	1928	Будапешт
Янош Руми	лейтенант госбезопасности	1913	Будапешт *
Иштван Шаркади	бригадир, секретарь парторганизации		Озд
Янош Штрелец	лейтенант госбезопасности	1925	Мишкольц *
Бела Швац	слесарь		Пилишчев
Алберт Шейрих	рядовой войск госбезопасности	1934	Нергсуйфалу

Миклош Шниерер	армейский лейтенант	1932	Секешфехервар
Йожеф Штефко	старший лейтенант пограничных войск	1933	Почпетри
Ференц Сабо	рядовой войск госбезопасности	1933	Доба
Миклош Сабо	курсант артиллерийского училища	1936	Диошдьёр
Золтан Сабо	младший лейтенант госбезопасности	1926	Фюзешдьярмат
Иштван Сани	младший сержант войск госбезопасности	1934	Будапешт
Надь Йожеф	шофер	1926	Надишмонь
Салан Антал	мастер		Тата
Сейдеманн Золтан	лейтенант полиции	1920	Комаром *
Семеркеи Роберт	рядовой войск госбезопасности	1934	Будапешт *
Сепеши Ференц	главный бухгалтер МТС		Будапешт-Байна
Сёке Дюла	младший сержант бронетанковых войск	1935	Будапешт
Теленко Янош	младший сержант, танкист		Чобад
Тот Бела	лейтенант госбезопасности	1932	Рабабодьосло
Тот Ференц	капитан госбезопасности	1921	Полгар
Тот Янош	старшина войск госбезопасности	1929	Домбрад
Тёмпе Йожеф	лейтенант госбезопасности	1924	Будапешт *
Тёжер Йожеф	служащий совета XII района Будапешта	1914	Надьфюгед
Варга Лайош	лейтенант госбезопасности	1930	Молнасечёд
Вашш Эрнё	армейский майор, бывший партизан	1922	Гегейи
Вашш Карой	рядовой войск госбезопасности	1934	Коняр
Васил Йожеф	ефрейтор войск госбезопасности	1934	Ревлеаньвар
Вари Имре	лейтенант войск госбезопасности	1928	Будапешт *
Варкони Дёрдь	лейтенант войск госбезопасности	1933	Будапешт
Варкони Дюла	лейтенант войск госбезопасности	1932	Будапешт *
Вегхейи Калман	старшина войск госбезопасности	1927	Будапешт *
Вен Йожеф	старшина мотострелковых войск	1935	Эрегчертё
Вернер Иштван	рядовой войск госбезопасности	1933	Сюдь
Жолдош Дёрдь	начальник цеха		Веленце

Приложения

I. Сводка о числе лиц, арестованных контрреволюционерами

Между 23 октября и 3 ноября контрреволюционеры арестовали многих коммунистов, советских и партийных работников, армейских офицеров, работников МВД. Назвать точное число арестованных не представляется возможным, так как данные можно было собрать только из областных и городских тюрем, районных, городских и областных отделений полиции. В этих местах было арестовано контрреволюционерами 2929 человек. Точных данных об арестах, совершенных в основных гнездах контрреволюционного мятежа (улица Пратер, переулок Корвин, казарма Килиан, площадь Сена, улица Марош, улица Шандора Петефи, площадь Республики), в сельских советах и в других местах, не имеется в нашем распоряжении.

В Будапеште, тюрьма на ул. Фё	400 человек, из них	15 гражданских лиц
В Будапеште, тюрьма на ул. Козма	200	8
В Будапеште, пересыльная тюрьма на ул. Марко . .	192	9
В Будапеште, управление полиции	367	80
Область Бараня	161	21
„ Бач Кишкун	118	3
„ Бекеш	139	65
„ Боршод	84	1
„ Чонград	82	14
„ Фейер	100	33
„ Дьёр-Шопрон	81	34
„ Хайду-Бихар	53	18
„ Хевеш	78	27
„ Комаром	34	5
„ Ноград	38	23
„ Пешт (без Будапешта)	129	67
„ Шомодь	124	48
„ Саболч-Сатмар . . .	4	3
„ Сольнок	91	11
„ Толна	62	10
„ Ваш	29	12
„ Веспрем	171	35
„ Зала	92	16

Всего 2929 человек, из них 558 гражданских лиц

Части арестованных уже был объявлен смертный приговор, массовое приведение в исполнение которого в Будапеште было намечено на 6 ноября. В это время предполагалось устроить на площади Вермезё пышные похороны погибших контрреволюционеров. Во время этих похорон Йожеф Миндсенти намеревался произнести траурную речь. Похоронам хотели придать провокационный характер, а после них начался бы массовый кровавый террор. Арестованных освободили советские войска.

II. Число раненых и погибших 23 октября и в последующие дни мятежа

(из сообщения Центрального статистического управления)

«Число погибших в стране в связи с событиями 23 октября и в последующие дни составляет около 2700 человек; из них о 2195 смертельных случаях сделана запись в актах гражданского состояния, о 307 смертельных случаях Статистическому управлению стало известно из сообщений о погребениях, эксгумациях и из заявлений. Кроме того, предполагается наличие еще 100—150 погибших, которых еще не эксгумировали и о гибели которых еще не заявляли.

Из числа погибших в связи с событиями 23 октября и в последующие дни 1945 случаев (78 процентов общего числа погибших) приходится на Будапешт.

85 процентов погибших в Будапеште лиц проживали в столице, остальные — в провинции.

Государственные органы здравоохранения с 23 октября и до конца 1956 года оказали помощь почти 20 тысячам людей, которые были ранены в результате боевых действий. 61 процент обслуженных раненых составляли лежащие больные, нуждавшиеся в больничном уходе. 8 процентов лиц, которых лечили в больницах, умерли». (Примечание. Вышеприведенные данные касаются только венгерских граждан.)

Цена 3 руб.